

№ 5

2009

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ
(г. Алматы), Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ, (г. Астана), В. Ф. МИХАЙЛОВ
(г. Алматы), Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), В. И. РЫЖКОВ
(г. Караганда), Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), А. Ю. ТАРАКОВ
(г. Астана), И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), А. М. ШВЫДКО (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

В. Шестериков. «У всех прошу прощенья...». Стихи 3

К 65-летию Великой Победы

Н. Ковтун. «Мир помнит вас...». Стихи 55

Поэзия и проза

В гостях у «Нивы» — литературный клуб «Пегас».

Стихи **Ш. Надуралиевой, К. Калининой, Н. Маноли, В. Кучма,**

Д. Иванова, Д. Ларионова, А. Туйковой, Н. Оразбаевой,

Д. Байгозиновой, П. Чихичиной, Д. Довольнова,

рассказы **Д. Довольнова, Л. Шайдуровой** 89

© «Нива», 2009, Астана

Проза

Р. Махатадзе. Охота на «белую ворону». Роман (продолжение) ... **13**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 62

Философские беседы

З. Мукашев. Космонавты — новая историческая общность **105**

Критика и литературоведение

С. Ананьева. Воздвигая мосты духовности.

Казахстанско-украинские литературные связи **122**

Искусство

Н. Курпякова. Живущий музыкой души **150**

Параллели и меридианы

Г. Кудайбергенов. Конец и вновь начало **153**

Изоальбом «Нивы»: из работ Генриха Курпиянова.

Владимир ШЕСТЕРИКОВ

“У всех прошу прощенья...”

Прощёное воскресенье

От всей души с прощёным воскресеньем
Я поздравляю вас.
И стало быть
Простим обиды всем без исключения
И даже тем, кого нельзя простить.

Давайте выйдем с замкнутого круга,
Какой в тупик нас может завести,
И скажем искренне, по-доброму друг другу
Простое и заветное: прости.

Я говорю всем в тихом озаренье,
Боясь мгновенье это пропустить,
Прощаю всех. У всех прошу прощенья,
Но лишь себя я не могу простить
За то, что был к кому-то невнимательным.
Не смог беду чужую отвести
И не успел в печальный час свой матери
Из сердца тихо выдохнуть: прости.

И потому я в горький час прозренья
Прошу тебя, с кем довелось пройти,
Пусть трудные, но чудные мгновенья:
Прости меня. Пожалуйста, прости!

Прощаю всех. И сам прошу прощенья
У тех, кого за что-то не любил,
За все обиды, ссоры и сомнения,
Чему виной я сам, быть может, был.

Нам всем, для мира и добра рождённым,
Воистину бы надо понимать,
Как хорошо, как важно быть прощённым,
Просить прощенья и уметь прощать!

Тебе быть Ниной суждено

“... Ум и дела твои бессмертны в памяти русской,
но для чего пережила тебя любовь моя?”.

(Надпись, высеченная по воле Нины Грибоедовой
на могиле А. С. Грибоедова)

Отводят горести и беды,
Огнём волнуются в крови.
Слова под прахом Грибоедова,
Как вечный памятник любви.

Тебя, с кем я делился болью,
Волненьем трепетным в груди,
И потому молюсь и молвлю:
Не уходи, не уходи...

Мгновенья чудные изведать
Ещё судьбою нам дано,
Пусть я, увы, не Грибоедов,
Тебе ж быть Ниной суждено!

Эгей, мальчишки!
В памяти поройтесь.
И в ней бывлые годы пролистайте,
Как на ходу вскочив в товарный поезд,
Мы мчались мимо роц и полустанков.

*Как отплывали в сторону вокзалы,
Как мы летели в поисках удачи,
И нам почти волшебными казались
Глаз семафора,
 башня водокачки.*

Сверкали рельсы серебристой сталью,
В глаза мигнув пронзительным фонариком,
Нас ревизоры строгие снимали
Из детства прямо —
по дороге...
к африкам.

Вновь поезда сквозь годы отправляются,
Поныне всё ещё нам слышен детства зов,
И часто ночью в наши сны врывается
Знобющий гром товарных поездов.

*И учащённей в час тот бьётся сердце,
И за собою нас зовут просторы,
Вскочить бы с ходу на подножку детства,
И пусть потом снимают контролёры.*

Какой тревогой, тайной сердце дышит,
Как что-то обрывается у нас,
Куда зовёт, когда случайно слышишь
В последний раз прощальный школьный вальс.

Мне б с юностью своей хотя б полкруга
Пройти, касаясь тайного огня,
Но я стою... и снежных платьев вьюга
Уносится всё дальше от меня.

И юность, как несмелая девчонка,
Дверь закрывает тихо за собой...
Ах как метёт черёмухи позёмка,
Похожая на бал тот выпускной.

Чтоб светилась душа

Говорим мы с печалью:
Вот начать бы сначала,
Жизнь пошла б по-другому...
Ну кому незнакомо
Это странное чувство
Удивительной грусти,
Когда жизнь на излёте,
А душа всё в полёте?

А душа молода —
Нипочём ей года,
Но щемит что-то грудь —
Ничего не вернуть!

Но зачем жить иначе?
Что судьбой предназначено,
Так тому, значит, быть,
И не надо тужить,
А принять, как положено,
Песню ту, что уж сложена!
И с любовью большою
Спеть её не спеша,
Улыбнуться душою,
Чтоб светилась душа!

“Спасите Прагу”

*“В Праге сняли с постамент
знаменитый танк — памятник
советским воинам, освободившим
Чехословакию от фашистов”.*

(Из печати)

О русских воинов отвага,
Решимость лиц в суровый час,
Когда эфир: “Спасите Прагу!”
Европу древнюю потряс.

Мелькали рвы и полустанки,
Тряслись ажурные мосты,
Когда спешили наши танки
От непла стольный град спасти.

Был грозен путь к их пьедесталу,
Сквозь смерть, страдания и прах,
И сколько воинам досталось
Цветов и радости в глазах!

Цвели каштаны и улыбки...
Века в один поставят ряд
Героев Праги, Плевны, Шипки
И тех, кто пал за Сталинград.

Воздаст история по праву
Всем, утверждающим враньё
Про нашу честь и нашу славу,
Про лебедей и вороньё.

За то, что вновь на полустанке,
Устав от горестных обид,
Под марш "Прощание славянки"
Терзает душу инвалид.

Так пусть над ложью и неправдой,
Над Волгой, Вислой и Непрядвой
Через поруганный гранит
Тревожный зов "Спасите Прагу!"
В сердца потомков долетит.

Оборванные струны

Играют вальс "Оборванные струны"
На встрече разных лет выпускников,
И выплывает в белом платье юность,
И машет нам приветственно рукой.

А сверху, в чёрных рамочках разграфленных,
Глазами невернувшихся ребят
Со школьных стендов строго фотографии
На нас из сорок первого глядят.

Играют вальс... И вспыхнет в сердце пламя
Лет грозových у каждого из нас.
И пусть простят подруги, если память
Вдруг кто-то пригласит на этот вальс.

... Играют вальс.
Полки уходят маршем
Под грохот орудийных канонад,
А мы сейчас, наверно, втрое старше
Со школьной парты призванных солдат,

Ещё безусых, озорных и юных,
Входивших в классы столько лет назад.
Смолкает вальс “Оборванные струны”,
Но струны лет оборванных звенят.

Рождение

Как мучает порою нас,
Как все на свете поколенья,
И в добрый,
и в недобрый час
Загадка нашего рожденья.

Мы начинаем вспоминать
Степных пожарниц привкус знойный,
Когда нас провожала мать
На наши праведные войны.

Эпохи, годы, времена
Прошли,
промчались,
оттылали,
И позабыл я имена,
Какие в прошлом мне давали.

Но всё же я когда-то был,
Я вспоминаю смутно-смутно,
Как по родной земле ходил
И от неё ушёл под утро.

Придёт когда-нибудь пора,
И мне расскажут,
как я сбился,
И сколько раз я умирал,
И сколько —
заново родился.

Продают ордена

“Куплю военные ордена за рубли или в валюте”
(Из объявления в российской газете)

Как звенели они на груди,
Ордена,
что останутся с нами,
Орден Славы
и Красной Звезды,
Орден Невского, Красного Знамени.

В том, наверно, вина наша есть,
Что в большом и всеобщем раздрыге
Нашу славу скупают и честь
За рубли и валюту барыги.

Наши деды и наши отцы
Для того ли в сражениях пали
За Отечество, чтобы дельцы
То, чему нет цены, продавали?

Чтоб вносили торгашеский пыл
В то, что близко нам,
дорого,
свято.

Зная то, что из братских могил
Не подняться бесстрашным комбатам.

Нет на тех никакого креста,
Кто покой их и дух их нарушил,
Кто предаст и отца,
и Христа
И заложит за сребреник душу.

О родных корнях

Нас с детства ветры странствий манят,
Но жизнь вверяет нас судьбе,
Так улыбнётся ли в Германии
Она от нас вдали тебе?

Да там, конечно, полный орднунг!¹
Всего в избытке. Просто рай.
У нас раздрай.
Но будь же гордой —
Родных корней не потеряй!

Без наших зим, берёзок русских,
Полей бескрайних, журавлей.
Наверно, как у нас ни грустно,
И там не будет веселей.

Так помни: нет на свете лучше —
В краях далёких и чужих —
Страны Чайковского и Пушкина
И просто — прадедов твоих.

За пять минут до войны

Всё в дрёме — нивы и покосы,
Звения от чуткой тишины,
Рассвета серая полоска
Мир отделяет от войны.

¹ Орднунг (нем.) — порядок.

Ещё не вздыблено отечество
И не изведен ад сполна,
Ещё не верят перебежчику,
Который выдохнул: “Война!”.

Ещё спокойно спят дороги
И мирно дремлют облака,
Ещё в Кремле никто не вздрогнул
От телефонного звонка.

Ещё не знают в сне глубоком
Отчизны верные сыны,
Что на Россию все бинокли
С той стороны наведены.

Ещё вдали зарёю внешней
Восток румянится едва,
Но плачет где-то безутешно
Ночная птица, как вдова!

Ярославны

А шали чёрные — к разлуке,
Там, за околицей села,
Роняли Ярославны руки,
Как лебедь, белые крыла.

И ждали в будни,
 ждали в праздники,
И сколько ждать им впереди?
С каких же пор они повязаны
Крестами шалей на груди?

Выгибая царственные шеи,
Призывали кликами они
Вместе с ними разделить лишенья,
Миг полёта,
 кочевые дни.

Улетали вдаль единой ратью,
Землю оставляя под крылом,
Ну а их домашние собратья,
Гогоча, ходили за селом.

И своё предчувствуя
 бессилье,
Полететь за ними не могли...
Можно жить,
 иметь для взлёта крылья
И не оторваться от земли.

Огонёк

Шаг ещё — и свалит ветер с ног,
Одолеет путника усталость.
Но блеснул далёкий огонёк
И — тревог дорожных не осталось.
Он, мерцая, свет дрожащий льёт.
Значит —
 не потеряна надежда
Завернуть туда,
Где есть жильё,
Выпить чаю.
Высушить одежду.
Постучишь —
 и выйдет на мороз
Сам хозяин.
Встретит, словно друга.
И к утру, как сумасшедший пёс,
В конуру забравшись,
 стихнет вьюга.
Огонёк души!
Ты был и есть
Для идущих доброю надеждой.
То исчезнешь,
 подавая весть,
То опять звездой печальной брезжишь.

Несжатая полоса

“Только не сжата полоска одна”.
Н. Некрасов

Лишь строка из творений поэта,
Но за нею эпоха видна,
И душой я болею, что где-то
Всё не сжата полоска одна.

Я живу в этом веке иначе,
Хлеба вдоволь.
Хожу не босой.
Только грустную думу не прячу
Над несжатою полосой.

... Бродят осени запахи бражные,
Ниба сжата.
Спадает роса.
Но, наверное, в жизни каждого
Есть несжатая полоса.

Пусть срываются ветры с цепи,
Изнывая от злобы и ревности,
Я из тех,
 кто привязан к стегу

Навсегда
 лебединой верностью.

Не могу без неё вдалеке,
Мне однажды в степи рассказали,
Как в тоске,
 заходя в тике,
Разбивается лебедь о скалы.

Роль

Какой подъём!
Какой накал!
Летят отточенные фразы...
А я на сцене не играл,
Никем не смог я быть ни разу.

Не превращал меня Шекспир
Ни в лицедея, ни в злодея...
... Но шёл спектакль.
И я спросил:
Зачем пришёл я в этот мир,
Чего достиг?
Чего не сделал?

Ведь, как в театре, как в кино,
По доброй и недоброй воле
И зрителям отведено
Играть на сцене жизни роли.

А если выбор есть — тогда
Играют ту, что им удобней...
Мой друг!
Я верю — никогда
Не будешь в роли ты подобной,

Чтоб понимать чужую боль
И доброты людской раздолье...
А быть всегда самим собой —
На свете нет труднее роли.

Цветное стекло

Мы глядели в цветное стекло,
Восхищение миром не пряча,
Когда в наших глазах расцвело
Всё, что виделось раньше иначе.

Мы глядели издалека —
И причуда пришла к нам по нраву, —
На оранжевые облака,
На высокие красные травы.

*На заморских диковинных птиц
В необычном сиреновом небе,
Пламя красок далёких зарниц
Пело в стёклышке детства волшебном.*

*Лишь потом мне открылся секрет,
А не в ту беззаботную пору,
Как обманчив тот розовый цвет,
За которым порою скрыт чёрный.*

г. Петропавловск.

От редакции.

10 мая 2009 года члену Союза писателей СССР (Казахстана), известному поэту Владимиру Георгиевичу Шестерикову исполнилось 70 лет со дня рождения.

Вся жизнь В. Г. Шестерикова неразсторжимо связана с родной ему Северо-Казахстанской областью. После окончания филиала Петропавловского пединститута он был принят на работу в редакцию областной газеты “Ленинское знамя” (ныне “Северный Казахстан”) и до сих пор вот уже почти полвека плодотворно трудится на поприще журналистики.

Все минувшие десятилетия В. Шестериков ответственную работу в газете успешно сочетал с литературной деятельностью. Признание в республике он получил как талантливый поэт, автор многих сборников стихов, в которых воспеваются казахстанская хлебная степь, милые сердцу необъятные приишимские просторы, красота окружающей природы, замечательные труженики благодатной земли.

Кроме того, В. Шестериков написал множество глубоких очерков о славных людях родного края и его истории, о деятелях культуры, образования, здравоохранения, о примечательных человеческих судьбах. Тем самым одарённый писатель и журналист преданно служит делу патриотического, духовного и нравственного воспитания населения, укреплению межнационального согласия в нашем общем доме — Республике Казахстан.

Весомы достижения В. Шестерикова и в сфере художественного перевода. В частности, он перевёл на русский язык многие творения классика казахской литературы, великого поэта Магжана Жумабаева, опубликованные в различных книгах и журналах, а также произведения своих собратьев по перу Муталлапа Кангожина, Бахыта Мустафина и т. д.

Неоценим вклад В. Шестерикова в подготовку и воспитание молодой литературной смены, он выпестовал и дал доброе напутствие многим способным поэтам и прозаикам, вот уже несколько лет по совместительству является главным редактором областного литературного журнала “Провинция”.

С 1991 года В. Шестериков входит в состав редколлегии нашего журнала “Нива”, представляя на его страницах творчество своих земляков, регулярно публикуя и свои произведения.

Редакция “Нивы” сердечно поздравляет Владимира Георгиевича со знаменательным юбилеем, желает крепкого здоровья, благополучия, счастья и новых творческих достижений!

Реваз МАХАТАДЗЕ

Охота на "белую ворону"

Роман

(Продолжение. Начало в № 4 за 2009 год)

Коварный гость

Инспектор Бека Гвелесиани всю ночь не находил себе места, раздумывал, с какой стороны подойти, как придрататься к руководителю Орбетского винзавода Малхазу Махатели. Вспоминал различные варианты из своей милицейской практики, все приёмы, методы и уловки. Листал страницы памяти, как главы толстой книги. Наконец набрёл на ту, которую так долго и тщательно искал. Перед взором его встал кутаисский торговец рыбой Дзуку Соселиа, Сом.

О-о! Давненько они вместе не охотились на людей!

Этот тип его находка, его произведение, это он выдрессировал его, как собаку, и использовал на охоте. Из-под его рук всё выходило легко и артистично.

Если и удастся поддеть Махатели, то только и только с помощью Дзуку, — принял решение и приступил к составлению плана действий Бека. Это было для него делом привычным.

Лёжа, он долго обдумывал детали, но, сочетая, переплетая их, поддался усталости и, чрезвычайно довольный собой, уснул.

Утром проснулся поздно. На свежую голову прокрутил намеченный ночью план. Неплохо! Весьма! По нему «бомба» взорвётся незамедлительно.

Где лучше повидаться с Дзуку — на работе, в палатке или дома? Пожалуй, дома. Там спокойно можно будет обговорить все детали плана.

Время от рассвета до заката тянулось до бесконечности. Бека вышел из кабинета, переодетый в цивильное, крепко запер за собой дверь и сбежал вниз, к выходу из здания раймилиции.

Темнело. Резко ухудшалась погода. Ветер с запада пригнал тяжёлые тучи и, усилившись, смешался с проливным дождём. Настоящая буря! Ёлки за небольшой площадкой перед милицией обречённо машут разлапистыми ветвями и даже сгибаются под порывами. Водовод не вмещает срывающиеся с гор потоки, и асфальтированные улицы приобретают сходство с речками.

Бека Гвелесиани стоит у порога и не решается пробежать под ливнем всего шагов тридцать до своих "Жигулей".

Чуть не к самому входу подкатила машина начальника милиции.

Начальник Вано Цинцадзе взбежал по ступенькам и полюбопытствовал у сотрудника:

— Куда ты, Бека, собрался под таким ливнем? Погода — хороший хозяин собаку не выгонит!

— В Кутаиси, начальник!

— Что за такая неотложная надобность? Пережди, пока перестанет. Я сам только что оттуда. Там буквально всё сносит. С гор несутся неудержимые потоки. Прямо буря свирепствует. Риони бушует, вырывается из берегов, вот-вот начнёт заливать улицы. Квирила в бешенстве бьётся о мост. Как бы не залила его.

— По такому еду делу, что даже если придётся пробиваться в объезд через Зестафони, всё же надо будет решиться! — и на этих словах с ключами наизготовку выбежал к машине.

Начальник оказался прав. У моста через Квирилу творилось что-то невообразимое. Волны перекатывались через него и низвергались с оглушительным гулом.

Азарт, однако, побудил Беку взнуздать “Жигули”, как жеребца, и бросить-таки на двухсотметровый мост. Машина справилась, и, несмотря на непрекращающийся ливень и кромешную тьму, Бека без труда нашёл хорошо знакомый дом Дзуку Соселиа.

Дзуку с женой живут в новом районе, на проспекте Свободы, в квартале, застроенном частными домиками, один из которых, двухэтажный, кирпичный, с привлекательным уличным фасадом, их, Дзуку и Лолы.

Бека остановил машину у утопающих в воде ворот.

Дождь поливает так, что страшно открыть дверь и выйти.

Одно из окон во втором этаже светится блёклым голубеньким светом. Видимо, смотрят телевизор.

Бека сигналил второй, третий раз, хотя и знает, что сквозь гул потоков сигнала ни за что не пробиться. Если во дворе взорвётся бомба, и то никто не услышит, при том что ещё и включён телевизор.

Но скрип отворяемых ворот соседей всё же достиг его слуха, Бека включил фары и заметил пустившегося от ворот пробежками довольно высокого мужчину. Дал короткий сигнал и чуть-чуть приспустил оконное стекло.

— Давайте сюда! На минутку! — громко крикнул в щёлку и позвал незнакомца в машину.

Тот и впрямь, покашливая в кулак, подскочил, и по виду его уже можно было заметить, что он порядком навеселе.

В небе, забитом тяжёлыми тучами, сверкало и грохотало, будто по нему друг за другом пробегали длинные грузовые составы.

Ярчайшая молния рассыпалась над Ухимериони и ослепительно осветила её.

— Видел? Повалило дуб у Зелёного рынка, — протянул незнакомец два пальца на северо-запад и сунулся к окну машины. — Сигареты не найдётся?

— Найдётся, как не найтись! Залезайте в машину, чего вам там мокнуть? — оттянул Бека руку назад и открыл дверцу.

Незнакомец устроился в уголке, и Бека протянул ему пачку. Тот выудил одну, остальное собрался вернуть, но Бека не взял:

— Оставьте себе, у меня есть ещё, — чиркнул он спичкой.

— Во! — тихонько рассмеялся незнакомец. — Делать добро, так уж делать, — глубоко и с удовольствием затянулся.

— Это да!

— Вы, должно быть, гость Дзуку? — выдохнул незнакомец на Беку смешанный дух вина и лука.

— Угадал! Сигналю, сигналю, а им не слышно!

— Да как и услышишь сквозь такой грохот! К тому же, видно, смотрят телевизор. Люди странные, нелюдимые... Чуть стемнеет, накрепко запираются изнутри, да ещё и задвигают засов. И дверь в дом на замке. Хоть до утра сигнал, не дозовёшься! Если и услышат, не отпрут.

Беку эти слова заставили призадуматься.

— Да, но с чего бы это?

— А с того, что... боятся, — воздержался незнакомец от дальнейших объяснений. — Родня они вам, или?..

— Дзуку мой знакомый. Давно приглашает к себе, а мне всё недосуг. Нынче дождь, как видишь, застиг меня при проезде через Кутаиси, решил переждать у него непогоду.

— Ха-ха! Дзуку Соселиа приглашал в гости? Вот это да! Позвольте, братец, вам не поверить. Никто никогда не видел, чтоб из его дома выходил человек навеселе.

— Почему вы так говорите? Дзуку хлебосольный хозяин!

Помолчали. Дождь не только не прекратился, но припустил ещё сильнее. Хочешь не хочешь, а в ожидании разговоришься.

— Как бы не так! Вам Дзуку знакомый, а мне ближайший сосед. Столько лет живём рядышком. Хочешь, обменяюсь им с тобой на бочонок вина? — снова рассмеялся незнакомец. Весельчак, видно. — Как вас по имени?

— Бениамин, — не сразу отозвался Бека.

— А меня Шота, — откинулся незнакомец на спинку сиденья, уже держась гораздо свободнее, чуть ли не на короткую ногу. — Так вот, Бено, чего греха таить, наш друг Дзуку Соселиа человек препаршивый.

— Не говорите так, Шота, — сделал Бека вид, будто жутко удивился. — Чем он вас обидел?

— Да не я, а весь Кутаиси считает его за такого. А если меня чем обидит, пойдёт в расход, как козёл на бурдюк. — И он понизил голос, будто открывал великую тайну. — Наседка милиции, вот кто такой ваш Дзуку. Много грешков на его совести.

Правильно, однако, поступил Бека, что переоделся в гражданское. В машине у него сидит интересный и разговорчивый тип. Не останови, проговорит, кажется, до рассвета.

— Не всех, не всех ругают по заслугам. Разве вы не знаете, что на многих клеветают и пускают недобрые слухи!

Шота при этих словах прямо-таки разъярился, выпрямился на сиденье, подался вперёд:

— Бено! Будет, ради Бога, философствовать. Я и сам в этом убедился, и от других столько наслышался о Дзуку, что, если рассказать какому писателю, напишет очень занимательный роман.

— Я вас с таким познакомлю, Шота! — от души расхохотался Бека.

— И хорошо сделаешь, — с явным удовольствием согласился его собеседник. — А известно ли тебе прозвище Дзуку?

— Нет! — схитрил Бека. — Что же за прозвище?

— Сом! Обитатель тихих заведений. Разве не похож? К тому же торгует рыбой, в том числе морожеными сомами. Стакнулся он с каким-то инспектором ОБХС Гадюкой. Что только не творила парочка по магазинам. Вот представь себе такую картину: идёт по полю или по лесной просеке охотник во всей амуниции, а перед ним трусит, принюхивается собака. Так и они шастали от лавочки к лавочке. Потом Гадюку пинком погнали из милиции, и он исчез, сгинул.

К сердцу Беки подступил дикий гнев. До него порой доходило это прозвище, Гадюка, но своими ушами он слышит его впервые... Он на мгновение засветил, но тут же выключил фары:

— Шота, дождь уменьшился, — слукавил, потому что лило по-прежнему, как из ведра, — может, пробежишься к Дзуку?

— О чём речь! Перемахну через забор, неужели наверху не отворят? Кулаками побарабаню, — поднял он руки и выскочил из машины.

— Пляди там, чтоб собака с цепи не была спущена, — крикнул вслед ему Бека.

— Собаку их кто-то неделю назад отравил. А какой был пёс! Немецкая овчарка. Включённые фары ярко осветили ограду и двор.

Шота вцепился обеими руками в верхний край железных листов ограды, подтянулся, крикнул: — Гоп! — и вправду перескочил во двор.

Бека высунулся из машины и проводил его взглядом. Как там получится? Отворят или не отворят? Неужели не отворят? Не приведи Господь! Притащить-ся в этакий ливень!

Пьяненький Шота выкрикивал по пути к двери:

— Подлец Дзуку! А ну выходи! Я привёл к тебе гостя...
Он взбежал вверх по ступенькам и ринулся к мощной входной двери.
— Дзуку! — заколотил в неё кулаками. — Отпирай скорей, это я, твой сосед!
— Какой сосед? — донеслось к нему издали.
— Какой-какой? Шота Верулашвили. Не узнал по голосу, что ли? Ты смотри там, не пальни из чего! Сом!

За дверью посмеивались, и слышался женский шёпот:

— Дзуку! Гляди в оба. Кабы он не обманул нас...

— Лола, не бойтесь. Это я! — убеждал Шота.

За дверью понизились голоса, но, видимо, переговаривались.

“Опасаются, сволочи! Должно быть, думают, что меня подослали. Ну, понятно, не очень-то хорошо меня знают”.

— Шота! Чего тебе в эту ночь?

— Какое там полночь? Час, как стемнело. К вам гость.

— Что за гость? Как зовут?

— Бениамин!

— Бениамин? Никого такого не знаю.

Из-за ограды послышался голос приезжего:

— Скажи, что приехал Бека Гвелесиани.

Шота вернулся к двери:

— Дзуку! Беку Гвелесиани знаешь?

Послышался лязг отодвигаемого засова, и два раза проскрежетал поворачиваемый ключ.

В дверях дрожали перепуганные супруги. У Лолы чуть не отвалилась нижняя челюсть.

— А где же гость? — высунул из-за двери крупную голову Дзуку и оглядел площадку и лестницу.

— У ворот ждёт. Я перепрыгнул через ограду.

Пошли вниз. Впереди Шота, за ним Дзуку со связкой ключей.

Гость и хозяин встретились тепло и сердечно. Ещё бы! Столько времени не виделись.

Бека сунулся целоваться, но тут же отпрянул. Спутанная седая борода, наверное, целый месяц не подстригалась. Правда, тут же пронеслась мысль: а хорошо, что он сейчас с бородой. Молодец, отпустил! Дело задумано такое, что хоть искусственную прищипандоривай. А тут прямо-таки подарок — натуральная! Хорошо, однако, начинается дело!

При появлении гостя приземистая, жирная, оплывающая, как студень, Лола завертелась сущей юлой. Мгновенно прикатила вазу с фруктами и чурчхелами. Поставила марочный коньяк.

— Лола! Узнали меня или нет? — взял из вазы и подбросил на руке яблоко Бека.

— Что вы, господин Бека! Конечно! Сразу, как только увидела, хоть вы и давненько к нам не заглядывали. Мы уж думали, позабыли нас.

— Вот выдумала, ей-Богу, — пробрал её, как ребёнка, Дзуку. — Как мы можем забыть друг друга? — улыбнулся он гостю. — Много разного проделали вместе. Ой-ой-ой как много! — пригладил он ладонью свою длинную бороду.

— И впрямь, — подтвердил гость. — Дзуку! Скажи, почему ты отпустил бороду?

— Э-эх! — вздохнул Дзуку. — Тесть мой скончался, упокой Господь его душу. Через четыре дня отметим сороковины, и сбрею. Очень мне не идёт, да?

Бека встал, подошёл, опустил руку на плечо друга:

— Сочувствую тебе, Дзуку. Но бороду не сбривай, а?! Поноси ещё с пару неделек. Дельце нас одно ждёт.

— Что за дельце? — спросил Дзуку, хоть и сразу сообразил: хочет, видно, представить жалким и беззащитным. Такой случай раз уже был. И вот опять он понадобился Беке кого-то разжалобить...

Дзуку совести да мужества не хватает, а уж хитрости и пронырливости не занимать.

— Сейчас скажу. За тем и приехал в такой жуткий ливень. Скажи сперва, как у тебя дела? Как жизнь? Палатка стоит? Никто не обижает?

— Не совсем, конечно, дела хороши, Бека! Думал, вот отмечу сороковины по тестю, сбрую бороду и съезжу повидать Беку. А тут сам ты приехал. Сорока, что ли, на хвосте весть принесла?

Гость рассмеялся, но тут же нахмурил лоб:

— Что случилось, Дзуку? — подождал, чтобы хозяин собрался с мыслями. Тот не заставил себя ждать:

— Помнишь, ты всё шутил: скачешь, мол, за прилавком, как перепел. Сейчас уже не то. Сам видишь, в какое время живём. С тем инспектором, который сменил тебя, я горя не знал. Он совсем меня не беспокоил. Для него Дзуку Сосе-лиа вроде бы и вообще не было на свете. Но вот уже шесть месяцев, как вместо него появился новый. И все шесть месяцев ест меня поедом. Что только ни делал, как ни старался угодить, найти общий язык, ничего не выходит. Чую, хочет выжить меня из палатки.

— А что, он в ней заинтересован, что ли?

— Как что? Глаз, видно, положил. Думает: этого выживу, а своего посажу. Не первый, не последний. Все сейчас так делают. Государственная собственность тает, исчезает. Всё дробится на мелкие объекты, и их раскупают прежние работники больших. Так вот этот подлец нацелился на меня.

— Не беспокойся, Дзуку! Я его от тебя отважу, — как бы задумавшись, почесал Бека правую бровь. — Ведь может кто-нибудь и из твоих близких завладеть твоей торговой точкой! Подсунет инспектору взятку, и вот тебе дельце. Мало ли таких состряпывают. Это ведь местечко какое? Прибыльное...

— Да, не исключено. Врагов в последнее время я в городе нашёл уйму. Одним больше, одним меньше, какое имеет значение. Я теперь осторожничаю: иду по улице, озираюсь, кабы кто не угодил чем в голову. Неделю тому назад провожал тещу в Хони. У билетной кассы стояли-беседовали два здоровенных парня. Так вот, один, когда мы проходили, процедил сквозь зубы, но так, чтоб было слышно: “У-у, подонок! Мать твою!..”. Издёргался я весь, изнервничался на этой автостанции, как бы, думаю, не бросился тот с ножом. Тёща тоже подлила масла в огонь: “Так ты вот чем знаменит, Дзуку...”.

— Парня узнал или нет?

— Да нет! И что я мог ему сделать дурного? Кому-то, должно быть, из его близких. Что посеял, Бека, то и пожинаю, — промочил после тирады Дзуку горло. — Прошу, брат, не напоминай мне прошлого, у меня давление от него подскакивает.

— Да у меня и у самого, Дзуку, тоже. Время побуждало нас делать то, что мы делали. Жизнь идёт вперёд, тащит нас с собой. Скоро не будет ни госсобственности, ни её защитника — ОБХС. Что и говорить, и ты никому не будешь нужен, если даже сам очень захочешь.

— Почему ты так говоришь? — изменился в лице Дзуку.

— Потому говорю, что нам с тобой нужно вместе обделать одно дельце, и на этом закруглиться. Конец — всему делу венец!

Бека вытащил из кармана пачку сигарет, ловко щёлкнул по обёртке, вытянул не до конца одну и протянул хозяину дома. Дзуку поблагодарил, но не взял,

давно, сказал, завязал. Но вообще был ошеломлён и растерян, упирался взглядом в потолок, что-то, видно, соображал и, наконец, решился бросить гостю:

— Ещё одно дело? А я уже дал зарок, ни курить не буду, ни в эти делишки вмешиваться.

— Дзуку! Ну, ещё разок. Помоги мне! — в его голосе прозвучала мольба. Впервые со времени знакомства и общения с Дзуку.

Дзуку в который раз за вечер был ошеломлён. В памяти всплыла картина первой встречи с инспектором Гвелесиани в палатке. Тогда всё было наоборот: Дзуку жалобно просил пощадить его и обливался слезами: “Не погуби! Не пережь горла...”.

Как всё изменилось! Но страх, объявивший его тогда, по-прежнему подступает к горлу и душит.

— Ладно! Так и быть, раз ты просишь. Но что за дело такое, что нужна моя помощь?

Гость упёрся локтями в стол и нервно сцепил руки.

Тут приоткрылась дверь, и в комнату проник аромат поджаренной на сковороде курочки. За ним выплыла улыбающаяся, украсившая телеса красивым пёстрым передником хозяйка и, уперев руки в жирные бока, объявила:

— Дзуку! Ужин готов. Накрывать на стол?

— Лолико! — умоляющим жестом взялся двумя пальцами за кадык Дзуку. — Через полчаса, если можно. Я сам тебя позову!

Лолико затворила за собой дверь, но отойти не отошла. Уж очень любопытно было знать, о чём там толкуют муж с гостем. Она, конечно, ни минуты не сомневалась, что дело будет тёмное. Им от этого не отучиться, не отвертеться, как не выпрямиться хвосту собаки.

Бека не заставил себя ждать, принялся рассказывать:

— Дзуку! Ты знаешь, где в Орбети винзавод?

— Как не знать? Прямо на центральной магистрали. Не раз проезжал мимо на автобусе.

— Ну вот и хорошо! Наш план касается руководителя именно этого завода. Надо его выжить с этого предприятия.

Дзуку опешил и прямо-таки онемел.

— Что с тобой, Дзуку? Чего ты испугался?

— Ничего себе кита решили подцепить на удочку, Бека! Если даже он угодит в нашу сеть, всё равно сумеет выпутаться и ускользнуть. С ним трудно справиться, и он наверняка нам не дастся. Ты не хуже меня знаешь, что виноделы тесно связаны не только с руководством, но и со всякими ворами и проходимцами, финансируют их, — закусил Дзуку губу. — Ты задумал очень опасное дело. Понятно, что не сам всё это затеял. Это, видимо, заказ какого-то большого человека.

— Точно... За мною стоит руководитель района. Что мне скрывать от тебя: он и сам получил поручение сверху.

— Ну! У меня собачье чутьё!

— А что касается воров и проходимцев, — рассмеялся гость, — то кто их не знает лучше меня. Но Махатели славится своею порядочностью и с тёмными личностями не водится.

Хозяин немного приободрился, но и насторожился, как охотничья собака на стойке:

— Ну, Бека, что там дальше? Рассказывай!

— Ты входишь в сторожку, — мягко ударил в ладоши гость, — и просишь работника охраны пропустить тебя к руководству. Если спросят, по какому делу, тут нет вариантов, — конечно же, за вином. Появление таких людей там не редкость. Ты идёшь, несчастный, обросший, запущенный, и просишь продать

тебе сто пятьдесят литров вина. Прибеднишься! Упомянешь о сороковинах — нет, тестя недостаточно, — брата. Тебе это будет нетрудно, у тебя же дар актёра.

— А вообще-то, они там вино продают? — приосанился от похвалы Дзуку.

— Господи, да если бы продавали, — не удержался от смеха Бека, — на что бы ты мне был тогда нужен? Я бы сам тогда притаился и застиг его на чём-нибудь. Ты, несчастный, убитый, приехавший аж из Кутаиси, должен разжалобить и растопить его сердце. Вынудить преступить правила и закон.

У Дзуку пересохли губы. “Красные, как у шакала”, — впервые за столь долгое знакомство заметил Бека.

— Ладно, прикинулся, принудил. А что дальше? — хоть и не мог не знать, но всё же спросил Дзуку.

— От тебя требуется только это действие. Дальше всё потечёт, как вода из водяной мельницы. Послезавтра, в восемь часов утра я подъеду к твоим воротам на “Жигулях”. Высажу тебя у поворота к винзаводу. Оттуда шагов сто, и ты на заводе. Я отъеду ждать тебя неподалёку, у родника. Так мы будем делать до тех пор, пока тебя не примет Махатели и вы не договоритесь о покупке.

— Понятно! Ну, скажем, договорились... когда мне приехать забрать вино?..

— Мы идём к месту встречи с одним водителем такси. Ты сядишься, и вы едете на завод. Я со своей бригадой встречу у перекрёстка близ Хаквианского сельсовета и “задержу” вас...

Обратившийся в слух Дзуку покачнулся на стуле:

— Ничего себе план ты составил!

— Дзуку! План хорош, но опасен. Эту операцию я назову рейдом, не то, если меня обвинят в принудительных действиях, мне не сдобровать.

— Не приведи Господь! — приуныл и Дзуку и, немного помедлив, направился к кухне. На полпути остановился и обернулся: — Бека! А когда ты увидишь этого моего мучителя, инспектора, что так и буравит меня своими телячьими зенками?

— Завтра! — коротко и твёрдо отозвался Бека. — Я же сказал, об этом не беспокойся, — он собрался уходить. Дзуку всполошился, обеими руками с трудом удержал гостя, силой усадил снова и громко крикнул:

— Лолико! Гость торопится. Неси поскорее ужин, — и взглянул в лицо Беки. Глаза двух пройдох застыли на одной плоскости.

Между ними на мгновение мелькнул третий — злой дух, нечистая сила.

— Как это? Не благословить твою операцию, Бека?

— Всего один стакан, Дзуку! — дёрнул тот в знак согласия плечом. — Ты же знаешь, я за рулём. Когда с Божьей помощью всё обделаем, отдам тебе то, “купленное” вино. Вот тогда и хлебнём вместе, сколько влезет!

Апостолы дьявола

Уже несколько лет власть в стране принадлежит вчерашним оппозиционерам. Везде, начиная с руководящих органов вновь созданной республики и кончая ответственными лицами в сёлах и деревнях, идёт яростная борьба за должности и посты. Каждый второй или третий на что-то претендует.

— Так чего же я положил столько сил на свержение прежних? — особенно петушатся активисты бывшей оппозиции. Смогут или не смогут справиться с делом, это абсолютно никого не волнует. Все знают, все видят, сколько неучей и бездарностей без колебаний принялись за чуждую и незнакомую работу.

Должность привлекательна материальными благами. Чем она выше, тем значительней шанс. Строй изменился, но народ-то прежний... Прежде взяточничество и коррупцию пытались прикрыть каким-то флёром. Так или иначе испытывали страх и проявляли осторожность. Сейчас никто никого не боится — страна не управляется и не контролируется. Что хочешь, то и делай у всех на глазах.

Всё и вся продаётся.

Крестьянин алчно прихватывает землю, рабочий тащит с завода всё, что ни попадётся под руку, — станок, движок, молоток или насос.

То, что не распределяется и не продаётся, захватывают силой. Молодёжь присматривается и не теряется, усваивает “науку” мгновенно. Перекинь через плечо украденный или силой отнятый автомат, набей боевыми патронами, и ты кум королю. Кто что скажет? Неглупые достают как-то деньги и затевают свой небольшой поначалу бизнес. Скупают помещения, реставрируют их, что-то выпускают и реализуют. Ах, вот оно что! Стало быть, можно пограбить! Кто их защитит? Государство? У вновь пришедших властей сил на это нет, защититься бы самим, да и то нелегко.

Время работает на отчаянных и головорезов, выпущенных на волю. Те, кого прежние власти уpekли за их делишки в тюрьмы, вновь вступают на тот же путь. Если раньше шальные деньги перекочёвывали из рук в руки тишком и молчком, к тому же и добровольно, то сейчас действуют натиск, угрозы и вымогательство. Денежных кого убивают, у кого вытягивают с применением пыток — на глазах всей семьи — и детей, и взрослых — раздевают догола, связывают по рукам и ногам и проходятся по телу раскалённым докрасна утюгом. Этот способ ввели для выкачивания денег из тех, кто годами наживал несправедные деньги.

Подельниками воров и разбойников и наводчиками становятся их близкие или дальние соседи, близкие или дальние родственники.

Многие семьи потеряли ночью сон, а днём покой. Но вот Махатели и его близкие спят спокойно и не опасаются нападения. Ни его, ни членов его семьи незачем похищать с целью вымогательства. У них в доме никогда не было никаких несправедных денег.

Но, увы, и его не забывают! И кто же? Присосавшиеся к кабинетам бандиты. Они отнюдь не менее опасны, чем вооружённые автоматами разбойники и грабители.

В полдень одного из понедельников к нему вошёл и сел за угол приставки чем-то заметно расстроенный винодел:

— Что случилось, Тагу? Отчего ты приуныл? — взглянув на него, не мог не задать такого вопроса Махатели.

— Да как мне не унывать? Вы знаете, зачем меня вызывал директор? Я ведь сейчас из управления, — объяснил он. — На нас наклепали двадцать пять тысяч рублей. Вас побаиваются или избегают, не знаю, но мне вот объявили. Что я им, завройзводством, что ли?

— Двадцать пять тысяч рублей? — изумился Махатели. — Они, что же, полагают, что всё ещё прежнее время? Ну и пусть! Но ведь не могут не помнить, что на этот проклятый завод не согласился пойти работать ни один специалист. Год потребовался, чтоб поднять его из мёртвых. На второй как-то стал на что-то похож. Вот мерзавцы... Но за что они требуют с нас такой куш?

Он вызвал в кабинет обоих виноделов, и, посоветовавшись, решили отослать через Тагу пятнадцать тысяч.

Совещание состоялось в полдень, прямо перед перерывом на обед.

За полдень сцена повторилась: в кабинет вошла облачённая в траур вдова-лаборантка, уселась на том самом месте, где два часа тому назад восседал винодел Тагу, и скрестила на груди руки.

— Лейла! Ну как там, в руководстве? — счёл нужным спросить Малхаз, зная, что она утром побывала в заводууправлении.

Уже два года, как Махатели работает с этими людьми. Досконально изучил, кто чем дышит и какие ими движут порывы. Они заинтересованы отнюдь не тем основным, благородным делом, за которое получают зарплату, а тем, как до и после сбора винограда максимально использовать служебное положение,

чтоб хоть что-то отхватить у завода. Просят в соответствии с должностью: кто принять, “прописать” виноград, кто выдать несортные плоды с приусадебного виноградника за качественную цыцу.

Так, привычно, всё это тянется годами. Откажешь, обидятся, при каждом удобном случае примутся проявлять нарастающую враждебность, искать случая подставить подножку.

Такие характеризуют хорошего ли, дурного начальника, исходя из возможности использовать его в личных целях.

Мне ли отучить их от привычного и внедрившегося? — порой думает Махатели.

— В управлении всё спокойно, — начала между тем Лейла. — Но кому нужно такое спокойствие? — процедила она сквозь зубы.

— Почему вы так говорите?

— Потому что из-за зава центральной лабораторией мне противно переступать порог конторы. Завидев меня после поры сбора винограда, он не здоровается, а прямо приступает к выпрашиванию денег. Будто я постоянно нахожусь у него в долгу.

Слух Малхаза понемногу привыкает к таким жалобам. Приходится нелегко, но он изо всех сил старается, чтобы поп был таким же, как и его приход. Поиному с этими людьми не сработаешься. Он отзывается на все просьбы, но его почему-то считают и называют «белой вороной».

— Сколько он просит?

— Тысячу рублей! — не задержалась с ответом Лейла. — Прежде мне всегда, сказал он, на вашем заводе оказывали такое уважение.

Малхаз задумался.

Хлопотливые дела, казалось, сократили понедельник.

“А что принесёт день нынешний, вторник? Наверное, и сегодня появится кто-нибудь выпрашивать или вымогать”, — думал он по пути через проходную.

— Это и есть директор завода! — скороговоркой шепнул дежуривший в этот день Ушанги сидевшему на лавке в ожидании начальства посетителю из Кутаиси.

Этот скорбящий с отпущенной бородой уже чуть не час терпеливо ждёт и рассказывает ему какие-то случаи из своей жизни.

Услышав сообщение, он, порядком тяжеловесный мужчина, уже, пожалуй, переваливший за средний возраст, резво вскочил и пустился вслед за директором. Настиг и, с осторожностью и почтением взяв за рукав пиджака, остановил.

Малхаз передёрнул плечами, замер на месте и оглянулся.

— Что вам угодно? — удивлённо оглядел он бородатого незнакомца.

— Я бедный человек... Вот дождался вас, начальник, — пригладил тот ладонью тёмно-рыжую бороду. — Попал в тяжёлое положение.

— Вижу-вижу! По кому скорбите?

— По брату, начальник. Полному сил сорокалетнему мужчине, отцу двоих малолетних детей.

— О-ох! Тяжёлый случай! — сочувственно воскликнул Малхаз, представив весь ужас события и ощутив подлинную горечь.

— Вы откуда? Вроде не здешний!

— Из Кутаиси, уважаемый! В субботу собираемся отметить сороковины.

— Вы за вином?

— Угадали!

Малхаз заметил слёзы, выступившие на глазах у пришельца.

— Но чем я могу вам помочь? Мы ведь вина не продаём! Две недели тому назад была свадьба крёстного моего ребёнка. И я, уверяю вас, не смог продать им ни капли.

— Уважаемый Малхаз! Отказать сейчас мне всё равно, что убить, — забежав вперёд, преградил незнакомец дальнейший путь Малхазу.

Кому-кому, а такому несчастному, отчаявшемуся отказать не след. Человеческое не может позволить так с ним поступить. Но пойти на такой риск в наши дни? Нет!

— У меня дома есть на продажу немного вина с приусадебного участка. Оно не хуже нашего, заводского. Но заводское не наша, а государственная собственность. Каждый литр на строгом учёте, — объяснил Малхаз. Но незнакомец отмахивался, чуть не падал ему в ноги, ловил руку, чтоб поцеловать её.

— Знаю, уважаемый Малхаз! Конечно же, вино с вашего участка не хуже. Какие могут быть сомнения! — отёр он лоснящийся от пота лоб белоснежным носовым платком. — Но меня интересует заводское. Хочу уважить память брата! Единственный он был у меня, так неужто не почтить лучшим образом?

Последние слова подкосили Малхаза. Он размяк от жалости. Подозрения рассеивались и ускользали из его сознания, как облака под натиском ветра. Остатки осторожности, правда, удерживали от решительного шага:

— Но почему вы решили обратиться именно к нам? Ведь на пути из Кутаиси сюда два крупных винзавода.

— Потому что... Хвалят ваше вино! К тому же ходит слух, что вы руководитель добрый и отзывчивый.

Бородач вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенные купюры в двадцать пять рублей и ловко препроводил их во внешний карман пиджака Малхаза, так что тот, как загипнотизированный, и глазом моргнуть не успел, не говоря уж о том, чтоб оказать сопротивление. Возвратить пришельцу деньги счёл неудобным.

Напористый проситель сумел-таки вызвать к себе жалость. Этому чувству сопутствовала мелькнувшая неприятная мысль: вчера лаборантке Лейле намекнули, что пора бы... так что пусть подавятся этой суммой. Нужно отвязаться и от этого вымогателя. Ничего не поделаешь, иначе не дадут никакой возможности работать.

Впрочем, чего ему бояться? Все винзаводы района среди бела дня продают вино, и ничего, никто их не трогает. Обиженных вроде нет, чтоб наядбедничали. Кому и что от него нужно? Сеет только добро и сердечность. Да и кому до него в столь сложное время?

Преодолев колебания, он принял-таки решение:

— Ладно! Раз уж проделали такой путь, не отпускать же вас, не солоно хлебавши. А насчёт денег... может, принесёте позже... потом? Когда думаете приехать за вином?

— Завтра вечером, уважаемый Малхаз! — в восторге от достигнутого результата воскликнул пришелец.

— Когда начнёт смеркаться. Не хочу, чтоб кто-нибудь видел. Разговоров не оберёшься.

На этих словах он снова ухватился за рукав пиджака Малхаза, как собака, что, получив ломоть хлеба, виляет хвостом в знак благодарности.

Малхаз Махатели продолжил свой путь к кабинету.

Окрылённый радостью Дзуку проскочил проходную, пожал на прощанье руку Ушанги:

— Завтра вечером приду снова, — и быстрым шагом пустился вниз по спуску.

Шагах в двухстах от проходной, у водяной мельницы, его ждал в вишнёвых "Жигулях", подмаскированных зарослями, Бека Гвелесиани.

Крылья гнали путника на большой скорости, он с нетерпением ждал момента, когда скажет:

— Капкан поставлен! Завтра вечером захлопнется...

Вечером Малхаз вместе с виноделом Тагу, на его машине, отправился на панихиду, — скончался тесть его старого друга. Друг вцепился ему в плечо, ни за что не соглашался отпустить без того, чтоб не опрокинуть на помин души.

Пришлось остаться.

За столом сидели человек десять, знакомые друг с другом.

Посидев с часок, Малхаз извинился:

— Виноват, нас ждут на заводе.

Съехали вниз по спуску, выбрались на шоссе.

— Не надо было покидать такое застолье. Почему ты поторопился? — по-любопытствовал Тагу.

— Как почему? Забыл, что ли? Скоро подъедет этот кутаисский бедняга. Как не выполнить обещания? И чего держать человека у ворот в ожидании? С горы всё прекрасно просматривается. Машина должна въехать и выехать в мгновение ока, — не глядя в лицо собеседника, объяснил Малхаз.

Тагу же мучительно борется с собой. Сказать или нет? Он ведь всё знает, так же, как и винодел Гоча, — милиция расставляет Малхазу ловушку, замыслила выжить его с завода. Виноделов, видимо, не коснутся, закроют глаза, будто их в то время не было на заводе. О задуманном они знают уже с утра, но не находят в себе сил рассказать об опасности начальнику. Тагу должен быть благодарен Малхазу, тот принял его на завод. Ни особого опыта, ни особых специальных знаний у него нет, разве что в кармане лежит не так уж давно купленный диплом. Должность принял, только надеясь на Махатели. И надежда оправдалась, два сезона всё идёт как по маслу. Оснований для недовольства ни малейших, Махатели делится с ним собственным куском.

Виноделу Гоче тоже жаловаться не на что. Двадцать лет вкалывал рабочим на другом заводе, сюда с повышением перешёл месяцев шесть тому назад. С другими начальниками приходилось трудно, а здесь он чувствует себя нормально.

Из страха ли перед милицией или из собственной слабости, предупредить о роковой тайне не решились, промолчали.

Дзуку Соселиа подкатил к воротам Орбетского винзавода на такси.

Его уже ждали.

Въезд “такси” во двор завода пришёлся Махатели не по вкусу.

Винодел Гоча же, при виде круглолицего, безобидного, как овечка, водителя “такси”, покрылся вдруг бледностью. Это ведь его сосед Лазаре, внебрачный отпрыск Коли Цигниашвили. Он лишний раз убедился в коварстве инспектора Гадюки, в глубине души его пробудился, как потухшая было головёшка в золе отгоревшего костра, остаток рыцарского духа. Он отозвал Малхаза в сторону и шепнул ему: “Ради Бога, не давай им вина! Этот паршивец-водитель мой сосед, он тесно связан с милицией”. Захваченный происходящим Малхаз пропустил предупреждение мимо ушей. Странно! Неужели какой-то литр выпитого вина так притупил его бдительность? Что за чёрт!

Наверняка писанина, которой он сейчас увлекается, совлекла его с пути истинного.

Вино перенесли через порог завода виноделы Гоча и Тагу.

Малхаз Махатели в это время восседал в кабинете. Любопытно, чего он там ждал?

Как и ожидалось по плану, капкан захлопнулся на перекрёстке близ сельсовета деревни Хохобети: милицейская бригада из четырёх человек, якобы вышедшая в рейд по охране общественного порядка, остановила “такси” Цигниашвили. При “случайном” осмотре машины в ней обнаружили двести литров вывезенного с завода вина.

Той же ночью в Тбилиси, в центр информации Министерства внутренних дел республики была передана радиограмма: с Орбетского винзавода, руководимого Малхазом Махатели, похищено двести литров вина.

Начальник центра, седовласый уже человек, перечитав текст, уронил его на стол: "С ума можно сойти! Развалилась гигантская страна, растаскивают всё: заводы, пароходы, самолёты! А эти занимаются пустяками, рапортуют о каких-то двухстах литрах вина. Дурачье!".

— Закро! — обратился он к сотруднику. — Ты слышал? Вот тебе действия наших умников. Вижу, в Багинети все то ли во сне, то ли на сосне!

— Батоно Како! — рассмеялся Закро. — Знаете, что это мне напоминает? Воришку остатков вина в кувшине.

Како во второй раз прочёл радиограмму, будто не доверяясь первому впечатлению.

— Тьфу! — с презрением взглянул он на бумагу и выпустил её из рук.

Приснившаяся дорога

Судебный процесс над Малхазом Махатели начался через месяц. Виноделов Тагу и Гочу даже не допрашивали как свидетелей. Не вызвали и на заседание. О том, что вино было вынесено их руками, даже не упоминали.

Допрос вёл молодой представитель прокуратуры, с невысоким профессиональным уровнем. Он построил обвинение в указанном ему инспектором Гвелесиани направлении — сосредоточивался на Махатели, старательно рыл ему яму.

Махатели совсем не удивился такой позиции. Он довольно давно работает в районе и на протяжении этого времени прекрасно разобрался, как действуют правозащитные органы. Даже десять лет тому назад, когда жизнь ещё не разладилась, перед невиновным врата правосудия частенько оказывались закрытыми. Чему ж удивляться сегодня?

Судья Симон Цхададзе, например, более десяти лет работает на своей должности. Он прекрасно знает, что обвинение Махатели заказано сверху. Иначе Бека Гвелесиани за такую опасную затею не взялся бы.

За три дня до начала процесса ловкач-судья приотворил дверь кабинета руководителя района. Нужно же узнать его соображения по поводу Махатели. Не выносить же приговор без его ведома. Как, скажем, понять его действия в последние дни, после того как в суд поступили документы и он, что ни день, звонит и спрашивает:

— Ну так когда начинается процесс над Махатели?

Но Симон Цхададзе не новичок, чтобы тотчас не догадаться о цели вопроса. Сейчас, когда день начала процесса определился, нужно доложить об этом не по телефону, а лично, да и откладывать намётки по приговору не следует.

В данном частном случае Фемида для Махатели не кто иной, как управитель района Зураб Леладзе.

Заметив за дверью Симона, тот прямо-таки просиял:

— Что нового, Симон?

— Процесс, который вас интересует, начинается через три дня.

— И всё? Но это можно было бы сообщить и по телефону.

По губам судьи пробежала улыбка:

— Но кое-чего по телефону не обсудишь! Приговор выносить надо?

— Ну и что? А я тут при чём? — то ли от страха, то ли побуждаемый проснувшимся где-то в глубинах сознания нравственным императивом, вместе с креслом отпрянул назад Леладзе.

— Как при чём? Приговор лицам столь высокого уровня я всегда согласовываю с первым лицом района. Нынче таким лицом являетесь вы.

— Н-ну, да! — механически подтвердил Леладзе. — И что?

— По делу Махатели можно вынести приговор трёх видов: слабый, средний, тяжёлый, — провёл рукой по усам судья. — Возможность такого выбора даёт Уголовный кодекс.

— Это понятно. Вы какой намерены применить? — пристально взглянул на судью управитель.

— Тот, который подскажите вы.

— Что вы подразумеваете под слабым? — растерялся, но попытался справиться с силами Леладзе.

— Передачу дела в товарищеский суд. В заводууправлении есть такой орган. Мы его создали. Там рассмотрят и вынесут порицание. Вот и вся недолга...

— Нет! Нет! — всплеснул руками гамгбели. — Этот вариант не подойдёт.

Провести такую операцию ради мизерного результата? Абсурд!

— А что предусматривает средний?

— Освобождение от должности и запрещение работать по специальности два, три года или пять лет. То есть, в конкретном случае, удаление с завода.

— Вот этот и примените! — с удовлетворением подтвердил движением указательного пальца Леладзе. — Вполне достаточное наказание. Ну кого, скажите, сажали из-за двухсот литров вина! Такое не утвердит и Верховный суд.

— Я и сам так думаю, уважаемый Зураб!

— Видит Бог, я хотел этого человека выдвинуть, собирался сделать его начальником заводууправления. Но его судьба так неожиданно перевернулась!

Судья Симон Цхададзе вышел из кабинета управителя довольный. Он убедился, что губить Махатели не в интересах Зураба Леладзе. Это злое дело заказано откуда-то сверху.

Зал заседаний суда был пуст, если не считать сидевших в президиуме: в центре судья Симон Цхададзе, по сторонам от него две заседательницы, работницы мебельной фабрики. Заседательницы, — но кто и что с них спрашивает? Да и что, по правде говоря, они, полутрамотные, могли бы решить?

Пониже, у первого ряда зала, сидел Малхаз Махатели.

С делом разобрались за полчаса. Судья задал обвиняемому, для формальности, несколько вопросов. Приговор гласил: освободить от занимаемой должности и запретить работу по специальности в течение пяти лет.

Так это и есть суд, правосудие? — с горечью восклицал в душе Махатели. Так, наверное, не делается и в джунглях.

Судьбы людей решаются с кондачка, как Бог судье на душу положит?

Он сидит, ошеломлённый судебным приговором, в городском саду, в укромном, не видном чужому глазу уголке. Здесь, в тени нависающих огромных еловых ветвей, поневоле отдаёшься мучительным раздумьям. Нужно как-нибудь их разогнать! Не являться же с таким удручённым видом домой? Там его ждут два сына-подростка, один двенадцати, другой шести лет. Как безработному отцу растить их? От сознания этого по телу его пробежала дрожь. Обидно и больно, что работать, применять свои знания и силы ему не дают не где-нибудь, а на своей родной земле. Даже промелькнула мысль о том, чтобы в поисках работы, средств к существованию, оставить и её, и свою прекрасную семью, и перебраться за её пределы. Но он тут же отбросил сомнения. Мало, что ли, он жил вдали от своей страны? Неужто ему так и не доведётся трудиться на родине? Сейчас-то республики не связаны в единый кулак, как прежде. В родной не живётся, а в чужой разве

приживёшься? Полно играть с судьбой! Многие даже не могут представить себе жизнь вдали от семьи. Он и сам всякий раз после работы прямо-таки терял терпение, рвался домой, к своим. Сняться с насиженного места и переселиться всей семьёй? Практически невозможно. Но если бы даже было возможно, ему до чёртиков не хочется оставлять и остуживать родной очаг. Он живёт в селе, у него здесь дом, ухоженный своими руками приусадебный участок.

Пять лет тому назад он вывел на нём виноград уникального сорта “александроули”. В этом году молодой виноградник должен дать первый урожай. Говорят, вино из него сущий эликсир жизни. Но и ухаживать за его лозой нужно, как за ребёнком. Кто же этим займётся без него? Переродится лоза, захиреет.

Раздумья набегали, голова всё тяжелела.

— О чём задумался, Малхаз? — перебил его мысли негромкий голос. — Подвинься немного, позволь мне сесть.

Голос принадлежал его давнему другу, собственному корреспонденту центральной правительственной газеты Гиви Шарвадзе. Малхаз, по какому бы делу ни заворачивал в райцентр, никогда не обходил его корпункт и виделся с другом.

— Забыл меня, дружище? Давно не заходил! — мягко укорил его Гиви.

— Да, Гиви, не скрою, нет ни времени, ни настроения заходить.

— Отчего так? Как в семье? Порядок? — взглянул Гиви прямо в глаза Малхазу и остался недоволен их отрешённым выражением. А ведь они всегда были полны жизни и блеска. Гиви Шарвадзе помнит его таким.

— Я только что из суда. Мне вынесли приговор, — с грустью в голосе сообщил Малхаз и добавил ироническим тоном: — Если это можно назвать приговором. Сам не свой! Как во сне!

— Приговор? — подскочил на месте Гиви. — Что-то слышал в связи с твоим заводом. Так, значит, дело дошло до суда?

— Не дошло, а довели. Пришлось предстать перед правосудием. Так было запланировано.

Гиви заинтересовался случившимся, и Малхаз рассказал ему всё в деталях. Под тяжестью рассказанного долго молчали.

— Что же ты думаешь делать? — прошептал наконец Гиви.

— Вот думаю, думаю, и — не знаю.

— Как не знаешь?.. Первым делом нужно подать кассацию в Верховный суд.

— И что из этого выйдет? — усмехнулся Малхаз. — Ты думаешь, они изменят приговор Цхададзе? Да ни в коем случае. Это же одна бражка!

— В этом ты, пожалуй, прав, — наморщил лоб, но без малейших колебаний подтвердил Гиви. — Целых пять лет без любимого дела! Не удовлетворились только освобождением. Вот и живи в такой стране!

— Это можем сказать я и ты, — поднял голову поникший было Малхаз. — Смуцаемся, не решаемся... А ты спроси многих, и шагу не сделавших за пределы страны... Им только дай грабить да обирать. Такая жизнь им и кажется нормальной.

То, что творится вокруг, не по душе и Гиви, чего тут греха таить.

— Малхаз! Мне нужно женить старшего сына, не то бы меня здесь ничто не удержало, и дня бы не оставался, завтра же оказался бы в Израиле.

Малхаз удивился и, улыбнувшись, спросил, почему именно в Израиле, он ведь не еврей.

Гиви и сам не смог сдержать смеха:

— Уехавшие туда грузинские евреи основали там газету. Редактор — мой друг и однокашник и приглашает меня к себе. Нигде в другом месте я не знаю ни души. Никогда не жил нигде, кроме Грузии. Многие мои знакомые навестились кто в Европу, кто в Америку.

— Ну и?.. Разве это положительный процесс? Не было печали, черти накачали. Я вот думаю, ломаю голову, нужно ли нам устремляться в другие страны в погоне за куском хлеба? Неужели ты советуешь мне, Гиви, ехать, идти там в услужение? Ни на что иное приезжий не может там рассчитывать. Мои предки были крестьяне. Сто тридцать с лишним лет тому назад они сбросили с себя крепостное ярмо, а сегодня мне, их потомку, снова надеть это ярмо на шею? — крепко хватил он себя по загривку. — Не могу, Гиви. Нет..

Гиви, видя состояние Малхаза, предпочёл отмолчаться.

Перед мысленным же взором Малхаза пробежали, как кинокадры, годы, проведённые за пределами республики. Вспомнилась работа на винзаводах “Самтреста”. Пять лет в Казахстане, городе Караганде, два года в России, в Томске.

Неужели снова туда?

Чашу весов перевесил Казахстан.

— Если я решусь выбраться за наши пределы, выберу свою любимую Караганду. Пять молодых лет, проведённых там, кажутся мне лучшими в жизни. Казахи очень открытые и гостеприимные. К нам, грузинам, выказывают особое расположение. Это не с чужих слов, а я сам свидетель.

Гиви резко повернулся к Малхазу и в восторге хлопнул в ладоши:

— Да тебе, Малхаз, сам чёрт не брат! Какие ворота перед тобою открыты! Свой вон как с тобой обошлись. А там ты сможешь добиться куда большего. Увидишь, как они будут ценить тебя. Я ведь знаю, какой ты работоспособный! Я бы на твоём месте не колебался.

Беседа и совет друга побудили Малхаза надолго задуматься.

Прошло почти два десятка лет с тех пор как Малхаз Махатели вернулся в Грузию из Казахстана. И все эти годы он с тёплым чувством вспоминал свой завод и далеко не лёгкую работу на нём. Нередко видел во сне свой цех, тех, кто трудился там вместе с ним, их совместное времяпрепровождение. Как говорится, душой частично переносился туда.

Когда его послали в Караганду как молодого специалиста, он был свободен, ещё не женат, семьёй обзавёлся после возвращения домой. Семьёй подлинно грузинской. А там сделал первые важные шаги в жизни самостоятельной. Был связан не только с производством, но и с общественными делами, испытал, надо признаться, и кое-какие чувства. К жизни там привык, влился, внедрился в неё. В первые годы после возвращения домой ощущал дефицит чего-то. По-немногу ностальгия ослабевала, и вот..

Три года тому назад, на отдыхе в Боржоми, Малхаз, прогуливаясь по парку, встретил какого-то незнакомца, который осведомился у него, где находится универмаг. При внимательном взгляде Малхаз уловил в нём что-то казахское. Как-то особенно сидела на нём шапка, национальный головной убор. Он не ошибся, встреченный незнакомец оказался карагандинским шахтёром, начальником выработки Бахытом Абишевым.

Он, помнится ему, обрадовался встрече, будто увиделся с давним другом. Предложил проводить его до универмага. Потом пригласил в ресторан, угостил на грузинский лад. Разговорились. Много узнал, многое рассказал сам.

После этого они не расставались. Когда определённое путёвками время истекло, пригласил к себе в деревню, и гость три дня прожил у него, осмотрел окрестности, исторические памятники, современные достопримечательности.

На исходе третьего дня проводил на самолёт из Тбилисского аэропорта.

Всё это вырвала из памяти беседа в саду со старым товарищем по давней учёбе.

Домой он пришёл поздней ночью. Дети спали, жена с тревогой ждала. Могла ли она не дожидаться сообщения о приговоре?

Что же! Нужно стойко перенести превратности жизни, держаться и по возможности не сдаваться. Семья сравнительно молодая, а стало быть, энергичная, сильная.

Спать легли с полным сознанием этого.

Но Малхазу, после впечатлений и переживаний перенасыщенного событиями дня, не спалось. Далеко за полночь он осторожно встал с постели и на цыпочках вышел из спальни. Где-то в ящиках шкафа должны были храниться фотографии карагандинских лет. Давно их не видел, почти забыл, а сейчас желание пробудилось, и вот уже перерастает в неуёмную потребность посмотреть именно сейчас. Снимки самые разные: вот чудесный заводской парк, а вот и его цех прямо в процессе работы, экскурсий и субботников вместе с коллегами — рабочими цеха.

Одна из фотографий надолго задержала его внимание: он, Малхаз, тогда завцехом, в белом форменном халате, и молодой рабочий Булат Смагулов в синей рабочей спецовке у фильтра-очистителя вина. Этот снимок не чей-нибудь, а фотокорреспондента областной газеты "Индустриальная Караганда". А вот и сама чуть пожелтевшая от времени газета, в которой он напечатан.

Интересно, где сейчас этот бойкий и сообразительный парень Булат? Впрочем, такой не пропадёт, дело знает, во многом разбирается. Он ведь сам его и учил, наставлял. Воспитанник в прямом значении этого слова. Он, Малхаз, и принял его сразу после школьной скамьи на работу подручным в цех виноматериалов. Парень оказался восприимчивым, смышлёным, памятливым, выносливым и обходительным. Одним словом, славный трудяга! Так его охарактеризовал Малхаз, понаблюдав в течение года в работе. Небольшой толчок, помощь, — и уверенно пойдёт своей дорогой. Помощь оказал сам завцехом, поспособствовал тому, чтобы парень, недавно окончивший школу с неплохим аттестатом, поступил учиться заочно на юридический факультет университета.

Булат сначала колебался, опасался, что учёба помешает ему помогать попавшей в беду после того, как отец стал инвалидом, семье. Детей было много, и все младше него, так что мать выбивалась из сил.

— Не волнуйся, — подбодрил его Малхаз, хотя и знал о тяжёлом положении. — Будешь учиться заочно, а здесь мы тебе всегда поможем. Надо тебе знать и всегда помнить: жизнь — тот же фронт! Победить можно только в бою. Запомнишь? Если ты чувствуешь, что можешь внести хоть частичку добра в жизнь другого человека и оставить в его памяти добрый след, не упускай этой возможности. Возможность эта, душевное тепло — не деньги и не золото, чтобы копить их. Им вовремя нужно делиться, потому что оно невидимо приходит и так же невидимо может уйти.

Сам Малхаз возможности не упустил — скоро Булат Смагулов стал студентом университета.

Уснул Малхаз чуть ли не под утро.

Набегавшие думы тревожили и во сне, но сон ему приснился приятный: будто он прогуливается по Караганде, всматривается в неё после долгих лет разлуки, удивляется тому, как она раздалась вширь и украсилась. Устремился к заводу. Но где он? Где его завод? Как и можно было ожидать, после прокладывания шахты и завод, и вся его огромная территория обвалились. На их месте сейчас разлилось озеро. Он будто бы повидался со многими своими друзьями. И первым долгом с уже юристом Булатом Смагуловым.

Разбудило его пение петухов.

Встал Малхаз, как ни странно, в превосходнейшем расположении духа. Первым делом выдвинул ящик книжного шкафа и отыскал старую записную книжку. Взгляд его остановился на самой последней странице, где три года назад, в Боржоми, он записал домашний адрес и телефон случайно встреченного Бахыта Абишева.

С чувством удовлетворения хлопнул ладонью по раскрытой книжке: есть, есть кому ему помочь в задуманных планах! Смагулов или Абишев... один или другой, или оба понемногу. И совсем окрылился, когда узнал по телефону, что Бахыта назначили заместителем городского акима.

— Ну как идёт жизнь в вашей стране? — первое, чем поинтересовался Малхаз, так как последующий разговор нужно было строить на ответе на этот вопрос.

— Можно сказать, что нормально. Конечно, иногда случаются срывы, отклонения, но где их не бывает. Вижу по телевизору, читаю в прессе: неразбериха в общественной жизни у вас продолжается. Так это или преувеличивают?

— В основном так. Вот, скажем, факт: производства стоят. Нет и намёка на возобновление их работы. В стране безработица. В поисках работы подаются кто куда, — проложил Малхаз путь главному сообщению.

И тут послышалось:

— Малхаз! Но ты ведь работаешь на прежнем месте, на винзаводе?

Малхаз осёкся. Ответил не сразу:

— Нет, Бахыт. Я уже безработный.

— Да что ты, Малхаз! Ой-ой-ой! Сколько же тебе ждать? Приезжай сюда! Пока у вас жизнь войдёт в колею. Поработаешь здесь, поживёшь! Всё-таки знакомый и любимый тобой город. Решайся!

Малхаза до глубины души растрогало такое тёплое, сердечное приглашение и отношение вообще, — всё-таки знакомство не столь глубокое, — и он вдруг почувствовал удивительное облегчение.

— Спасибо, Бахыт! Ты замечательный друг! Хочу попросить тебя вот о чём...

— О чём?... — Малхаз почувствовал в тоне Бахыта некоторое напряжение.

— У меня в Караганде есть ещё друг, Булат Смагулов. Он юрист. Отыщи мне его и сообщи адрес. И вообще разузнай о нём, что возможно. Я надеюсь и на его помощь тоже.

— Булат Смагулов!.. Булат Смагулов... — повторил несколько раз Бахыт. Малхаз ждал.

— Погоди! — пытался вспомнить Бахыт. — Кажется, есть такой депутат парламента. И довольно активный. Мы вроде встречались... на чём-то юбилее. Под щекой, на шее, заметная родинка. Так?

— Он! Точно! — перехватило от радости горло у Малхаза.

— Ну, так...

Малхаз Махатели возвращался из городского переговорного пункта окрылённый. Мысленно он уже находился далеко, очень далеко.

Расхищенный завод

Багинетское винзаводоуправление назначило руководителем производства Орбетского винного завода бывшего винодела Гочу. Того самого Гочу, который был участником передачи с завода вина просителю Дзуку Соселиа, уловки, приведшей к коварному наказанию Малхаза Махатели.

Гоча окончил сельскохозяйственный институт в период работы на заводе. Но и после института он вкалывал двадцать лет рабочим, и повышение, и перевод в виноделие получил всего год назад от Махатели.

Этот пятидесятипятiletний, располагающей наружности человек тих, спокоен, кажется, и мухи не обидит. Правда, профессиональными знаниями и общим развитием не блещет. Даром чем-то руководить, возглавлять не обладает абсолютно. Длительная работа под чужим руководством и указаниям сверху наложила на его облик и нрав неизгладимый отпечаток. Не то что поручить подчинённому, но и простого указания дать не может, скажем, уборщице Тине.

Когда возбудили уголовное дело о хищении вина с завода, Гоча разрыдался, как ребёнок, в кабинете у Махатели.

— Малхаз, почему ты не поверил мне, когда я предостерёг тебя, что тот сукин сын таксист тесно связан с милицией? — напомнил он ещё не снятому тогда с должности Махатели. — Ведь всё могло бы обернуться не так.

Малхаз отмолчался. Что на это ответишь? Гоча прав. Он был в состоянии какой-то одури, дурмана и совершенно утратил осторожность и предусмотрительность.

Странный случай, видимо, предопределённый судьбой.

— Вам опасаться нечего, — только и сказал он, чтобы успокоить сослуживца. — Вы с Тагу в деле не упоминаетесь. Неужели не догадываетесь, что всё это провокация, состряпанная, чтоб устранить с завода меня?

Гоча отирал носовым платком слёзы и то и дело переспрашивал:

— Правда? Правда, провокация?!. — и после каждого кивка с облегчением вздыхал.

Завод между тем возвращался к прежнему, двухлетней давности состоянию.

Кто теперь выведет его из коллапса? Завпроизводством Гоча и винодел Тагу? В такое чудо никто на заводе не верит. Рабочие слоняются по территории унылые, молчаливые, растерянные. Новому руководителю подчиняются неохотно. На работу являются, когда кому вздумается.

Въездные ворота на завод висят на одной нижней петле, грозят свалиться, и это тянется неделями. Вахтёр Ушанги только и знает, что напоминает:

— Ворота тяжёлые... Приходится звать двух-трёх помощников, чтоб отворять их. Я выбиваюсь из сил! Чтоб провалился тот, кто налетел на них грузовиком!

Начальник поручил починить поломку механику Шакро. Наутро Шакро не вышел на работу, сослался на то, что у него много дел дома. Вахтёр Ушанги превратил обширный зелёный двор завода в пастбище для своей дойной коровы и её телёнка. Пасись, сколько хочешь, и пастуха не требуется, территория ограждена пока что надёжно. Чудесный двор усеян лепёшками навоза, а цветник объеден и побит копытами. Примеру Ушанги последовала и завлабораторией Талико. Она тоже живёт рядом с заводом, а её приусадебный участок примыкает к нему. Талико разобрала часть разделяющей их кирпичной ограды и выдвинула в заводской двор свой птичник. Как и следовало ожидать, так долго продолжаться не могло. Между Талико и Ушанги произошла схватка за заводскую территорию. Всей задней частью двора завладела сноровистая Талико. Ушанги пожаловался на её самоуправство руководству.

Гоча спасался от жары в тени раскидистой смоковницы у конторы и по привычке расчёсывал указательным пальцем куцые усики.

— Договоритесь сами! — отозвался он на мольбу жалобщика.

Вконец раздосадованный Ушанги плюнул и, удаляясь, послал смачные проклятия на головы тех, кто поставил Гочу во главе предприятия.

К внутренним беспорядкам на заводе добавился и нажим извне. Началось месяца два назад с дирекции заводууправления. На протяжении многих лет в громадных кувшинах, врытых в землю в цехах, бродило несравненное сухое вино. А сейчас у рабочих и вахтёров на въезде сжимались сердца при виде этих кувшинов, вывозившихся в кузове чуть ли не каждого появлявшегося на подворье завода грузовика.

Ямы и рытвины на месте кувшинов напоминали пустырь после бомбёжки. Покончив с откапыванием и продажей кувшинов, взялись за металлические резервуары. Из стоявших на бетонных подставках вдоль южной стены завода резервуаров для хранения вина осталось меньше половины.

Территория завода, приведённая в порядок при Махатели, сейчас являла собой картину отталкивающего запустения.

Дня не проходит, чтоб на завод не являлся кто-нибудь свой или чужой, чтобы унести что-то нужное ему, начиная с аппаратуры и вина и кончая простой железкой.

Руководитель завода Гюча рассказывает по территории, вглядывается во всё невидящим взором, беспомощно потирает руки и что-то бормочет себе под нос. Сквозь охвативший голову дурман пробивается сознание, что дни его на заводе сочтены.

Приближается обеденный перерыв.

Вахтёр Ушанги и рабочий Нодар сидят в тени платанов близ пожарного бассейна с водой и с грустью обмениваются сожалениями о грядущей незавидной судьбе завода. Как им не грустить, когда они работают здесь с юных лет. Принимали активное участие даже в его строительстве. Чувствуют себя здесь как дома. Зарплата, правда, невелика, но они не в обиде. Живут рядом и занимаются на досуге и домашним, приусадебным хозяйством.

Расхищение завода для них всё равно что разоренье насиженного гнезда ласточки или стрижа.

Слепому видно, что всё идёт к полной разрухе.

— Нодар! Скоро обед, — взглянул на часы Ушанги. — Есть у тебя что-нибудь с собой? — задал он привычный вопрос.

На обед все приносят с собой кое-что: кто вино, кто сыр, кто хлеб или мчади, кто что-то из овощей на салат.

Рассаживаются человек по шесть или семь на спиленных пнях вокруг невысокого стола в удлинённой, с высоким потолком мастерской механика Шакро. Во главе стола сидят, естественно, старшие и позволяют пропустить до полулитра вина маленькими стаканчиками на каждого, чтоб промочить горло и запить хлеб-соль.

Эти вкушения стали традицией и длятся десятилетия.

— Лобю с толчёными орехами, банка подливки-ткемали и зелёный лук, — ответил Нодар.

Ушанги стянул с лысины белую летнюю фуражку, шлёпнул ею по коленям и с гордостью прибавил к перечисленному Нодаром:

— Вчера сосед забил тёлку, так я принёс котелок хашламы, только подогреть. Ну и солёных огурчиков прихватил.

— О-о! — приободрился Нодар. — Стало быть, пируем...

От въездных ворот послышался хриплый сигнал грузовика. За первым последовали второй и третий.

— Вахтёр! — крикнули повелительным тоном, вслед за чем последовала автоматная очередь.

— Что за чёрт! Какой-то сукин сын! Такой обед нарушают! — недовольно пробурчал Ушанги и вперевалку направился к воротам. Нодар двинулся за ним. Оба издали узнали бывшего милиционера Шакро Квителашвили. Он работал в уголовном розыске в соседнем районе и был в звании старшего лейтенанта. Как-то, во время чьей-то свадьбы, украл из “Жигулей” одного из гостей импортный радиоприёмник. За эту провинность его освободили от работы. Три года ему не удавалось никуда устроиться. На четвёртый началась кутерьма, неразбериха, и он, не откладывая в долгий ящик, первым записался в группировку “Мхедриони”.

Вместе с другими соотрядчиками хватал, что ни попадалось под руку, не упускал случая поживиться где чем придётся.

В ожидании вахтёра Шакро вышел из машины и принялся, как петух со шпорами, горделиво прогуливаться, насвистывая, вдоль закрытых ворот. Его приземистую фигуру украшал, как свиное ярмо, перекинутый через плечо автомат, на котором покоилась его рука.

— Эй, ты! Поскорее! Отворяй! — не здороваясь, бросил он подоспевшему наконец вахтёру и цинично ухмыльнулся: — Где это видано, на столько времени покидать пост!

К горлу Ушанги подступил гнев. Он покосился на упиравшийся прямо в ворота грузовик: в кузове высятся две огромные, трёхсотлитровые дубовые бочки.

— Сейчас позвоню начальству! — прошёл вахтёр в проходную.

— Сначала отвори, дай въехать, а уж потом звони! — сорвал Шакро с шеи автомат.

Ушанги передёрнуло, — как бы и в самом деле в него не пальнул.

Шакро между тем прицелился в ворота и, воззрившись на вахтёра, подождал его реакции.

— Ты что, Шакро! Не стреляй! — замахал Ушанги поднятыми руками. — Погоди, сейчас отворю! — повернувшись к воротам спиной, вытащил из кармана штанов привязанный к длинному шнуру ключ и снял с петель огромный, свисающий с толстой цепи замок.

— Ну и где же твой гениальный начальник? — вкатив грузовик во двор, полюбопытствовал пришелец у идущего рядом с ним вахтёра.

— В кабинете!

— В такой солнечный день рассиживается в кабинете? Уж не пишет ли диссертацию? — насмешливо предположил Шакро и, выбросив вперёд правую руку, уверенно велел вахтёру: — А ну-ка, где тут у вас самое лучшее вино? Веди поскорее туда!

Когда прогремела автоматная очередь, Гоча сидел в кабинете, опершись тяжёлой от боли и размышлений головой в сложенные на столе руки.

Видимо, отрешился и даже слегка вздремнул.

Выстрелы порядком напугали его, и он встряхнулся. Что это, опять мхедрионовцы явились? Если так, то это уже их третий набег на завод. Как пить дать, загонят его за решётку.

Кабинет руководителя завода во втором этаже здания конторы. Из его окна хорошо видны въездные ворота. Ошарашенный выстрелами, Гоча, крадучись, приныкая к стенам, подобрался к окну и взглянул на ворота. Его предчувствие оправдалось: он заметил в кузове подъехавшего к воротам грузовика две большие дубовые бочки.

Гоча стал лихорадочно соображать: надо быстро и незаметно выскочить по лестнице во двор, свернуть за угол конторы направо, не оглядываясь на ворота, проскочить к выломанному Талико лазу в ограде, вылезти к курятнику — и он спасён. Когда эти сволочи подойдут к двери склада, она окажется запертой. Но они взломают её! Что ж. Это уж не его вина. Главное, что он не будет свидетелем ограбления руководимого им производства. Хватит! Его слабое сердце больше такого не выдержит.

Орлиный глаз Шакро Квителашвили мгновенно засёк выскользнувшего из дверей конторы и юркнувшего за угол, но не заметившего его Гочу.

— Ушанги! Это кто там крадётся, согнувшись в три погибели?

— Наш начальник, Гоча! Позвать?

— Так он что, с пути сбился, что ли? Надо бы сюда, а он туда?

Подоспевший напарник Шакро перебил его:

— Ты иди, я позову его сам! — и, выдернув из-за обхватывавшей его молодую, но тучную, напоминавшую медвежонка фигуру, расстёгнутой рубахи висевший под мышкой револьвер, три раза выпалил в воздух.

Гоча дёрнулся, как укушенный змеей, и обернулся.

Вахтёр Ушанги и рабочий Нодар долго провожали взглядами выехавший за ворота завода, гружённый бочками с вином грузовик, пока он не миновал вьющееся, как брошенный ремень, шоссе, не загремел вниз по спуску и не скрылся из вида.

— Сукин сын! Нарушил нам такой обед! — вернулся к своей первоначальной при появлении грузовика мысли Ушанги. — Гоче до еды сейчас, что ли? Да ведь не обедать же без него?

— Пошли приободрим его, утешим. Знаешь ведь, какой он нытик?! — предложил Нодар. — Я видел, он прошёл на задворки, к смоковнице. Что-то бормотал себе под нос и всплёскивал руками, как всегда делает, когда переживает.

Гоча и впрямь сидел, раскинув ноги, на приваленном к дереву огромном валуне и бессмысленным, остановившимся взором вперялся в приближавшихся к нему рабочих. Он и вообще не отличался румянцем, а сейчас его лицо было совсем изжелта-серым.

Ушанги скинул с головы полотняную фуражку, бросил её на камень и присел на неё рядом с начальником.

— Эх-эх! Что поделаешь! Можно было себе раньше представить такое?!

— Оно так! Народу только дай действовать по своему разумению. Не распускать его надо, а связывать цепью. Верёвки им мало, перервут за милую душу, — опустил Нодар прямо на травку и взглянул в глаза начальнику: — Гоча? Чего молчишь? Увезли пятьсот литров вина... не мир же перевернулся? Оглянись вокруг, что творится, один ты, что ли, попал в такой переплёт? Твой предшественник Махатели тоже сбыл вино просителю. Ну и что? Плохо ему, что ли? Ходит кум королю! И ещё получше работу себе найдёт.

— Малхаз это Малхаз!.. В то время Квителашвили, может быть, и не пошёл бы на такое... — жалобным взглядом впряжённого в ярмо молодого бычка глянул Гоча на сидевшего в ногах у него собеседника.

— Да! В этом ты прав, — лукаво мигнул Ушанги Нодару: подтверди, мол, что тебе стоит, — наверняка не пошёл бы. Но до того ли сейчас, чтоб толковать об этом?

— Как? — удивился Гоча. — А о чём же, как не об этом?

— Не нам тебя учить, о чём! — снова переглянулся Ушанги с Нодаром. — Нужно составить акт о грабеже, насильственном вывозе вина. Мы с Нодаром подпишем. Квителашвили, прохвост, увёз пятьсот литров? А мы составим на тысячу пятьсот!

— Ух ты! — подскочил на валуне Гоча. — И что значит эта лишняя тысяча литров? — вытаращил он глаза.

Оба — и Ушанги и Нодар — просто покатались со смеху от такого наивного вопроса, между тем как тот переводил недоуменный взгляд с одного на другого.

— У нас с Нодаром есть пустые кувшины, — начал, когда отхохотались, Ушанги. — Сегодня же ночью мы вывезем в них упомянутую тысячу литров. Не бойся, Гоча, нынче всё кругом идёт само по себе и никто не отвечает ни за что. Нечего быть большим католиком, чем сам Папа римский. Сегодня явился Квителашвили, завтра нагрянет Цителашвили, дальше ещё какой-нибудь Чрелашвили... За какой-нибудь месяц вылакают все резервуары, а там примутся и за материал...

Гочу аж передёрнуло от ужаса.

Ушанги и Нодар ждали его ответа. Какова будет реакция? Что он скажет, верней, что из себя выдавит?

Гоча надул щёки и глубоко вздохнул:

— Нет, ребята! — хлопнул себя по колену. — Я этого не сделаю!

— Что ж, мы своё сказали. Дело твоё! Кабы потом не пожалеть.

— Завтра утром отправлюсь в заводууправление и представлю руководству сегодняшней акт о хищении. И поставлю ребром вопрос о том, чтобы убыстрили переброску оставшегося вина на Кутаисский или Зестафонский разливные заводы.

Хорошо продуманный план провалился.

Ушанги встал, обтрусил на себе, одёрнул одежду.

— Гоча, дорогой! У меня от голода ноет под ложечкой. А там стоит котелок с хашламой, не нести же его обратно домой? Да и зальём горечь события стаканчиком нашего... ну, сам, Гоча, знаешь!.. Отведём душу, забудем случившееся...

Поднялся с травки и Нодар. Вместе с Ушанги они направились к мастерской механика.

— Ладно, грейте еду... я скоро... — догнал их отбросивший колебания Гоча.

Только было принялись за приготовления к трапезе, как проскрипела калитка и во двор вошёл старый рабочий завода Како Сопадзе. Он явился оформить в канцелярии отпуск, но был привлечён вкусным запахом и растворённой дверью в мастерскую Шахро и направился прямо туда.

Ушанги мешал поварёшкой в стоявшем на газовой плите котелке, Нодар торопливо чистил и промывал грудку зелени.

— Что тут готовится, обед или кутёж? — оглядел Како из-под приподнятых очков друзей.

— Шахро Квителашвили обратил нам обед чуть ли не в ужин, — объяснил ему Ушанги и подробно рассказал обо всём, что произошло. Сообщил и о том, что они предложили Гоче и как он возмутился.

— Не надо было ему говорить, — убеждённо сказал Како. — Знаете ведь, какой он трусишка. Как заяц!

Подоспевшего Гочу посадили во главе стола.

— Ребята! — провозгласил Како, прежде чем принялись за еду. — Должен вам сообщить две новости.

— Какие?! А ну, давай! — хрустнул Нодар свежим лучком-пореем с лавашом.

— Одна секретная! — воздев указательный палец, придал новости таинственности Како. — Говорят, завтра утром будет опечатан кабинет начальника заводууправления.

— Да Господи! В него же можно влезть и вылезть из окна, — пошутил Ушанги.

— Забьют и окно, и останется он, как шелковичный червь в коконе.

Все рассмеялись.

— А почему? По какой причине?! — переложил себе на тарелку из котелка кусок мяса Нодар.

— Да, мол, неподготовлен, непрофессионален и неумел!

— Так что же, это выяснилось сегодня или вчера? Слава Богу, уже три года повелевает всеми нами.

— Раньше его побаивались. За его спиной стояло местное руководство. Кто бы отважился объявить ему несоответствие должности? А теперь... Смотрите по телевизору? Что ни день опечатывают двери руководителей, — напомнил Како.

Гоча уже знал о предстоящем, но помалкивал. Вторая новость его интересовала больше.

— Ну что там ещё, Како? — в нетерпении спрашивал он.

— Вторая новость. Очумеете, что за событие! Средь бела дня похитили инспектора ОБХС Гвелесиани.

— Вот это да-а! — вырвалось у всех разом.

— Как? Где? А милиция что? — застыл в руке у Гочи кусок хлеба.

— Давеча он ехал на своей машине из Кутаиси. Налетели у деревни Саимедо. Там милиции отродясь не бывает. Торопился домой к застолью в честь своего дня рождения.

— Что удивительного? — встал из-за стола к плите, чтобы поднести горячих мчади и мяса, Ушанги. — Рано или поздно это должно было случиться. Столько у молодца грехов, что ничего хорошего ждать не приходится. Правильно выкрикивает Бардгия на улицах: “Придёт время, каждый получит по заслугам!”. Вот оно и пришло!

Шакро Квителашвили наполнил вином два огромных кувшина-квеври — десяти- и двадцатилитровый. Всю неделю беспрерывно пил. Что ни день тащил в дом гостей: мхедрионовцев, соседей, всяких собутыльников. Засиживались допоздна. Не давали покоя окружающим. Орали песни. Никто не мог уснуть, но и одёрнуть расходившегося гуляку никто не решался, — нрав его, слава Богу, был известен всем. Трудолюбивой и почтенной жене его попойки эти не просто не нравились, но и сильно досаждали, и ей приходилось то и дело урезонивать мужа: хватит, мол, тащишь домой награбленное и напиваешься, ничего себе пример подрастающим сыновьям!

Был второй час той злосчастной ночи, когда Шакро проводил до ворот очередных перепившихся гостей и сам, едва держась на ногах и с трудом ворочая языком, ввалился прямо в марани — винохранилище, где были зарыты кувшины. Утомлённая и забегавшаяся жена его убирала со стола и в очередной раз пеняла мужу: так жить дальше нельзя. Просто стыдно! Нужно взяться за ум, работать и держаться нормально, как другие.

— Да ты что! — взбесился Шакро. — За ненормального меня считаешь?! — разорался, ворвался в дом, выхватил из-за шкафа автомат и выпустил целую очередь в возившуюся у стола жену.

Далеко за полночь из дома Квителашвили раздался пронзительный вопль ошеломлённых детей.

— Почему ты убил маму! Почему ты убил!? — душераздирающе кричали они и припадали к залитому кровью бездыханному телу.

Чёрная кошка перебежала дорогу

Начиналось утро понедельника.

Пробивающийся свет вырывал из мглы отяжелевшую от росы листву и траву. Склоны гор Багинети не шевелил даже легчайший ветерок.

Осенний день обещал быть тёплым.

— Бека! — раздался громкий зов у ворот дома Беки Гвелесиани. Одновременно нажали на кнопку звонка в калитке.

На незнакомый голос из конуры в углу двора выскочил породистый чёрный пёс и с хриплым лаем бросился к воротам.

Эта громадина жила у Беки уже более пяти лет. Пропитания её одной хватило бы на двух человек, столько она пожирала похлёбки, говяжьих костей, другой еды. Но хочешь не хочешь, содержать её надо было, времена такие, что только и жди грабителей. Днём Бека собаку привязывал, а по ночам спускал с цепи.

— Да кто же это пожаловал чуть свет?! — ворча, вскочил Бека с постели, подбежал к окну, отодвинул занавеску, бросил взгляд на двор и ворота. Снизу, с дороги, его заметили.

— Это я, Джуба Перадзе, рыбу тебе принёс!

Ах, вот что! — вспомнил опаматовавшийся от сна Бека. Дней пять тому назад он виделся в продмаге села Капани с его завом-продавцом Джубой и “записал” на него шесть килограммов форели — праздную, мол, в пятницу день рождения.

Джуба был известен как замечательный рыболов не только в своей деревне, но и далеко за её пределами. Все пользовались его умением для особых торжеств — многолюдных свадеб, приёмов важных гостей, где старались щегольнуть широким гостеприимством. Клиентуры у Джубы по горло, килограмм форели идёт по двадцать рублей. Никто не торгуется, выкладывают деньги без колебаний. Что ж, река общая! С Беки взять плату он не решится. Знает, что за фрукт — при случае обвинит его в нарушении цен и ославит. Не раз прибегал к такому... Человек небезопасный, такого злобного и ухватчивого инспектора район не помнит давно. Как говорится — держись подальше...

Потому завмаг со своим подарком и посетил его дома. Бека торопливо оделся и сбежал к воротам.

Джуба с трудом выволок из жёлтых “Жигулей” тяжёлую кожаную сумку.

— Господи! Зачем же столько! Ничего не оставил в Ханисцкали, хоть на разведение? — сгибаясь под тяжестью сумки, пошутил Бека.

Джуба вытянул из машины ещё какой-то свёрток, протянул его Беке:

— А это икра! С днём рожденья тебя, живи, радуйся, счастья твоей семье, — пожал Джуба Беке обе руки.

С этой минуты, можно сказать, начались приготовления к застолью. К вечеру, к семи часам, в доме Платона Гвелесиани ожидали человек двадцать гостей. Бека, кроме близких, пригласил несколько нужных и полезных людей.

Но до вечера ещё целый день.

Часов в девять утра вся семья села за завтрак.

Первый тост поднял глава семьи, отец, и говорил довольно долго. Потом с Бекой чокнулись и расцеловались остальные. Все выпили до самого дна: и отец, и мать, и жена. Дети стаканы с вином лишь поднимали и легко касались губами.

Когда принялись за еду, Бека вспомнил давешний сон:

— Да-да, вот что мне приснилось! Будто я плаваю в Ханисцкали, в водовороте за виноградником Прокофия Кучухидзе. Как в детстве, когда мы плескались в нём целыми днями. Во сне же вокруг меня сновало множество рыбин разного размера. Представляете? Ныряю я, стало быть, и что вижу? Рядом со мной замерла огромная двухметровая акула. Из разинутой пасти торчат пилы зубов. И маленькие рыбки втекают и вытекают из неё.

— Где это видано, чтоб в Ханисцкали была акула, — помирал со смеху двенадцатилетний сынишка Беки. — Ну, папа, ты ведь знаешь, что акулы живут в океане?!

— Но это же сон, — поучительно заметила ему младшая сестрёнка, — а ты что, думал, правда?!

— Я был в водолазном костюме, — погладил Бека девочку по головке, — сжимал в руках стреляющий стрелами автомат, прицелился и нажал на спусковой крючок. Громадина дёрнулась и перевернулась на спину. Стрела, должно быть, прошла ей лёгкие. Весь водоворот окрасился её кровью. Тут залаял наш пёс, и сон рассеялся.

— Вот видишь: сон в руку, — поднял от тарелки голову отец Беки, — сколько рыбы принёс тебе в подарок завмаг. Правда, Мариам? — обратился он за подтверждением к жене.

— Что-то мне не нравится этот сон! Спустишь-ка, сынок, в баню, — отозвалась та, — приложи к голове обрывок бумаги и три раза повтори: пусть так сгорит и испепелится мой сон! А потом сожги бумажку и пепел рассей.

Дети отозвались на совет бабки смехом.

Бека взглянул на часы и вскочил:

— Нужно поторопиться. Спешное дело! Всё, что нужно для вечернего застолья, привезено. Об остальном позаботится отец. Так что вроде всё!

— А как насчёт вина? Какой открыть кувшин? — задержал его на минуту отец.

— Ну, конечно, с Орбетского завода! Для чего ж я его столько времени берегу?! Лучше его, пожалуй, и не найти!

Двести литров вина, вывезенных Дзуку Соселиа с завода, две недели стояли в милиции, в кабинете Беки, как вещественное доказательство. Так требовало дело. И лишь после окончания следствия куда-то исчезли:

— Откупорю на день своего рождения!

День наконец настал.

Семья встала из-за стола.

— Нас-то ты к делу подключил, — рассмеялся отец Беки, — а вот чем соби-
раешься заняться сам?

— Я? Я как виновник торжества вообще сегодня могу не работать, но нет, еду... Поработаю два часа в кабинете, покажусь начальству, съезжу в Кутаиси по небольшому дельцу, повидаясь с двумя нужными людьми, вернусь во второй половине дня на работу, а там уж... Так что ждите меня домой часам к пяти...

— Да уж, прямо в самое время! Стол уже будет накрыт, всё готово, — пошутил отец.

Супруга проводила пребывавшего в прекрасном расположении духа Беку до машины, наставительно сказала:

— Будь осторожен! Маме что-то не понравился твой сон.

Спусти три часа новенькие “Жигули” Беки Гвелесиани носились по узким улочкам и переулкам Кутаиси.

Он заехал, естественно, в первое райотделение милиции, где когда-то проработал целых пять лет. Его дух всё ещё витал в этих комнатах и коридорах. Надо же повидаться с новым начальником, что служит здесь всего каких-то шесть месяцев. Нужный и полезный человек, из кругов, поставляющих тех, кто постоянно преуспевает, непрерывно идёт на повышение. Уточнить бы, приедет он нынче вечером или не приедет.

К счастью, застал его на месте.

— О-о, Бека! Заходи! — радушно встретил его обитатель обширного кабинета. — Ты что же, поросёнка вертишь на шампуре или здесь ошиваешься?

— Поросёнка я пожарил ещё давеча. Пусть как следует остудится. Так ему полагается. Горячее мясо к столу не подают! — ухмыльнулся Бека и опустился на стул напротив начальника. — Я приехал сюда по важному делу. Зашёл, потому что душа потянула. И ещё хотел попросить не задерживаться, чтобы сесть за стол ровно в семь.

— А вот этого обещать не могу, дорогой! Кое-что вылезло такое, что, боюсь, как бы не отбило аппетит.

— Что такое? — вскинул брови Бека.

— Вчера вечером, — глубоко вздохнул начальник, — похитили владельца рыбной лавчонки. Ты не можешь не помнить её — в уголку Балахванской площади. Вечером, перед закрытием, подкрались из-за угла, связали беднягу по рукам и ногам и затолкали в багажник машины, как назначенного к закланию телёнка.

— Похитили Дзуку Соселиа? — изменился в лице и дрожащим голосом осведомился Бека.

— Да! А ты что, знаешь его?! Сомом, говорят, ещё называли.

— Как не знать! Помнится, когда я здесь работал, дело об искажении цен возбуждалось в связи с ним.

Начальник выудил из ящика стола сигареты и закурил.

— Как ты думаешь, это похищение с целью вымогательства?

— Да ну! Какие там у него в лавчонке доходы...

— Кто его знает! А что же от него могли хотеть?

— Ну!

— Я пустил по горячему следу поисковую группу. Ищут, но пока безрезультатно.

Бека задумался, приуныл до того, что не мог выдавить из себя ни звука.

— У Соселиа сварливая супруга, — возобновил разговор начальник, — является сюда по три раза на дню, жалобно просит: найдите моего мужа... пожалуйста! — он взглянул на часы. — Вот-вот, видно, явится. Тут такое, что до кутежа ли мне?

Бека собрался с силами и кое-как опамятовался:

— Уважаемый Шота! Вам сегодня не приехать — всё равно что перерезать мне глотку. Все приглашённые знают, что вы сегодня будете. Я горжусь знакомством с вами!

— Ну, ладно! Постараюсь. А кто у тебя будет?

— Все наши ребята! А гвоздём застолья знаете будет кто? — лукаво блеснула глаза у Беки.

— Кто?

— Завкадрами нашего министерства Схиртладзе!

— Откуда куда?! Ну и пройдоха же ты, Бека!

— Отдыхает у нас на курорте. Уже недели две. Жалуются на боли в желудке, лечится кислыми водами.

— Ну что же, Бека, непременно приеду! — хлопнул Шота Мелашвили тыльной стороной ладони по краю стола. — Жди!

Выходя из кабинета, Бека живо представил себе, как беднягу Дзуку Соселиа заталкивают в багажник. “Эх, Дзуку, Дзуку! Что ж ты, брат! Ну подождал бы хоть неделю, чтоб не портить мне сегодняшнего пиршества”, — думал он, вяло спускаясь с верхнего этажа во двор.

Выйдя за дверь, напоролся на жену Дзуку Соселиа, Лолу. Если б заметил издали, может быть, и улизнул бы, но сейчас... Он совсем замедлил шаг и упёр руки в бока. С ног до головы оглядел женщину удивлённым взглядом.

— А-а, здравствуйте, почтенная Лола! Какими сюда судьбами? — с таким неподдельным любопытством воскликнул он, будто слыхом ни о чём не слыхал. Лицо Лолы выражало смятение, даже ужас, она ничем не напоминала Лолу, которую он видел три месяца тому назад в её доме.

Лола при виде Гвелесиани и обрадовалась, и смутилась. Отёрла ладонью выступивший на лбу пот.

— Врагу твоему не желаю того, что привело меня сюда!

— В чём дело? Не с Дзуку ли что?!

— С ним! Среди бела дня похитили у лавки, не знаю, живой или нет? Два дня милиция сбивается с ног, а что толку? Никак не нападут на след, — расчувствовалась и всхлипнула Лола. Смахнула слёзы уголком накинутаго на плечи платка. — Какие только подозрения не лезут в голову... Кто знает, что сейчас делается с беднягой?

Бека, тоже порядком удручённый и обескураженный, лёгким движением руки по плечу попытался утешить бедную женщину:

— Не волнуйтесь, Лола, прошу вас! Раз милиция принялась за поиски, значит найдёт. Вас не спрашивали, кто враждует с Дзуку?

— Нет. Никто ни о чём не спрашивал.

— Денег у семьи не вымогали?

— Какие у нас деньги? Вы что?! — взвилась женщина.

— Не говорите так, Лола! Мне почему-то кажется, что ради денег его и похитили. Нынче такое частенько случается. Как следует осматривайте двор, могут подкинуть письмо. Если и впрямь подкинут, сразу неситесь ко мне, на работу или домой. А там уж я знаю. Ч-чёрт! Кругом одни грабители. Чтоб им... — погрозил кому-то Бека, прикусил нижнюю губу и перешёл улицу, направляясь к своей машине.

— Уважаемый Бека! — бросила вслед ему Лола. — Очень прошу вас, подключитесь к розыску. Кто лучше вас знает недоброжелателей Дзуку?..

Она хотела добавить: “Обиженных вами”, но сдержалась. Сообщила — не стоит.

— Непременно подключусь! Но сегодня и завтра я очень занят. Потом!

Бека прыгнул в машину и поддал газа. Скорей бы улизнуть от этой женщины!

Лола Соселиа не отрывала взгляда от “Жигулей” до тех пор, пока они не скрылись за углом первого же переулка, ответвлявшегося от главной улицы. Потом воздела обе руки и послала вслед Беке проклятия:

— Да отправиться тебе к моему деду Ипполиту Гагуа! Со дня твоего появления в Кутаиси наша семья лишилась покоя, сна и отдыха! То на дороге напали на безобидного и незащитного человека и отделали так, что он два месяца пролежал в больнице с воспалением почек! То грозили убить, так что мы с ним боялись нос показывать на улицу! Чтоб семья твоя всю жизнь мучилась так, как сейчас мучаюсь и терзаюсь я. Ты найдёшь моего Дзуку? Да будь ты проклят, Бека Гвелесиани! — всё несло и несло вслед уже скрывшейся из виду машине. Лола вытащила из-за пазухи аккуратно завернутую в белую тряпочку иконку и три раза подряд приложила к ней, моля Всевышнего выполнить её просьбу.

Ещё в дверях кабинета начальника милиции Бека нос к носу столкнулся с обременённым толстыми папками заместителем начальника.

— Уважаемый Шота! Он, случаем, не по делу Соселиа являлся? — протянул заместитель начальнику бумаги на подпись.

Начальник удивлённо вскинул брови:

— Нет! Совсем по-другому. Что у него может быть общего с похищением Дзуку Соселиа?

— Кто его знает! Может, известно ему что? Или может направить следствие?

— Что значит “известно”?

— Когда он работал здесь инспектором ОБХС, они с Дзуку буквально затерроризировали все торговые и обслуживающие объекты, разоряли людей. Вымогали со страшной силой. А теперь... Как видите, настала пора отмщения.

Начальника передёрнуло:

— Разоряли? Шакро! Ну-ка, расскажи подробнее, что знаешь об этой парочке! Нужно учитывать и не отвергать никакие версии. Разумеется, пока не изучили всего.

Шакро не преминул рассказать заинтересовавшемуся начальнику всё, что знал и слышал о проделках небезызвестного когда-то тандема.

— Гвелесиани действовал нагло, — сообщил в заключение. — Никто не смел ему возражать, потому что он находился под крылом прокурора города. Таких только подпусти к чему-нибудь, меры не знают.

— Ты думаешь, эти двое только и делали, что сеяли зло? Это не так!

— Так! Именно так.

— И сейчас пожинают то, что посеяли? Так, что ли, получается? Вчера исчез Соселиа, завтра исчезнет Гвелесиани. По твоей версии...

— Не скажу, уважаемый Шота! Но почему-то мне думается, что Бека Гвелесиани где-то пронюхал про похищение Соселиа и явился помочь нам.

Шота Мелашвили подпёр лоб рукой и глубоко задумался.

Когда новенькие вишнёвые “Жигули” миновали черту города и подкатили к Сагорийскому лесу, Бека наполовину опустил стекло, чтоб надышаться живительным воздухом здешних мест. Ехал не быстро, и его машину ещё издали узнали по номеру и остановили у ресторана “Мухнари”. Бека вышел и не успел сделать и шагу, как мимо него на бешеной скорости промчался невесть откуда выскочивший “Уазик”. Ещё одно движение, и Бека был бы сбит. “Убить меня хотел, сволочь, что ли?” — пролетело у него в мозгу, и, побледневший, ошеломлённый, он подошёл к остановившей его группе, поздоровался и обнялся с каждым, — все они оказались его старыми сослуживцами по милиции, нынче же, выяснилось, безработные, уволенные за разные провинности. Выглядели слегка навеселе, видимо, после пива с «прицепом» коньяка в городе надумали выпить вина в придорожном ресторане.

Разумеется, позвали и Беку, но тот сослался на тысячи причин, чтобы как-нибудь увильнуть от приглашения.

Проехав немного вперёд, увидел поразительное зрелище — в протянутое вдоль дороги проволочное ограждение упирался и поводил высокой мощной шеей ветвистогий красавец-олень.

Бека потянулся за постоянно находившимся у него в машине фотоаппаратом, чтобы запечатлеть это чудо природы, и пока выходил с ним, из-за кустов, ломая их, выбралась пёстрая, пятнистая кабаниха и принялась за спиной оленя щипать ещё зелёную травку. Бека сделал несколько кадров животных, чтоб показать и порадовать детей.

Съехав по спуску к станции Риони, проскочил под железнодорожным мостом и подкатил к околице села Сарбеви.

На мосту через Квирилу ощутил сильный порыв западного ветра. Брызнул недолгий дождик.

Бека миновал так называемую Чёрную будку у поворота на село Варцixe и несколько снизил скорость у въезда в Аджаметский дубняк. Кроны мощных дубов по сторонам трассы сцеплялись на большой высоте кронами и заслоняли небо. Дорога шла как бы по зелёному туннелю.

Бека взглянул на наручные часы — успеет приехать домой вовремя.

Возле деревни Саимедо дорогу перед машиной Беки перебежал выскочивший из-за подступающих к обочине кустов огромный чёрный кот и скрылся в лесу.

Бека расстроился, резко затормозил, чуть не задев кота. Надо же, в самый день рождения!

Он вышел и пару раз прошёлся вдоль “Жигулей”. Пусть вначале проедет кто-нибудь другой! Заложив руки в карманы, приготовился в ожидании пройти ещё.

Долго не было видно ни единой машины.

Наконец, оглянувшись, он увидел метрах в ста зелёный “Уазик”, несущийся на бешеной скорости. Уж не он ли чуть не сбил его у ресторана “Мухнари”?

Нет сомнений — он!

И уж не за ним ли вслед он несётся?

“Пусть проедет, а за ним двинусь я”, — подумал он, опираясь о распахнутую дверцу.

Машина между тем не проехала, а с визгом колёс затормозила. Из неё выскочили три здоровяка, на шее одного из которых болтался автомат.

— Чего ты здесь стоишь? Нас, что ли, ждёшь? — осведомился у Беки именно он. — Ну вот, мы здесь.

По спине Беки пробежал холодок. Ничего себе вопрос! Какое ему дело?

— Чёрный кот перебежал мне дорогу. Вот и жду кого-нибудь, — растерявшись, признался он.

— Ах вот что! Так опасаясь несчастного чёрного кота?! — крутанулся перед его взором огромный кулачище стоявшего ближе всех.

С этим возгласом совпал сильнейший удар сзади прикладом автомата по темени.

Не удержавшись на ногах, Бека, как сноп скошенный травы, повалился и растянулся на мокрой от недавнего дождика дороге. Тут же отключилось сознание.

Грехи отливаются слезами

Первым вопросом Беки Гвелесиани, когда он очнулся на полу в тёмном сыром подвале, было: где я? Открыть глаза не удавалось, и он понял, что голова крепко-накрепко обвязана тряпкой. Хотел потянуться сорвать её. Но не тут-то было! Руки накрепко скручены в запястьях, так что от попытки двинуть ими пробежала острая боль. О том, чтобы шевельнуть ногами, не могло быть и речи. Тем не менее, лёжа навзничь на бетонном полу, задышавшись от подступающей злости, он три раза грохнул ими в связке. Увы!

Пришлось примириться с беспомощностью.

Сколько времени он здесь валяется?

Его явно бросили сюда погибать, — что ещё можно предположить? — но сколько времени они будут ждать?

Он попытался последовательно восстановить в памяти случившееся.

Кто эти три наглеца, что выскочили из машины у выезда из леса, уже совсем неподалёку от деревни Саимедо, и бросились на него, как голодные волки на жертву? Двух он не знает совершенно. Третьего вроде где-то когда-то мельком видел. Сейчас сознанию трудно подсказать, когда и где. Или он путает его с кем-то?

Перед мысленным взором прошло всё, содеянное за последний год. Хорошего ничего! Такого, ради чего стоило жертвовать жизнью, не вспоминалось. Уж не отзвук ли чего-то из ранних лет? Легко ли припомнить все злые деяния на протяжении жизни? Ну а за три года ещё куда ни шло! Вот, к примеру, разорение вместе с Дзуку Соселиа Орбетского винзавода, силки, расставленные для его руководителя Махатели, изгнание его с производства, практически на произвол судьбы, в такое время! Легко сказать, но за спиной его стоит наверняка озлобившаяся семья. Правда, дети его ещё не подросли до того, чтоб реально мстить. Ещё учатся в школе. Мысль о них вывела его на новую колею: может быть, сам Махатели заказал его убийство? Нынче ради денег к чему только не прибегают. Мстительность вообще пропитала всю атмосферу страны. Насколько ему известно, Махатели вряд ли даже помыслит о таком, не говоря уже о том, чтобы сделать шаг к этому, переступить. Вряд ли, конечно! Если даже может, не переступит, его благородная натура не позволит ему сделать этого.

Стоп, Дзуку Соселиа... Его ведь тоже похитили?!

В подвале мёртвая тишина. Жуткий смрад. Что это такое? Где он?! На свалку его кинули, что ли? Всё тело вдруг сотрясла острая боль от укуса в ступню. Господи, змея ужалила, что ли? Он взбрыкнул связанными ногами и, насколько удалось, сдвинулся с места. И вдруг почувствовал под штаниной что-то круглое, как мячик. Наверняка раздавил крысу.

Сколько же времени он валяется здесь?

Раздался какой-то шорох.

Кто-то подошёл к двери. Вроде ключ поворачивают в замочной скважине. Так и есть! Со скрежетом отворяется дверь.

— Давай подкати машину поближе и открой багажник, — крикнул вошедший снаружи и потянул Беку за руки. — Жив, сукин сын! А ты думал, уже отдал концы.

Машина подъехала вплотную к двери.

Один из вошедших подхватил его сзади под мышки, другой подтянул за ноги, и оба грубо, как стреноженного телёнка, помогая коленками, затолкали в багажник.

— Тьфу! — отплюнулся один и с громким стуком опустил крышку.

— Ну, поехали... Поехали! — нетерпеливо отозвался другой. — Туда, откуда я приехал, никогда носу никто не кажет. Скинем эти отбросы на корм рыбам, и баста! Чтоб даже их прах не попал в землю!

Согнувшись в багажнике, Бека прекрасно всё слышал. Как видно, вместе с ним везут топить кого-то ещё. Должно быть, в багажнике передней машины.

Некоторое время машина шла по асфальтированному шоссе. Потом завернула куда-то налево, то и дело подпрыгивая, проваливаясь, с трудом выбираясь и снова проваливаясь.

По обе стороны дороги тянулись кукурузные поля, густо утыканные засохшими, потемневшими стеблями. Кое-кто из владельцев уже срезал и вывез и их, но большинство вечерней порой помахивает серпами. Доносится раскатистый хохот уже, видно, немолодых мужчин и тоненький смешок юнцов.

Заходящее солнце укорачивает лучи, и воздух пропитывается прохладой.

В одном месте, неподалёку от колеи, под старой раскидистой смоковницей, расположилась семья и с аппетитом ужинает. Должно быть, закончила срезать стебли и связывать их в снопы.

Седовласый старик, завидев приближающиеся машины, поднял стакан с вином, как знакомых, благословил проезжающих в дальнейший путь, осушил и опрокинул, чтоб видели, стакан. Сидевший рядом, правда, пробурчал недовольно:

— Мы здесь пот проливаем, а эти едут плескаться в реке!

Сидевший с автоматом в ногах рядом с водителем "Уазика" помахал рукой в окно с опущенным стеклом и обернулся к спутникам.

— Вот так люди! Труженики. Таким не до злодеяний. Придут после работы домой и лягут отдыхать без всяких страхов и опасений, с чистой душой. Не то что эти боровы в багажниках.

Шедшая впереди машина упёрлась в каменистый берег реки и остановилась. Вслед за ней рядом затормозила и вторая.

— Ну, Бог дал, приехали! — сидевший в "Уазике" рядом с шофёром выскочил с автоматом, подбежал к ней, переговорил о чём-то, двое вышли из неё и вытащили за собой две большие тяжёлые железяки.

— Шш-ш! — донёсся в багажник мерный плеск лёгких волн реки и порыв прохладного ветерка.

Скованных по рукам и ногам, с завязанными глазами обитателей багажников вытянули и бросили на берег. Вытаскивать оказалось куда трудней, чем заталкивать. Тяжёлое падение тел на камни спугнуло целые стаи ворон в прибрежной роще. Они взлетели, раскинув крылья, пронеслись над машинами и, оглушительно каркая и снижаясь, взяли курс прямо к реке.

— Уж не почувдился ли проклятым запах мяса, — удивился один из подхавших. — Гоча! Давай-ка побалуем вороньё, подкинем падали!

— Да что вы, ребята! То, что задумали, не изменится ни на йоту, — отмахнулся Гоча, — снимите с них повязки, пусть поглядят, кто их встречает на том свете.

Один, самый проворный, бросился развязывать, но в нетерпении разрезал концом ножа узел повязки:

— Ну, чего там тянуть! Объяви приговор, и дело с концом!

Повязку наконец оторвали от лица. Толстопузый издал глубокий вздох.

Бека с трудом размежил веки.

Гоча вплотную подошёл к связанному Беке, опустил перед ним на короточки и ткнул указательным пальцем в подбородок до того сильно, что послышался стук зубов друг о друга.

— А ну, взглядишь в меня как следует, Гадюка! Узнал?

Не в силах издать хоть слово, пленник мотнул головой.

— Ещё бы узнать! Ты же меня никогда не видел. Ну-ка, слушай внимательно. Расскажу тебе о злодействе, которое ты совершил пять лет тому назад. Мой отец, Серго Агиашвили, работал в небольшом пошивочном ателье в Кутаиси. Знаешь, где? Неподалёку от входа на Зелёный рынок. Однажды в полдень к нему явился твой Дзук Соселиа и заказал себе брюки из материи моего отца. Был раз, как полагается, на контрольной примерке. А через два дня пришёл забирать готовые штаны. Отец вместе с ним ещё раз осмотрел готовое изделие, завернул и принялся заполнять платёжную квитанцию. Соселиа удержал его:

— Серго! Какого чёрта! Нужна тебе эта квитанция? Воспользуйся сам вместо государства. Что, у тебя денег по горло?

Мой простодушный отец не приметил в его лице никакого лукавства. Очень уж был доверчивый! И сразу попал на удочку. Р-раз! И кинул чистые бланки в ящик стола.

Ты притаился за дверью цеха, и стоило Соселиа приоткрыть её, как ты схватил его за руку и вернул назад. И говорил с ним так, будто видел первый раз в жизни. Отцу, естественно, представился тем, кем и был. И бедняге пришлось выложить тебе взятку в три тысячи рублей. Потом ты долго его терроризировал и довёл платёж до шести тысяч. Нам, дуракам, продать бы дом или взять взаймы, отец и сегодня был бы жив.

Дальше, стало быть, всё пошло, как вы и задумали. Ты завёл на отца уголовное дело. Отцу дали пять лет. И без того нездоровый, сердечник, он не выдержал по своей глубокой порядочности такого коварства, его хватил и прикончил там инфаркт.

— Полно тебе, Гоча, тянуть. Кончай с этим подлецом, сукиным сыном! — подбежал самый молодой из приехавших и подхватил за руку, чтобы поднять, Гочу. — Давай кончать!

Гоча выпростал руку и оттолкнул товарища в сторону.

— Погоди, Гиа! Куда торопиться? Хочу излить на него весь свой гнев. Столько лет копился! Тогда мне было всего восемнадцать лет. Собирал документы для поступления в институт. И вот вместо студенческой скамьи попал на судебный процесс. А сидевший на скамье подсудимых не отводил от меня глаз. И разрывались сердца и у него, и у меня. В те дни надолго слегла и моя мать.

Я просидел весь процесс понурившись, боялся встретиться с отцом взглядом. Тихонечко, чтоб никто не заметил, утирал подступившие слёзы и то и дело кусал кулаки. Мог ли тогда даже вообразить, что никогда более не увижу отца живым? Нужно было собраться с силами и не отрывать взора от его растерянного, жалкого лица.

— Ну что же это такое! Не могу больше слушать! — хлопнул Гиа рукой об руку и бросился в сторону.

Остальные тоже запротестовали. Один вырвался из ряда и двинул связанного изо всех сил башмаком по спине:

— Полно таким, как ты, отравлять здесь атмосферу!

Гоча поднялся и дал друзьям знак успокоиться. Сам же обратился к пленному:

— Ты знаешь, где сейчас находится Соселиа?

Связанный вперился взором в стоявшие неподалёку “Жигули”.

— Сообразил! В сметке и догадливости тебе не откажешь. Жаль только, что используешь ты эти свойства не в добро, а во зло, — в первый раз пробежала по лицу Гочи ироническая усмешка. — Ребята! А ну, тащите из багажника и тот мешок с навозом, пусть напоследок полюбуются друг на друга.

Два мхедрионца долго возились и напрягались, но не сумели вытянуть этот “мешок”.

К ним подоспели ещё двое, и вчетвером они кое-как выволокли и свалили на землю толстого, как бочка, Соселиа. Прохот от живого трупa сотряс весь берег. Сам же он издал из-под повязки едва различимый стон. Ухватив за ноги, его подволокли поближе к Беке, сорвали с глаз повязку и высвободили залепленный рот.

— Давайте посадите и его! Пусть два негодяя взглянут друг другу в рожи, — распорядился Гоча.

Всё ещё связанные по рукам и ногам, они и впрямь окинули друг друга взглядами и тотчас же отвели их. В обоих разом поднялась едва-едва сдерживаемая ненависть.

— Мы целых три дня гонялись за твоим паршивым дружкой, — крикнул Гоча, — ловили его. И, к счастью для тебя, настигли. Не то голодал и холодал бы ты в подвале до его поимки. Может, и крысы бы тебя за это время сожрали. Так что не пришлось тебе пострадать и помучиться. Вместе вы обдeldывали свои делишки, вместе вам и открывать врата ада. Сбросим вас разом в одну и ту же пропасть!

Соселиа попытался выдавить из себя:

— Ребята! Не сбрасывайте меня вместе с этим подонком. Раз уж решили погубить, оттащите от него подальше, — с презрением взглянул и плюнул: — Сатана!

Сдали нервы и у Беки, и он не отстал от Дзуку.

Их перебранку перекрыл хохот всех пятерых мстителей.

Запад горел под лучами красного закатного солнца. Диск притягивал к себе золотистые стрелы и неумолимо тонул за горизонтом. Тускнел дневной свет, сгущались и наплывали сумерки.

На пригорке, над мутным течением Риони стояли суровые, напрягшиеся, как волки, мхедрионцы, все пятеро, вытянув шеи, в немом ожидании вглядывались в противоположный берег реки. Вода в заводи почти не двигалась, стояла неподвижно, как в озере. Лучи попеременно то золотили, то серебрили её.

— Буль-буль... Буль-буль!.. — ещё доносилось из глубины, в двух местах, на расстоянии метра в три, и ещё поднимались и лопались пузырьки выдыхаемого внизу воздуха. Вскоре и они прекратились.

— Спустимся к воде, омоем руки! — глухо, но с видимым облегчением выдохнул Гоча.

Потом он занял в машине место рядом с водителем, и когда поехали, обернулся к товарищам:

— Ребята! Мне трудно было сделать этот шаг. Но поверьте, сны об отце не давали мне покоя. Почему-то мне думается: если бы все поступали так, не давали внедриться злу, в мире происходило бы гораздо меньше преступлений. Бог мне судья! — осенил он себя крестным знамением.

С не очень дальнего расстояния, со стороны Самтредии, доносился глухой грохот орудий.

Перед небольшим двухэтажным зданием Багинетского винзаводоуправления спозаранку собрались сотрудники, приглашённые представители заводов стояли группами, переговаривались и ждали появления директора.

Ровно в девять часов показалась его голубая “Волга” и подкатила к самым ступеням подъезда.

— Что случилось? — выйдя из машины, с тревогой в голосе осведомился директор у одной из групп.

Ему не ответили, только молча переглянулись.

У него ёкнуло сердце. Такая встреча не сулит ничего хорошего. Не запечатали ли случайно двери его кабинета? В революционной республике за подобными примерами далеко ходить не приходится. Не минует дня, чтобы по телевизору не передали, как заградили дорогу в кабинет какому-то министру, секретарю какого-то комитета, директору какого-то предприятия...

Неужто и в районах переняли это?

Неужто наступила и его очередь?

Неохотно, через силу поднимался Бакур Члаидзе к себе во второй этаж, с трудом отрывая ноги от ступеней. Подойдя к двери, качнулся, но не без труда удержался от падения: дверь была забита наперекрест толстыми досками.

Двумя руками он толкнул доски, попытался их раскатать, откинуть, но не смог даже чуть-чуть сдвинуть. Приколочены накрепко.

Из комнаты бухгалтерии вышла с веником, ведром и шваброй с наброшенной тряпкой в руках, с закатанными рукавами уборщица Бабилина.

— Бабилина! Какой умник сделал вот это?! — широким жестом показал на забитую дверь уже почти совсем вышедший из равновесия директор.

Бабилина привалила свой неразлучный инструментарий к стенке коридора, подошла к начальнику и недоуменно пожала плечами: откуда, мол, я знаю. Придя рано утром на работу, она первым делом направилась к кабинету директора — убрать его, по обыкновению, первым. И что я увидела? То, что вы сейчас сами видите, своими глазами!

Члаидзе некоторое время постоял ещё в полной растерянности. Толкнул на всякий случай дверь: “Я их...” — не закончил ругательства и спустился по лестнице вниз.

За ним бросилась Бабилина:

— Надо расспросить ночного сторожа, ему лучше знать, кто сюда заходил. Иначе что он за такой сторож! — взялась она за свой инвентарь и, гремя им, скрылась за дверью кабинета главного инженера.

— Спросить меня, так я бы уже давно завалил твою берлогу! Не то что производство, но и две пары гусей тебе нельзя доверить пасти! — вспомнил директор случайно услышанные давеча слова одного из собравшихся у управления.

Вне себя от возмущения, он вышел из здания, не поднимая головы, прошёл сквозь строй расступившихся сотрудников.

В полном смятении направился напрямик в райуправление.

Идти недалеко, всего-то шагов сто.

— Рванул искать помощи! — заключили собравшиеся.

— А интересно, придёт с ним сюда гамгели Леладзе или не придёт? — в нетерпении спросила любопытная и болтливая завлабораторией Мцванехевского винзавода у стоявшей рядом злоязычной и язвительной Лейлы, экономиста Орбетского:

— Конечно, придёт! — уверенно ответствовала Лейла. — Как не прийти, когда Члаидзе подкидывал ему деньги! Он подкупил Леладзе буквально недели через две после вступления того в должность. Из опасения, как бы новый руководитель района не сместил его за непрофессионализм. Я это знаю точно так же, как то, что вижу сейчас именно тебя, а не кого другого.

— Полагаешь, он ему поможет?

— Пусть попробует стать на защиту этого неуча! Завтра же забудут его собственный кабинет! — в сердцах отозвался вместо Гулико стоявший рядом незнакомый им

мужчина. В толпе не все знали друг друга. Среди собравшихся были работники всех пяти винзаводов района. Пришёл и завпроизводством Орбетского Гоча Кочадзе. Рядом с ним под раскидистой елью стоял, как бы уединившись и не подходя ни к кому, технолог-винодел Тагу, нервно покусывая сухой стебелёк травинки.

Среди собравшихся появился вдруг и бывший орбетский завпроизводством Малхаз Махатели. Попал он сюда случайно. Приехал в райцентр по личному делу, попрощаться перед отъездом наряду с другими и с некоторыми старыми друзьями из заводууправления.

Завидев издали стоявших в отдалении Гочу и Тагу, направился к ним. Удивился: — И вы здесь? — и пожал обоим руки.

Вскоре к ним присоединился замглавбуха, сутуловатый толстяк Сандро.

Малхаз всегда уважал и поощрял его, и сейчас с большой радостью поздоровался.

— Малхаз! Это возмездие Члаидзе за тебя! — воскликнул тот. — Они с твоим обидчиком Бекой Гвелесиани закадычные друзья, водой не разольёшь! Не может быть, чтоб Члаидзе не был причастен к случившемуся с тобой. Знать бы, где сейчас этот щенок Бека? Что-то не видно его, сукина сына!

— Сандро, дорогой! Меня он не интересует. Скажу откровенно: слышать его имени не желаю! Да и не до него: надо подумать о себе, выправить свой жизненный путь.

Собравшиеся потоптались у заводууправления ещё с часок — ждали всё-таки появления Члаидзе и его предполагаемого защитника, гамгели.

— Наверняка не удастся привести его. Нынче все думают только о себе. Уклоняются от встреч с отчаявшимся и разъярённым народом! — бросил, подходя ближе к зданию заводууправления, Сандро. — Займём свои рабочие места! Ни один, ни другой сюда не явятся!

Через несколько минут площадка была пуста.

Бухгалтер Сандро оказался прав — Бакур Члаидзе больше в заводууправлении не появлялся.

Прошёл один, второй, третий день... Кабинет стоял заколоченным целую неделю.

Из охотников на «белую ворону» безнаказанным оставался один — заказчик злодеяния, парламентарий Вахтанг Чиковани. Но и в его жизни возникла трещина, день ото дня расширявшаяся и обращающаяся в пролом.

Коллеги-врачи окрестили его Временщиком. При встречах с ним не проявляли прежней теплоты и сердечности, к которым он привык за годы работы.

Понемногу отдалялись от него и парламентарии.

И он почуял — в реке, в которую он выплыл, ему недостаёт кислорода.

Разгоравшаяся в стране гражданская война принесла свои плоды — недолго спустя пало прежнее руководство. Распался и избранный им парламент.

Профессора Чиковани выбросило из потока, как рыбу на сухой жаркий берег. Закрылась и частная клиника. Ускорил закрытие один несчастный случай. На операционном столе погиб молодой пациент.

Против Вахтанга Чиковани возбудили уголовное дело.

Вообразить только!

Это было ни больше ни меньше, как удар грома среди ясного неба.

К неудачам на служебном и общественном поприще прибавилась и семейная трагедия: его единственную дочь после десяти лет бездетного брака оставил муж. Любимый зять, пока тесть его сохранял влияние и авторитет, ещё терпеливо переносил и отсутствие детей, и вздорный нрав своей супруги, которая похвалялась заслугами отца и глядела на мужа свысока.

Напряжённость и нервозность профессора достигли апогея, когда его посетил и провёл допрос не кто иной, как следователь милиции Багинетского района.

На сей раз профессора выдал собственный язык. Точнее, в нём вскричал содеянный грех, укорило изнутри совершённое злодеяние.

Депутат Вахтанг Чиковани, в соответствии с расписанием, встречался со своими избирателями. Последняя встреча в районе состоялась с орбетцами. По окончании встречи в доме сельского гамгбели собрались поужинать в небольшом кругу. За застольем, человек в десять, по левую руку от депутата сидел завпроизводством винзавода Гоча Кочадзе, по правую — замрайгамгбели, госпожа Мзекала, женщина лет сорока.

Пили, естественно, вино своего завода.

Вахтанг Чиковани был в прекрасном настроении, даже рассказал смешной пикантный анекдот, удачно шутил и по-настоящему развлек всё застолье.

К этому времени он только распробовал всего-то литр вина.

— Гоча! — повернулся депутат налево и во всеуслышание прихвастнул: — Ты ведь знаешь, что назначен завпроизводством по моей милости и с моего благословения, — поощрительно хлопнул Гочу рукой по плечу.

Гоча Кочадзе отложил на тарелку уже поднесённую было ко рту куриную ножку и вытер салфеткой руку:

— Доне не знал, уважаемый Вахтанг! Полагал, что назначен районным гамгбели Леладзе, — покосился он на припавшую грудью к столу Мзекалу.

— Что ж! Жаль, что не знал. Но теперь знай — освободить Махатели поручено местному руководству мной. А как провёл в жизнь поручение Леладзе, мне не известно.

Над застольем повисла тишина. Хвастовство хмелеющего профессора не понравилось. Тот же тем не менее продолжал:

— Один человек обещал Махатели помочь в приобретении завода. И этого ты не знаешь? — взглянул он налево.

— Ваш конкурент по выборам, Мхеидзе?

— О-о, молодчина! Как не знать, знаешь! И видишь, как было исполнено обещание. А сам ты не хотел бы приобрести этот завод? Помогу тебе купить его за копейки.

— Уважаемый Вахтанг! Я не взял бы этот завод, даже если бы мне его подарили! — твёрдо отвечал Гоча.

— Но почему? Разве он так уж плох?

Сидевший во главе стола тамада, председатель уже развалившегося колхоза, пресёк беседу громким призывом:

— Наполним, друзья, бокалы! Провозгласим очередной тост!

Слова профессора за застольем пошли распространяться и достигли ушей отца исчезнувшего Беки Гвелесиани. Тот принёс начальнику раймилиции жалобу на двух страницах.

Начальником райотделения милиции оказался недавно назначенный новичок. К тому времени Вахтанг Чиковани уже не был парламентарием, а Зураб Леладзе руководителем Багинетского района.

В заключение своей жалобы Платон Гвелесиани писал: “Исчезновение моего сына, Беки Гвелесиани, произошло после выявленного им хищения на Орбетском винзаводе. В связи с этим делом прошу допросить бывшего парламентария Вахтанга Чиковани, бывшего гамгбели Багинетского района Зураба Леладзе и бывшего завпроизводством Орбетского винзавода Малхаза Махатели”.

Новичку в багинетской милиции прошлого опыта работы всё же хватает. Слава Богу, за плечами пятнадцать трудовых лет. Навязывание действий в жалобе старика ему не понравилось!

— Дядя Платон! Названных вами лиц мы, разумеется, допросим. Насколько я знаю, ваш сын работал в системе полтора десятка лет. Возможно, на протяжении этого времени волей или неволей досадил многим. Ну что ж, такая уж служба! Вы, надеюсь, видите, что происходит сегодня. В обществе идут взаимные расчёты и разборки. Я не раз в своей практике сталкивался с такими случаями — человек отбыл своё, а выйдя, всё-таки разобрался и отомстил обидчику. А о том, что сам в полной мере заслужил наказание, и думать не думает. Порой кара падает на милицию. Удел правоохранительных органов! До самого конца нам приходится ходить по начинённым минами дорогам, не зная, где и когда взорвётся.

Старик остолбенел.

— И всё-таки допросите их, хочу, чтоб отлегло от сердца.

Подобное упрямство не могло не вызвать улыбки начальника.

— Ну что ж! Раз уж очень хотите, не обижу отказом.

Повторное рассмотрение дела следователь начал с профессора Чиковани. В его доме в Тбилиси дал ему подписать протокол допроса.

“Что это за напасть на мою голову! Ещё не закончилось одно уголовное дело, как начинается второе, — думает дотеле проходивший свой жизненный путь с триумфом профессор. — Попутный ветер сменился сбивающим с ног”.

— Не пойму, — привстал профессор, поставив подпись, подошёл к окну и спиной к следователю нервически потёр руки. — Инспектор ОБХС бесследно исчез. Я, правда, его не знал ни по имени, ни по фамилии, но при чём тут профессор Вахтанг Чиковани?

Следователь извинился за беспокойство.

— Возможно, вам придётся приехать к нам, в Багинети, в райотделение милиции, — сообщил он у дверей, уже выходя.

Чиковани не успел даже ничего спросить, так и остался стоять с раскрытым ртом.

Прошло пять часов после ухода следователя Гиглы Хеладзе. Давно стемнело.

Жена и дети Чиковани поужинали и отправились спать.

Вахтанг ужинать не стал. Не только есть, но даже вымолвить слова он не мог.

Было уже за полночь, но ему не спалось. В голове жужжали, как пчёлы, тысячи мыслей. Он сопоставлял прежнюю и нынешнюю жизнь. Неужели его карьера идёт под откос? Надо как-то сохранить взятую высоту. Падение сверху вниз внутренне опустошает и разрушает человека.

Остро почувствовалась нехватка кислорода. Чтобы встряхнуться, он осторожно, бесшумно встал, на цыпочках прошёл к двери, мягко отворил её, вышел на балкон, опёрся грудью о перила и подставил разгорячённый лоб прохладному ветру.

Ярко освещённая лампами улица была охвачена тишиной и спокойствием.

“Какой позор! Одно уголовное дело за другим, — перегнувшись через перила, хлопнул он себя рукою по лбу. — Какой-то полуграмотный следователь смеет его допрашивать. А он даёт показания”.

Донельзя напрягшиеся нервы не выдержали, лопнули. Один, другой, третий... Мозг перестал подчиняться, замер.

С разрывом последнего нерва профессор, лишившись окончательно сил, навалился на перила всем телом и полетел с пятого этажа головой вниз.

Отблеск отца

Малхазу Махатели предстояло во второй раз в жизни покидать свою родину. Решение он принял после долгих дней размышлений, взвешивания и анализа.

Много лет тому назад, когда он покидал родные места впервые, ехал работать в дальние края, у него в руках был приказ о назначении специалистом-виноделом на винзавод, выданный республиканским объединением “Самтрест”.

Время было совсем другое. Он жил в огромной стране и был её гражданином. Молодой, тридцатилетний, ещё не женатый, полный мечтаний и разнообразных планов, он ступил на жизненный путь с большой радостью и удовольствием. Впереди рисовалась романтика первых шагов.

По правде говоря, и у тогдашнего отъезда не было особого оправдания, но что ему было делать? Работа по специальности для него не нашлась ни на винзаводе родного села, ни в районе, ни во всей республике. Что ж? Он бежал от превратности судьбы и несправедливости. Видел — в коррумпированной республике молодой человек без денег и без связей проложить себе путь не сможет, даже если будет грызть железо.

Но сейчас положение куда хуже — едешь в другую страну. Отъезд сейчас — это не поиски романтических приключений, он больше похож на побег, вынужденную жизненную необходимость.

Как старался он поторопить время, как можно скорей бежать от бездействия, безработицы. А сейчас, когда до отъезда осталось всего несколько дней, сжимается сердце. Жаль! Ведь ему так хотелось применить свои знания, опыт, верность на благо своей родины, своего народа.

Не дали!

И кто? Негодяи!

Порой его мучит вопрос: куда ты едешь, Малхаз? У тебя же на родине свои задумали съест. Что же будет там?

Сейчас в доме он один. Жена и дети в школе. Пройтись, что ли, по участку? Обогнув дом, он ступил на дорожку у края виноградника и медленным шагом пошёл по ней вглубь. С любопытством, жадным взглядом, всмотрелся во всё, что вокруг. Кто его знает, когда ещё доведётся приехать. И как может планировать приезд тот, кто ещё даже не уехал?

С запада веет лёгкий прохладный ветерок. Широкие листья лозы взлетают и опадают от каждого порыва. Неторопливо бредущий хозяин то выпрямит, то укрепит ветвь или ствол. Если заметит, отломит сухой сучок. В самом конце тропы наклоняется вперёд и обозревает ряд по всей длине. Гроздь крупная, с большой палец, ягод тяжелы, как полное молоком вымя дойной коровы.

Малхаз опустил на длинную скамью со спинкой под отягчённым плодами персиковым деревом и, опершись локтями о спинку, закинул ногу на ногу. Здесь он любит отдыхать, когда работает в винограднике. Сейчас виноград уже наливается и начинает отливать золотом.

Он поднял голову, уловил взглядом поспевший, краснобокий персик, обдул его, понюхал и надкусил.

О-о! Как он ароматен и вкусен.

Вдали различается упирающийся в небо Кавкасиони — Большой Кавказский хребет. На глазок до него километров, должно быть, сто. Высеченные и расставленные природой скалы стального цвета грозно поблёскивают под горячими лучами полдневного солнца. На приникающих к небу вершинах белеют вечные снега, как косынки на головках стройных красавиц.

Малхаз обернулся — густо поросшие елью склоны гор Южной Грузии гордо взирают на раскинувшуюся у их подножий Колхидскую низменность — владение

легендарного царя Айэта и его дочери Медеи. Страну, о которой слагали легенды греки античных времён.

Как легко вдыхается насыщенный кислородом воздух. Пронизанный по милости старого, многовекового Аджаметского дубняка, раскинувшегося на много километров к востоку отсюда. Аджаметский лес и зелёное покрытие склонов южных гор — это лёгкие Западной Грузии.

Колхидскую низменность прорезает и делит надвое стекающая с ледника Фасис река Риони, водолей и поливальщик всего живого и неживого вокруг, опустивший голову в Чёрное море, а хвост закинувший в Кавказские горы. С высоты он видится как выхваченный из ножен кинжал, сверкающий под лучами светила.

Если кто-нибудь из художников задумает начертать эмблему Западной Грузии, то ему придётся вписать в пятиконечную звезду пять чудес природы: Кавказский хребет, горы Южной Грузии, Чёрное море, реку Риони и Аджаметский дубняк.

— Да, — подтвердил сидевший под персиком Малхаз.

С пригорка за оврагом послышалась пальба из дувстволки.

На шум из зарослей старых дзелкв в овраге поднялась огромная стая горлиц, подлетела к оврагу, низко промчалась над деревом персика. Покружив в поисках удобного присеста, ринулась к Аджаметскому дубняку.

Нашла хозяйина, зачарованного красотой окружающего, под деревом старая дворняга Бролия. Безошибочно двинулась по нужному следу, руководимая нюхом. Обрадованная удачей, выразила чувство виляньем хвоста, визгом и припадением передними ногами к земле. Не остался в долгу и хозяин — поощрительно и заботливо потрепал её по загривку.

Эта взаимная ласка двух существ — собаки и человека — не осталась незамеченной пасшимся неподалёку на зелёном лужке, привязанным верёвкой к колу телёнком-сосунком.

— Му-у-у! — отозвался он негромким мычанием.

Бролия тотчас отбежала от хозяина, вильнула хвостом, рванула к телёнку и затеяла с ним забавы. То обегала вокруг, то отпрыгивала вбок, то негромко полаивала — дразнила. К концу разошлась и разыгралась так, что налетела на колышек и повалила его. Расходившаяся Бролия и высвободившийся Никора подтрусили к хозяину под дерево разом.

У ворот раздался сигнал подъехавшей машины.

Собака наострила уши и с лаем понеслась на зов.

— Кто бы это? — подумал Малхаз, торопливо привязал телёнка к плетню и тоже направился к воротам.

По пролежавшему через деревню шоссе на большой скорости нёсся зелёный “Уазик”. На перекрёстке с просёлком машина уменьшила скорость, съехала на обочину и остановилась у родничка, под льнущей к нему ветвями ивой. Под ней на брёвнышке сидел в одиночестве старик лет восьмидесяти и водил по земле хорошо обтёсанной палкой, что-то вычерчивал.

В жаркие полдни здесь, в тени и прохладе, сельчане, особенно пожилые, собирались нередко. Беседовали, обменивались сельскими новостями и сообщениями по телевизору.

Но сейчас старик сидел один-одинёшенек.

Притормозившая машина, что и говорить, приковала его внимание.

— Дед! Вы здешний? — спросил его резко спрыгнувший с заднего сиденья молодой, лет двадцати пьяный человек.

— Да вроде, но и не совсем, внучок! — показал палкой на спуск неподалёку старик. — Вон там водяная мельница, в двух переходах от неё я и живу. А вам на что?

— Нам бы вина купить. Хорошего! Стосковались по нашему, здешнему. Чтoб поднести чайным стаканом к губам, а из него бы брызги в лицо!

Старик расхохотался.

— Так вам нужно шампанского? И много?

— Да нет, литров пятнадцать-двадцать. Мы тут с друзьями решили перекусить на берегу Ханисцкали. У вас найдётся?

— Найдись найдётся, да...

— Что да, дед? — в нетерпении перебил его молодой человек. — Платим наличными! Не гоняй нас за ним ещё...

— Да вот... не открывать же из-за такой малости целый кувшин! Ещё прокиснет в такую жару в неполном кувшине...

Парень сунулсЯ головой в машину и о чём-то переговорил со спутниками.

Подъехал на велосипеде мальчуган лет восьми, прислушался к беседе взрослых.

— Здорово ты, Зуриа, подоспел! — показал ему палкой на машину дед. — Вот эти достойные люди ищут хорошее вино. Проводи-ка их к твоему соседу, Малхазу Махатели, — и повернулся к приезжим. — Ребята! Махатели этот специалист-винодел. Подберёт что ни захотите.

— Провожу, провожу, дедушка Сандро, — охотно принял поручение мальчуган, вскочил на велосипед и крикнул водителю: — Сюда глядите! Езжайте за мной!

Машина на малой скорости двинулась за велосипедом.

Зуриа привалил велосипед к железным воротам и затрезвонил в электрозвонок.

Отворять долго не подходили.

— Да тут никого нет! — засомневались в машине.

— Как это нет? — запротестовал мальчишка. — Полчаса тому назад был во дворе! Сам видел, — напряг он слух и воскликнул, как бы спохватившись: — Наверняка в винограднике! Далеко, видно, зашёл... — налёг и загремел ручкой по железу. Заглянул в скважину. Замок висел внутри. Измерил взглядом металлическую ограду и в мгновение ока перемахнул через неё во двор.

— Эй, ты! Кабы собака не укусила! — крикнули ему вслед.

Он отмахнулся, даже не оглянувшись:

— Ещё чего! Не знает меня, что ли!

Плетёная из железных прутьев калитка за домом была отворена. “Ну, конечно, в винограднике”, — убедился окончательно и бегом пустился по дорожке.

Хозяин встретил его, запыхавшегося, на середине пути.

— Что такое, Зуриа? Случилось что? — спросил с тревогой в голосе.

— К вам приехали! Не слышали, что ли, как машина сигнализала?

— Слышал. Потому и иду. Кто там? Узнал кого?

— Да нет. В форме они... военной. Вроде мхедрионовцы. Заметил только, что в ногах у одного лежал автомат.

— Мхедрионовцы?! — неприятно резануло Малхаза. — Только их мне сейчас не хватало. Два месяца тому назад в соседней деревне они ограбили моего знакомого винодела. Связали его и его двадцатипятилетнего сына. Женщин поставили к стене. Захватили всё, какие в доме нашлись деньги и драгоценности. Обчистили до нитки. Понятно, деньги у того водились, как-никак больше двух десятков лет вкалывал виноделом. Но у него, Малхаза, какого чёрта они рассчитывают обнаружить после двух каких-то лет работы, да при его репутации, в такое непонятное время на разорённом заводе? Каждая собака здесь знает про это!..

Вышли во двор, и он сразу заметил зелёный “Уазик”. Поморщился.

— Что им нужно? Не говорили? — бросил бегущему за ним вприпрыжку мальчишке глухим голосом.

— Вина хотят купить. Двадцать литров. Просили у дедушки Сандро, но он им отказал — не захотел распечатать неначатый кувшин.

У Малхаза отлегло от сердца.

Пока хозяин сметал песочек с головки кувшина, пришельцы с любопытством озирались вокруг. Им ещё не приходилось видеть так украшенное винохранилище. Просто глаза разгорались при виде каждой вещицы.

Большую часть всего помещения занимала огромная, должно быть, пяти-тонная давилня у стены, на фигурных опорах-подставках. Суший национальный, крестьянский антиквариат. Давильный аппарат над ним тоже диковинный, старинный. Точило перед ним аккуратное, на железных ножках. На узком длинном столике разложены и расставлены деревянные и медные кувшинчики и черпачки, большой медный поднос. Над очагом, облицованном тёсаным камнем, открывалки для домашних напитков — целая система. Поодаль от очага невысокий овальный дубовый стол, вокруг пни-скамейки. С распялок на западной стене свисают связки кое-чего для сушки. Дальше каштановая доска с вырезанными старинными грузинскими уставными буквами. Рядом два отливающих тёмным блеском литровых рога, должно быть, буйволиных, отделанных серебром с орнаментом. У северной стены, близ окна, большой шкаф с множеством разных грузинских вин и коньяков в запечатанных бутылках всевозможной формы, с яркими наклейками и ярлыками.

Целая винотека!

Любопытный Гоча уже вертит у шкафа бутылкой и вперяется в этикетку. Сотоварищи ждут терпеливо, и здесь, и в машине за воротами.

Хозяин отмёл кучку земли с крышки кувшина в сторону, ополоснул над корытцем руки, закатал правый рукав, наклонился над крышкой кувшина и подозвал к себе пришельца:

— Распробуем, молодой человек, кувшин, а? По дедовскому обычаю! — зачерпнул чайным стаканом вино и поднял посмотреть на свет.

— О-о! В такую жару верх совсем прозрачный и чистый! — заглянул в кувшин и удивился Гоча.

— Вовремя приехали! Наверняка нужно отлить, — улыбнулся хозяин.

Стакан с холодной влагой мгновенно запотел от тёплого воздуха. Но внутри весело заиграли пузырьки.

— Что ж! Пусть в наших семьях царят мир и благополучие! — по давней традиции произнёс Малхаз и снова склонился над кувшином зачерпнуть вина теперь уже для пришельца.

— Истое шампанское! — поддерживая тост, осушил стакан и Гоча, опрокинул и постучал большим пальцем. — Сколько вы просите за литр?

— Чего, парень, просить за какие-то двадцать литров? Кончай об этом, не то я тут же закрою кувшин!

— Да что вы? Нет! Не заплатив, мы не возьмём! Как приехали, так и уедем! — оторопел пришелец.

Малхаз пожал в недоумении плечами.

Гоча потянулся рукой к заднему карману, достал пачку денег и вытащил из неё две красные десятирублёвки. По тогдашней цене хорошего вина — по рублю за литр.

Хозяин понял, что с таким настойчивым парнем не поспоришь. Двадцать рублей гостя не разорят, а меня не обогатят.

— Ладно, Гоча! Неси посуду, — показал он взглядом на "Уазик" за воротами.

— Посуду? — забеспокоился пришелец. Заметно скис и расстроился. Огляделся. Остановился взглядом на большой бутылки в углу.

— Ну а во что же налить вам вино?

— Да мы как-то сразу решили отправиться к реке прохладиться. Один проговорился, что у него нынче день рождения. Ну, думаем, отметим. Хлеб, колбаса и стаканы есть. Там меня ждут пять дружков.

— То есть понадеялись на других? — рассмеялся хозяин, задумавшись над тем, каким сосудом может пожертвовать.

Гость пришёл ему на помощь:

— Вот там, вижу, оплетёнка. Не одолжите нам? Сегодня же привезём назад. Гарантирую!

— Не-ет! Её оплетал мой отец, а я берегу, как зеницу ока. Все мои предупреждены — не выносить её из хранилища, — взглянул хозяин на пришельца — как подействует на него отказ? Ладно, подберём ему мелкую тару, десятилитровую, такой у него много. И возвращать не надо.

У Гюча сжалось сердце. Вспомнился отец. Он поднёс замерший было в руке стакан с вином ко рту, редкими глотками, с усилием выпил. Странно качнулся, отступил назад, опёрся о борт давяльни, чтоб не упасть.

— Ну ладно, ладно! Дам вам оплетёнку, раз она так вам нравится.

Парень, охваченный тяжким воспоминанием, не отозвался.

Малхаз ополоснул бутыл, черпак и воронку, опустил на низкую скамеечку и принялся вычерпывать вино. Покосился на пришельца — тот всё упирался в бутыл невидящим взором, — наудачу спросил:

— Отец есть у тебя, парень?

Тот скрестил на груди руки:

— Был отец!

— А сейчас нет в живых? — передёрнуло Малхаза.

— Убили негодяи...

Опущенный в кувшин черпак застыл в руке у Малхаза.

Следующий вопрос прозвучал глухо:

— Как? За что?

— Долгая история. Ваши слова об оплетёнке привели мне его на память.

Малхаз отложил черпак, сложил руки на коленях, приготовился слушать.

— Вам сколько будет лет? — поинтересовался пришелец.

— Да вот за полвека перевалило. А точнее, пятьдесят второй год.

— Отцу тоже нынче было бы столько, — боролся Гюча с комком в горле. — Расскажу уж в двух словах, как всё было, — перевёл-таки он дух и заговорил увереннее. — Два подонка, инспектор ОБХС и его наседка, продавец рыбной лавчонки, заманили отца в сети и довели до решётки. Он и так болел, а там отдал Богу душу. Моя бабка, убитая гибелью сына, не прожила после него и года. А через два отправился за ними и дед. Так эти мерзавцы разорили и погубили до того полную жизни и радости семью.

— О-о! Ну и беда с вами случилась. Таким, как они, только пулю в лоб! — воскликнул Малхаз и вернулся к кувшину. Перед мысленным взором его прошло и собственное испытание.

Гость оторвался от давяльни и, обходя головки амфор, чуть возвышавшихся над полом, подошёл к Малхазу, потёр руку об руку:

— Я для этих подонков пожалел и пулю, приладил к ним пудовые железки и пустил по мутному течению Риони. Утопил, как котят, — взглянул он в окно на дорогу. Ребята вышли из машины и ждали его на завалинке. — Вообразите, только после этого ко мне вернулся душевный покой.

— Ой, что ты, парень, натворил! — всплеснул руками Малхаз.

— По заслугам и плата! Два подонка погубили пол-Имеретии. Не люди были, а пиявки, кровопийцы. Об одном только жалею, если б спровадил их на тот свет месяцем раньше, спас бы одного человека.

— Что, и его окрутили? — поднял голову Малхаз.

Гость кивнул тяжёлым кивком:

— И так же коварно, как моего отца. Вы, как винодел, должно быть, слышали, как здесь, на винзаводе, устроили провокацию.

Малхаза будто пришибло, лоб залило холодным потом. Он отключился от всего, даже не заметил, как наполнилась бутылка от машинальных движений. Перелившееся через края воронки вино потекло струйками по бетонному полу.

К нему бросился и схватился за ручку черпака Гоча:

— О Господи! Разливать попусту такое вино!

Хозяин с трудом, хватаясь за поясицу, поднялся со скамейки, отёр тыльной стороной ладони пот со лба, распахнул дверь, впустил волну тёплого воздуха.

Мхедрионовец ни о чём не догадался. Только спросил, закрывая бутылку дубовой пробкой:

— Вас никто тут не обижает, не оговаривает... на работе или соседи?..

— Да нет!

— Если что... сразу скажите. Тут же... сами понимаете...

Хозяин предпочёл не улыбаться, пропустить последние слова мимо ушей, поднял бутылку и поставил у очага. Взял Гочу за руку:

— Позови-ка, братец, сюда товарищей. Не могу отпустить вас, не уважив и не угостив! — похлопал по плечу парня. — А что касается моих обидчиков, то они уже получили по заслугам.

Пока незнакомые гости гуськом проходили через низкую дверь в марани, подоспела хозяйка, жена Малхаза. Как по уговору, высвободилась с работы в школе, в двух километрах от дома, пораньше.

Молодые люди пили и закусывали стоя. Стол был уставлен простой деревянной, но приятной закуской — сыром, квашеной капустой, свежим пореем, ломтями душистого хлеба.

Хозяйка не заставила себя ждать, через полчаса на столе красовались горячие хачапури.

А уже через час ребята гурьбой высыпали за ворота, к машине. Один из них, рослый и сильный Гоча, похлопал по прижатой к груди бутылки:

— Вечером и она, и корзина возвратятся к вам сюда в целости и сохранности, — бросил водителю: — Хорошенько запомни, Закро, этот дом и дорогу к нему!

В корзине были сложены увёрнутые в полотенца хачапури, выпеченные в листьях омелы кукурузные лепёшки, две головки выдержанного сыра, две банки консервированной зелёной фасоли, бутылка ткемали и, конечно, редиска и зелень.

Машина, сигналя, промчалась по прорезающему деревню шоссе. Из неё помахивали руками и прощались с радушными хозяевами.

— Э-эх! — вздохнул Малхаз, когда машина скрылась из виду, и пошёл вслед за женою в дом.

Рана в груди его не зарубцевалась, а то и дело давала о себе знать. Вот почему он, к удивлению жены, вздохнул. Перед мысленным взглядом стали его погубители Бека Гвелесиани и Дзуку Соселиа. Странная картина — два мерзавца барахтаются в воде, как слепые котята.

Были они достойны пощады или хотя бы жалости?

Подсудно ли деяние рано осиротевшего сына?

Махатели стоял на середине соединяющего два эти берега моста и глядел с него вниз — мутный Риони нёс к Чёрному морю два бездушных предмета.

Продолжение в следующем номере.

К 65-летию Великой Победы

Николай КОВТУН

“Мир помнит вас...”

Не остановить...

Нам время
Не остановить:
Кто юношей был
В сорок первом,
Сейчас уже
Седой старик,
Давно ушедший
Из резерва.

Неумолимо
Время жмёт:
И в день Победы
За столами
Всё меньше тех,
Кто шёл вперёд
К Победе
Трудными шагами.

Бессильно время
В своей мгле:
Оно не может
Обесценить
Великий подвиг
На земле,
Судьбу поставив
На колени.

Но время — не остановить....

Николай Матвеевич КОВТУН

— член Союза журналистов Казахстана. Родился на Кустанайщине в 1937 году. Детство и юность прошли на Украине. В Казахстане вновь с 1954 года. Участник освоения целинных земель в совхозе “Барвиновский” Урицкого района Кустанайской области. Служил в танковых войсках в Группе советских войск в Германии — механиком-водителем средних танков. После армии закончил два института. Стихи пишет с детства. Издал пять поэтических сборников. Это стихи о Родине, о её природе, о дружбе и любви, о войне и нелёгком военном детстве, о ветеранах, чьё геройство и отвага принесли нам долгожданную Победу.

Постоянный автор “Нивы”.

Я не участвовал...

Я не участвовал
В войне,
Но та война
Живёт во мне
С разрыва
Первого снаряда
И до Победного
Парада.

Я в сорок первом
Отступал
И падал
В казематах Бреста.
Я насмерть
Под Москвой стоял
С политруком
Клочковым вместе.

Оборонял я Ленинград,
“Дорогой жизни”
Вёл машины,
Непокорённый

Сталинград
Я отстоял,
Судьбой хранимый.

И Днепр был,
И был Дунай,
И Одер с Вислой
Напоследок...
В Берлине встретил
Светлый май
И в Праге выпил
За Победу...

Я не участвовал
В войне.
Но сердцем чувствую
Поэта,
Как та война
Живёт во мне
Огнём
Июньского рассвета.

Павшим

Я сегодня тревожные
Песни пою,
Слыша грому
Стальные раскаты.
Пусть и не был тогда
Я в смертельном бою,
Но пою песню
О павших солдатах.

Я о тех, кто упал
Под свинцовым дождём,
Для кого
Захлебнулась атака,
Кто остался лежать
На редуте своём,
Не дойдя до победы
Полиага.

Кто рванул из окопов,
Крещённый свинцом,
Закружившись
В лихой круговерти,
Кто в холодное плонул
Смерти лицо,
Со своим побратался
Бессмертьем.

Кого матери ждали,
Считая года,
До кончины своей
Веря в чудо —
А сыны их остались
В боях навсегда.
И никто не вернёт
Их оттуда.

И сегодня их нет
В ветеранском строю,
И не слышен их смех,
Как когда-то...
О их подвигах
Звонкие песни поют
Молодые в строю
Солдаты.

Как далёк незабывтый
Тот огненный вал,
По земле
Прокатившийся нашей...
Никогда я в смертельном
Бою не бывал,
Но пою свои песни
О павших.

Не забыть...

Не забыть	Сколько их
Те дни и ночи,	В земле зарыто
Не унять	И пропавших
Под сердцем боль...	Без следа,
Снова пулемёт	Молодых,
Рокошет, —	Душой открытых...
Не окончен	В Вашей памяти
Смертный бой.	Всегда.
Вот привстал один	
С гранатой	Вам теперь
К доту заскользил	За жизнь драться,
Ужом:	Седина,
— В бой за Родину,	Как облака..
Ребята!.. —	Ну а павшим
И упал вперёд,	Оставаться
Сражён...	Молодыми на века.

Будем дорожить

А время мчит —
Уходит лихолетье,
Всё глубже, глубже
В Лету погружась.
Но тот, кто
В двадцать лет
Ушёл в бессмертье,
Глядит всё так же
Молодо на нас.

А время мчит...
Но пусть всегда
Не вянут
Цветы живые
У могил солдат.
И каждый пусть
В день праздника
Помянет
Всех тех ребят,
Кто не пришёл назад.

А время мчит...
Мы память не остудим. —
Без памяти нельзя
На свете жить.
И пусть нас крутит
Чёрный ворон будней,
Мы славой вечно
Будем дорожить.

Что вам снится?

Вас на земле
Совсем осталось мало.
Но в каждом до сих пор
Война живёт.
И не найдётся в мире
Пьедестала,
Чтоб возвеличить
В бронзе подвиг тот.

И не найдётся бед,
Чтоб вы не знали,
И тяжестей, чтоб вас
Могли согнуть.
И не найдётся в мире
Тех регалий,
Чтобы достойно
Ваши отметить путь...

Давно войны
Ржавеет колесница.
С годами притупилась
В сердце боль...
Скажите, ветераны,
Что вам снится?
Быть может, тот
Последний самый бой.

Тот бой последний
Возле стен рейхстага,
Когда хотелось жить,
Как никогда,
Когда, не успевая
Сделать шага,
В бессмертье уходили
Навсегда.

А может, снятся
Пинские болота,
“Дорога жизни”,
В ранах — Ленинград,
И замерзающая
На снегу пехота
Под звуки
Неумолчных канонад...

Давно войны
Ржавеет колесница.
Боль притупилась...
Жизнь зовёт вперёд.
Но часто по ночам
Атака снится,
И по снегу бегущий
С криком взвод...

Память

Не очерствели ваши
Души, ветераны,
И злостью
Не наполнились сердца,
Хоть к непогоде
Беспокоят раны,
Тревожат сны
И память без конца.

Она напомним
Тяжкие походы,
Бои под Ленинградом,
Под Москвой, —
Те долгие
И огненные годы,
Что в вашей
Биографии святой.

Она, как боль,
Напомнит дни разлуки
И образы
Потерянных друзей.

Она вам часто
Связывает руки,
Та память
С каждым годом
Тяжелей.

И кто-то покидает
Строй ваш рано.
Сердца дают осечку
На ходу.
Но вы не очерствели,
Ветераны, —
Живёте с чистой
Совестью в ладу.

Не высказать
Признательность словами,
Вам, отстоявшим
Родину в бою.
И я пред вашей славой
И пред вами
Склоняю низко
Голову свою.

Парни из сорок пятого...

В том далёком
Сорок пятом
Майский день
Манил теплом
И безусые солдаты
Вспоминали отчий дом.

Без привалов
И без сна,
Чтобы возродилась
Пашня,
Встала на ноги
Страна.

Позади остались
Марши
И жестокие бои
За свои родные
Пашни
И за города свои.

На своих плечах
Солдаты
Вынесли и ту беду...
Вот они —
Из сорок пятого —
Вновь сидят
Сегодня тут.

Впереди была дорога, —
Жизнь нелёгкая
Ждала,
Где у самого
Порога
Линия огня легла.

Май собрал их
Вместе снова.
Многих нет...
Уж старики
Те солдаты...
Жизнь сурово
Побелила им виски.

Сняв погоны
И пилотки,
Автомат сменив на плуг,
Затыкали
Горю глотку
Парни те,
За кругом круг.

Но взгляните —
Сколько света,
Сколько силы
В их сердцах...
И глядит на них
Победа
Со слезами
На глазах.

Снова
Трудовые марши

Через годы...

Из далёких времён
Обожжённого детства,
Через годы лишений,
Пустыми полями
Он приходит ко мне —
Никуда мне не деться —
Фронтовик молодой
Без ноги, с костылями.

Мы ещё поживём...
И гармошку растянет
Переборами лихо —
Заскребёт своей музыкой
Сердце моё...

Постоит, помолчит.
И потреплет мне вихор,
Скажет тихо:
— Ничто...

Столько лет уж прошло,
Как бои отгремели.
Но шагает ко мне
Тот безногий солдат,
Тыча в землю свои
Костыли неумело
Мимо скорбно притихших
Заборов и хат...

Мир помнит вас

Опять мы вместе,
Слава Богу, живы!
И с вами мир
Несказанно богат.
Вы мужеством
Награды заслужили,
Но память наша
Выше всех наград.

Пусть с каждым годом
Та война всё дальше.
И орденов тех больше
Пусть не льют,
Но ваших подвигов
Не смыть потоком фальши,
Что лжепророки
Миру выдают.

Они хотят
Уменьшить вашу славу,
Переписать
Историю войны.
Но то, что вам
Принадлежит по праву,
Нельзя отнять —
Оно судьба страны.

И щётно всё —
Мир помнит ваши лица
И день, когда
Фашистский пал рейхстаг
И над поверженною
Вражеской столицей
Взметнулся наш
Советский красный флаг.

Мир помнит вас,
Не веря лжепророкам.
Ведь ваша слава
Просто не пришла.
И если вдруг
Уйдёте вы до срока,
Останутся навек
Ваши дела.

И биографии, что
Писаны итыками,
Что закалялись,
Словно сталь в огне,
Когда солдатскими
Надёжными руками
Победу добывали
Вы стране.

Тост

Я эту чарку пью за вас,
Великой армии солдаты,
Кто от фашизма землю спас
В том, незабытом, сорок пятом.

Кто домны снова возводил
И восстанавливал заводы,
Кто трактора в степи водил,
Лелеял в заморозки всходы.

За вас, отважные сыны
Земли многострадальной нашей,
За мирный день моей страны,
За изобилье наших пашен,

За оптимизм ваш и за смех,
За ваш пример самоотдачи,
За всех солдат погибших, тех,
По ком земля поныне плачет.

За вас, достойные сыны,
Собой прикрывшие планету,
За то, чтоб не было войны,
Я поднимаю чарку эту!

Опять

Опять приснились	Ищу в углах
Танки мне,	Боезапас,
Опять — жестокие	И слышу, как
Атаки.	Стрельба грохочет.
И я опять	
Горю в огне	Лишь обессиливши
В своём стальном	Вконец,
Подбитом танке.	Я просыпаюсь
	С тяжкой болью
Они мне снятся	И вижу, как
В сотый раз.	Плетёт венец
Я вскакиваю	Заря,
Среди ночи,	Наполненная кровью.

А он упал...

Он первым встал,
Шагнувши из окопа,
И враз наткнулся
На чужой металл...
В атаку шла,
Блестя штыками, рота,
А он к земле чуть
Отдохнуть припал.

К нему сестра с бинтами
Наклонилась,
Увидела, как
Угасает взгляд,
Бинтуя грудь,
Невольно прослезилась:
— Держись, родимый...
Потерпи, солдат...

Снаряды были,
Обнажая душу,
И затянуло гарью
Небосвод.
А он припал к земле,
Как будто слушал,
Как рота
Прорывается вперёд...

**пос. Затобольск
Костанайского района
Костанайской области.**

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-4 за 2009 год)

11 сентября

Договорились обследоваться всей конторой в Центре народной медицины. Впервые узнал на практике, что такое УЗИ. А вся остальная диагностика — по радужной оболочке глаза... Да ещё был хиромант...

Нашли холецистит, простатит, какую-то подозрительную перегородку в жёлчном пузыре и кое-что ещё — по мелочи. А в общем, заверили, ничего страшного — вполне здоровый человек.

Рекомендовано голодать или хотя бы устраивать разного рода диеты — рисовые, творожные, да ещё воздержаться от питания. Но вот это (и первое, и второе) вряд ли осуществимо.

Погода окончательно взбесилась: уже около месяца, почти не переставая, идут дожди. Застопорилась уборка хлебов, может пропасть картошка. Ко всему прочему — ещё и холод собачий, боимся, как бы помидоры на даче не помёрзли. Зато — вот чудо — малина новая спеет.

В Таджикистане продолжается кровопролитие: воюют сторонники и противники президента Набиева. Сам он, будучи захваченным вооружённой оппозицией в аэропорту, подписал заявление об отставке, но схватки продолжаются. Непонятно, кто с кем и за что воюет, но зверства творятся ужасные: захват заложников, пытки (у людей отрезают уши и носы, выкалывают глаза, кастрируют, пытаются огнём). Бьются таджики с таджиками, а русские и другие “некоренные” оказались заложниками противостояния. Всё это просто не поддаётся здравому смыслу. Руководство России опять пальцем о палец не ударило, чтобы хоть чем-то помочь своим соотечественникам, оказавшимся в кровавой мясорубке. На произвол судьбы брошены армейские гарнизоны бывших советских (а теперь российских) вооружённых сил. Часто именно они оказываются в эпицентре схваток, пытаясь сохранить нейтралитет.

В Узбекистане потихоньку реабилитируют Шарафа Рашидова... В Ташкенте одну из центральных улиц — имени Ленина — переименовали в улицу Рашидова. Всё чаще в благожелательном тоне упоминается его имя, при этом никто почему-то не вспоминает, что Рашидов имел 11 орденов Ленина — больше, чем сам Леонид Ильич...

А в одном из сёл Алма-Атинской области недавно появилась улица Кунаева.

На днях президенты Н. Назарбаев и А. Акаев приняли участие в празднике, устроенном “Желтоксаном” в честь известных декабрьских событий 1986 года.

Оба оценили их как самый первый порыв демократии против политики тоталитарного центра. Оказывается, узнав о том, что происходило тогда в Алма-Ате, группа киргизской молодёжи тут же ринулась на помощь своим казахским братьям, но была остановлена милицией.

Явно спекулируют на тех трагических событиях, в которых много чего было намешано, нынешние национал-радикалы. А оба президента в угоду политической конъюнктуре им подыгрывают.

15 сентября

Людмила Ермолина ездила на семинар руководителей всех подразделений концерна “Павлодартрактор”, проходил который в пионерском лагере “Космические зори”. Организаторы, наверное, думали, что на природе легче будет договориться, как жить дальше. Ещё недавно, когда подразделениям давали самостоятельность, рассчитывали, что это поможет преодолеть многочисленные проблемы концерну в целом. Вышло же — с точностью до наоборот: каждый тянет одеяло на себя, а общее дело — выпуск и реализация тракторов продолжает валиться. Пытались продавать трактор по 350 тысяч рублей при себестоимости 420 и думали таким образом наладить сбыт, получить средства на будущее. Но трактор “не пошёл” и по этой цене, а поставщики комплектующих взвинчивают цену. Пришлось взять кредит — четыре миллиарда рублей, но и эти деньги кончатся, а ведь кредит надо будет возвращать.

Договорились, помимо прочего, наладить выпуск продукции массового спроса — кофеварок, мясорубок, миксеров, соковыжималок — электрических; причём электродвигатели для них будут изготавливаться на самом заводе.

Уж сколько их было — таких встреч, сколько принималось, казалось бы, разумных решений. А дела на заводе всё хуже и хуже.

Хотя валится всё не только у нас. В сегодняшнем “Торячем телетайпе” — информация о Волжском автозаводе (ВАЗе), который недодал с начала года 21 тысячу автомобилей. Причина та же, что и у нас, — нехватка комплектующих. И сегодня с конвейера уходят потребителям “Жигули”, на которых не хватает деталей.

17 сентября

Выступая на первом республиканском съезде Союза промышленников и предпринимателей, Н. А. Назарбаев сказал, что в Казахстане завершается подготовка программы углубления радикальной реформы, которая рассчитана на ближайшие три года. Новая хозяйственная система должна “обеспечить гарантии выживания жизнеспособных предприятий при приоритете финансового равновесия”.

Даём рецензию на документальную книгу С. П. Шевченко “Завод и время” — об истории завода “Октябрь”. Как говорит сам С. П.: “Впервые в жизни я писал, не оглядываясь на цензора...”.

19 сентября

“Малую” кругосветку совершил павлодарец Сергей Гладилин — член местного клуба юных моряков. Пройдя сложный отборочный конкурс (500 человек), Сергей в числе 15 его победителей отправился на паруснике “Седов” в четырёхмесячное плавание по Атлантике.

В регате участвовало 40 парусников, “Седов” занял второе место. Сергей побывал в Италии, Испании, Англии, США... Трое участников регаты из стран СНГ стали “невозвращенцами”, оставшись в Америке.

“А ты почему не остался?” — спросили на одной из встреч у Сергея. “Я обещал бабушке вернуться”, — последовал ответ.

Депутат облсовета И. И. Смелаш — водитель, один из наиболее непримиримых критиков власти, анализирует в опубликованной у нас статье первые итоги приватизации. О содержании материала можно судить уже по заголовку “Малая приватизация удалась. На очереди большая”.

И во многом Иван Иванович прав. Вот его аргументы: по разработанной для предприятий типа его автоколонны-2566 схеме приватизации ему, проработавшему здесь 20 лет, причитается безвозмездно купонов на 6900 рублей. Это стоимость одной покрышки для “КамАЗа”. Руководитель же предприятия, независимо от стажа работы, получает впятеро большее число купонов. А как же равные стартовые условия, спрашивает И. И. Смелаш и продолжает разбирать по косточкам явно негодную схему приватизации.

20 сентября

Ездили всем семейством в Железинку копать картошку — у нас там есть своя делянка. С погодой в первый день не повезло: с утра зарядил дождь, и мы, бросив работу, отправились в лес. Грибов оказалось — море. Сперва набрали свиных, а, отъехав подальше, напали на подберёзовики, белянки и даже сырые грузди. И что удивительно, находили их большей частью не в самом лесу, а на полянках, опушках. С подберёзовиками, впрочем, это вообще-то случается, а вот сырые грузди мне на открытых местах рвать не приходилось. Видно, этой осенью грибам в лесу не хватало тепла, вот они и стали выбираться на полянки и опушки.

Набрали впятером почти два мешка, мать потом выговаривала: “Ну куда столько припёрли, мне ведь с ними не управиться!”. Это точно — хлопот мы ей с грибами доставили...

Ещё одна из причуд этой осени — в железинской степи всюду цветут подснежники, нынешняя погода и цветы сумела обмануть.

А мы, кстати, в тот день всё же докопали свою картошку (погода потом установилась), а на следующий день помогали Лихановым. Вот уж у кого урожай уродился! Вывернешь иной куст — и сразу чуть ли не полведра картошки. Нарыли с 15 соток почти 60 мешков. Чтобы перевезти их все, пришлось нам с Николаем на его “Диагностике” делать три рейса. Потом ещё спускали картошку в погреб. Я чуть было не отключился к ночи, когда мы, наконец, всё сделали. И всё же мне по душе эта тяжёлая крестьянская работа.

Газет начитался — будто дерьма наелся. В Таджикистане по-прежнему воюют (на юге). Насколько я понял из “Известий”, сторонники создания здесь исламской республики — со всеми остальными таджиками. А русские и иные “русскоязычные” — в заложниках этой жестокой, бессмысленной бойни, потому что выбраться из мест боевых действий им очень трудно. Люди в лучшем случае продают за бесценок, а в худшем — бросают самое дорогое, что у них есть, — жильё и бегут в Россию. Вещи при этом вывезти тоже проблематично — за пятитонный контейнер требуют 30 тысяч рублей, а очередь на них — на месяцы вперёд.

Журналисты “Известий” ехали на армейском “УАЗе” под российским флагом, рассчитывая на него, как на гарантию безопасности. Боевики остановили машину, сняли с водителя ботинки, унижали журналистов, грозили... На опубликованных газетой снимках — гора трупов. Кто эти люди, за что убиты и сколько ещё будет убито...

И пока на юге Таджикистана идёт настоящая война, в Душанбе пышно празднуют годовщину Дня независимости — с торжественным заседанием, народными гуляниями. Ну чем не театр абсурда?

“Комсомолка” дала материал, составленный в форме заявления. Автор, наполовину русский, наполовину украинец, житель Таджикистана, именующий себя русскоязычным, обращается к президентам России и Украины: зачем вы делите Черноморский флот, разделите лучше меня, а Душанбе пусть создаст мне такие условия жизни, чтобы я никогда не захотел отсюда уехать...

Как только не унижают в получивших суверенитет бывших братских республиках всех “некоренных”, большинство из которых составляют русские и украинцы! В Эстонии, например, лишили избирательного права всех, кто приехал в эту республику после 1940 года. А это без малого 40 процентов населения.

Автор материала в “Комсомолке” предлагает: россияне, избиратели, выразите свою волю по поводу подобного отношения к вашим соотечественникам, иначе сами скоро станете в своём доме людьми второго сорта.

Н. А. Назарбаев предложил сформировать что-то вроде конфедеративного правительства на уровне СНГ. Идея хорошая, ведь даже в России нарастает разочарование потерей общей “большой родины”. Но вряд ли другие республики откликнутся. Тот же Кравчук стал заложником сверхидеи “незалежности” Украины. Политика России сегодня непредсказуема, хотя именно она должна более всего быть заинтересована в защите прав своих соотечественников, вдруг оказавшихся за рубежом. Разве что Белоруссия и Киргизия согласятся.

Б. Н. Ельцин издал указ о двойном повышении цен на энергоносители. Бензин теперь стоит в Москве по 12-15 рублей за литр, но очередей на заправках не убавляется.

Надо полагать, скоро и у нас объявят о повышении цен.

Н. А. Назарбаев своим указом назначил Шерхана Муртазу председателем республиканской телерадиокомпании. Это — уступка столичным национал-радикалам, для которых прежний председатель Гадильбек Шалахметов — как бы не совсем казах (он, кажется, астраханский), не знает в совершенстве государственного языка и т. д. Скорее всего, с приходом Муртазы усилятся национальная линия на республиканском ТВ.

Г. Шалахметов между тем хорошо известен в журналистских кругах, он был первым пресс-секретарём Н. А. Назарбаева и немало сделал для формирования его, как теперь принято говорить, позитивного имиджа как в Казахстане, так и за его пределами. В кресло пресс-секретаря он вряд вернётся, но, наверное, подыщут что-нибудь достойное.

Любопытно, что С. П. Шевченко, давно знавший Г. Шалахметова, считает его, мягко говоря, национал-патриотом ещё с советских времён. Но для нынешних национал-демократов и он оказывается не вполне хорош, не слишком радикален...

Материал в “Известиях” о встрече с писателем Эдуардом Лимоновым в студии “Останкино”. Материал грязный, пошлый, подленький. Я, к сожалению, ещё не читал Лимонова (нет у нас пока его книг), но я видел ту передачу, и она мне понравилась, как и сам писатель. Я видел, как его принимал зал — все те, кто пришёл на встречу.

Журналист тщится доказать, какая ничтожная, разуверившаяся во всём личность — Лимонов. Но на встрече он, напротив, выглядел человеком сильным, уверенным в себе, искренним — может быть, даже чересчур. Да, жизнь его

била и ломала, но не сломила. Что из того, что иногда он хочет выглядеть таким суперменом — кто из нас не без греха?

Мне кажется, тут налицо явный “социальный заказ”. Тем обиднее за газету, которую я люблю и очень ценю за профессионализм.

На днях у нас в редакции были с проверкой из КРУ (ревизионного управления). Ревизоров интересовало — за что нам дал миллион “Кереку Банк”, чьим соучредителем газета только что стала. У меня на столе как раз лежал договор с банком — на оказание ему газетой рекламных услуг, на миллион рублей. Но мы договорились: он денег нам не платит, а засчитает их в счёт нашего вноса в уставный фонд. Не знаю, есть ли тут нарушения, но проверяемые, похоже, были разочарованы, не найдя никакого криминала.

Наши власти всё же явно хотят если не придушить этот набирающий обороты банк, то основательно затормозить его работу.

22 сентября

В пять раз повышены цены на хлеб, пшено и крупу. Теперь хлеб разных сортов и веса будет стоить от 6 до 14 рублей. Но это — не свободные, а фиксированные цены, которые ниже себестоимости. Разницу в ценах погашает государство, которая только в четвёртом квартале составляет 7,3 миллиарда рублей.

Зашёл Олег Александров, которого я недавно назначил заведующим рекламно-коммерческим отделом. Принёс на подпись очередной договор на рекламу и, как бы между прочим, заметил: ему только что предлагали 25 тысяч рублей — наличными. “За что?” — спросил я. “За то, чтобы я наполовину скостил им стоимость рекламы...”. — “И что ты им сказал?”. — “Сумма, сказал, хорошая, но всё же платите в кассу...”.

Ну что ж, дай ему, Бог, такой устойчивости и дальше, ведь предлагали Олегу почти полугодовой оклад...

Сегодня хоронили Вахапа Бековича Сыздыкова. В разные годы он работал председателем колхоза и райисполкома, первым секретарём райкома партии. Мне пришлось с ним не раз встречаться, когда он был первым секретарём Майского райкома партии и совершил там настоящую революцию в полеводстве. Большую часть земель с его приходом здесь стали отдавать под просо, просяное поле сделало именным, звеньевых-просоводов утверждали на бюро райкома партии... Отработали технологию выращивания.

Майский район, который никогда не считался хлебным, стал давать до 40 процентов общеобластных сборов проса. Ничего подобного не было ни до Сыздыкова, ни после него.

Задумав книгу о просе и гречихе, я не раз дотошно расспрашивал Вахапа Бековича — откуда у него самого пристрастие к этой крупяной культуре? И он рассказывал мне о своём полугодовалом детстве, когда приготовленное по старинным казахским канонам просо, превращённое в пшено, то заменяло хлеб, то становилось изысканным лакомством. Он считал, что практически полупустынная здешняя земля более всего приспособлена для проса. И сумел доказать это на деле.

Сыздыков был уже на пенсии, но ещё работал в охотинспекции, когда я предложил ему вместе съездить в Майский район, где вновь уродился хороший урожай проса. Мне хотелось, чтобы он стал моим гидом и прямо в поле объяснил мне — что, как и почему... Сначала он отнекивался: оказывается, не принято у бывших первых секретарей райкомов после ухода с должности без крайней нужды посещать свою бывшую вотчину.

Но я смог его уговорить, и мы поехали. И почти целый день мотались по полям. Я видел, как преображался он сам, как принимали люди своего бывшего партийного секретаря (а он был тут в своё время и царь, и бог). Он радовался, как ребёнок, видя, что дело его рук и годы спустя даёт свои плоды.

День, разумеется, закончился бешбармаком и хорошей выпивкой, по части которой он, фронтовик, оказался крепче меня.

Мы встречались и после, он живо интересовался местными новостями и не раз приглашал меня в гости, когда я подарил ему свою книгу “Крупяной клин”, одним из героев которой он был. Я не пошёл — просто постеснялся и теперь очень об этом жалею.

Вахап Бекович был, конечно, человеком авторитарного склада, человеком своего времени, но при всём при том — личностью. Когда он понял, что болен не просто серьёзно, а неизлечимо, с близкими людьми отправился в аул, где родился и рос, указал место, где хотел быть похороненным.

Я ходил на церемонию прощания, где собралась вся областная номенклатура; приехали делегации из районов, в которых он работал. Вереница машин, сопровождавшая катафалк с его телом, растянулась на несколько километров.

Мы не так часто встречались с Сыздыковым, я никогда не входил в круг близких ему людей и не могу сказать, чтобы меня сильно к нему тянуло... И вдруг я остро почувствовал, как мне его не будет хватать...

Неожиданно пришли ещё два вагона с бумагой (мы не заказывали). “Полиграфия” наша отказалась их брать, а я сразу чуть не сделал то же самое. И нам, и им негде хранить эту бумагу. Теперь договариваемся положить эти 80 тонн на складах картонно-рубероидного и химического заводов. И если бы не делиться с соседями (“Сарыарка Самалы”), то бумаги нам теперь хватило бы на полгода.

23 сентября

Сегодня срочно вызвали на заседание областной ономастической комиссии. Обсуждали один срочный вопрос — о переименовании города Ермака. Оказывается, республиканская ономастическая комиссия не стала даже рассматривать предложенные Ермаковским горсоветом варианты — Потанин и Аксу. Мотив: предложение не согласуется с общей ономастической концепцией, один из пунктов которой не рекомендует присваивать городам и посёлкам имена собственных. А раз так, что тут думать: если Потанин нельзя, пусть будет Аксу. Тут же нашлись дополнительные аргументы: название не идеологизировано и не политизировано, да к тому же район уже именуется Аксуским.

Вот и всё! И никаких проблем. Как будто не было двух бурных сессий горсоветов, столкновения мнений, борьбы... Надо полагать, теперь решение не заставит долго себя ждать, и в Казахстане, где уже есть, наверное, с десяток Аксу, ещё одним Аксу станет больше...

А. М. Ажибаева по секрету сообщила, что “идёт на телевидение”, то есть собирается возглавить областное радио и ТВ. Просила поддержать её в журналистской, особенно в телевизионной, среде.

Вообще для телевидения Ажибаева — не худший вариант, хотя, думаю, ей самой нелегко будет управляться с телевизионной братией.

Выросли цены на хлеб: булка теперь стоит десять рублей, батон — девять. В связи с этим выдали всем сотрудникам материальную помощь — по тысяче рублей. С первого октября поднимаем гонорар — до пяти тысяч рублей за номер.

Купили Даньке ботинки (с рук, на улице) — за 3,5 тысячи рублей. Видел в коммерческом магазине плащ из натуральной кожи (Турция) — 70 тысяч рублей. А однокомнатная квартира стоит 150-200 тысяч.

24 сентября

Целый день дождь. Опять остановилась уборка... Она идёт в этом году урывками, от случая к случаю, в просветах между дождями.

Ездили сегодня с Володей Бугаевым в Ермак, на завод ферросплавов — выколачивать валюту на японскую фотоаппаратуру для конторы. Поездка оказалась в некотором отношении необычной. Но — обо всём по порядку.

Содействовать нам с Бугаевым в нашем “коммерческом предприятии” взялся замдиректора завода по коммерции Ю. Мухин — личность в высшей степени своеобразная. Его хобби — статьи на всевозможные “горячие” темы. Мы только сегодня опубликовали его статью о том, как можно реорганизовать медицину, приспособив её для потребностей дня. А кроме того, он публиковался (и не раз) в “Правде”, “Огоньке”, “Советской России”... Теперь печатает материалы в заклеимённой демократической прессой за мракобесие патриотической газете “День”.

Мухин — единственный из руководителей, кто публично выступил против сноса памятника Ермаку, опубликовав по этому поводу статью в заводской многотиражке. Действия городских властей назвал преступными. Те подали на Мухина в суд, который признал его виновным и обязал также публично извиниться перед ними. Он извинился, но так, что показал всю убогость суда и судебного решения.

Мухин, похоже, был уже не рад, что связался с нами, но старался держать марку. Стоимость “благотворительной акции” — примерно 13 тысяч долларов (цена двух хороших фотоаппаратов), или почти три миллиона рублей. Последнее слово — за директором завода С. А. Донским, который сразу не смог нас принять — попросил подождать.

Ждём, общаемся... Мухин между делом сообщает, что в ближайшие субботу-воскресенье в Ермаке состоится что-то вроде республиканского съезда славян. Организаторы зафрахтовали для этих целей заводской дом отдыха (на эти два дня), и у Мухина есть идея выступить перед участниками большого славянского сбора со своими соображениями — как можно урегулировать нынешние проблемы в республике — все разом.

— Так уж все? — усомнился я.

— А вы послушайте, — невозмутимо отвечал он.

Передаю суть фантазмагорических мухинских идей...

На первом этапе, считает он, надо сделать Россию и Казахстан единым государством. Но поскольку найдётся немало тех, кто станет противиться этому, прежде надо принять закон об уголовной ответственности Верховного Совета Казахстана за его деяния. Один из способов добиться этого — организовать волну общественного давления, сбор подписей и т. д. И когда такой закон будет принят (а парламентарии могут настоять на принятии аналогичного закона по отношению к президенту), всё очень быстро станет на свои места.

— Каким образом? — едва ли не хором спрашиваем с Бугаевым.

— Всё очень просто: на очередных выборах в парламент избиратели дают оценку работе предыдущего: заслуживает она одобрения или, наоборот, порицания. В первом случае народные избранники получают всевозможные блага и поощрения — ордена, квартиры в столице, пожизненное содержание... А во втором — всем составом отправиться в тюрьму.

— А критерии, кто определит их?

— Критерий — один: лучше стало жить или хуже в стране за время работы данного Верховного Совета. Уж в чём-в чём, а в этом люди точно разберутся. И

вот если у каждого депутата будет висеть такой топор над головой, он трижды подумает, прежде чем принять то или иное решение. А в данном конкретном случае депутаты Верховных Советов России и Казахстана примут решение об их объединении, ибо совершенно очевидно — нынешнее разъединение только ухудшило жизнь большинства людей.

Мухин считает свою идею ненациональной и сверхэффективной.

— Кто же захочет пойти в депутаты, имея в виду реальную перспективу через пять лет оказаться в тюрьме? — сказал я.

А Мухин в ответ заметил: они с Донским на своих постах могут в любой момент “загнать” минимум по пяти статьям Уголовного кодекса (такое у нас законодательство), и ничего — работают. И в таком положении большинство хозйственников.

Я весьма критически отозвался о его затее, хотя, по правде говоря, идея объединения Казахстана и России и мне самому греет душу... Мухин со злостью (накипело!) заговорил о том, что либерализм и слунтяйство Горбачёва и народных депутатов СССР привели к Карабаху, кровавым конфликтам в Абхазии, Приднестровье, в которых погибли тысячи людей; сотни тысяч стали беженцами. А если бы вовремя расстреляли десяток-другой тех, кто сеет смуту (они потом, как правило, оказываются ни при чём), то не было бы тысяч других жертв, и Советский Союз, глядишь, бы сохранили...

Уж слишком всё по Мухину просто получается... Но проблема-то существует. И что лучше — уговаривать и ждать, что “само рассосётся”, или применять силу? Так ведь и применили в горбачёвские времена: в Тбилиси, в Вильнюсе... И всё получалось не по-мухински, а наоборот.

Так мы дискутировали довольно долго — минут 40. За это время Мухин несколько раз говорил по внутреннему телефону с Донским, а тот о нас будто забыл. Я собрался уже встать и уйти, даже фразу подготовил: “Спасибо за содержательную беседу и передайте Семёну Ароновичу: больше мы его по этому делу не обеспокоим...”. И тут он позвонил сам.

Пошли все трое, Донского застали возбуждённо-взъерошенным. Он стал извиняться и объяснять, что произошло. Всё это время он вёл бесконечные переговоры то с городскими властями. Оказывались, организаторы собрания славян обязаны были получить согласие на своё мероприятие республиканского масштаба в администрации Ермака, но не сделали этого. Поэтому их съезд или конференция незаконны. А Донскому сказали, что он может быть привлечён к ответственности — как соучастник беззакония. Тем более, что, как стало известно из компетентных источников, на этой встрече предполагается принять резолюцию об отделении северных областей от Казахстана. (Не думаю, что организаторы славянского сбора такие идиоты, чтобы пойти на это, скорее всего, Донского просто запугивали, подталкивая к “более решительным действиям”).

Ко всему прочему через несколько дней в Алма-Ате открывается всемирный курултай казахов, и, получается, славяне собрались в Ермаке им в пику...

Донской показал мне официальное предостережение главы горадминистрации В. И. Шокарева, в котором тот предупреждает его о личной ответственности (с указанием соответствующей статьи закона) за последствия “несанкционированного съезда”.

Тут как ни поступи — всё равно будет плохо. И Донской дал указание — никого не селить. Теперь тоже предстоит скандал — только уже другого рода... Что тоже может подтолкнуть участников сбора к импульсивным действиям.

Чем мы могли в этой ситуации помочь Донскому? Да ничем... Скороговоркой выпалили с Мухиным наши намерения насчёт фотоаппаратов... Мухин стал что-то говорить насчёт того, чтобы оформить их в аренду “ЗП”.

— Сколько? — спросил Донской.

— 13 тысяч долларов, — сказали мы с Мухиным разом.

И Донской махнул рукой:

— Оформляйте!

Я, готовившийся к долгому и нудному разговору, был обескуражен. Донской это заметил и грустно улыбнулся:

— Вот если бы так же быстро решали мою сегодняшнюю проблему — как я вашу...

И мы попрощались. Какую бы я сделал глупость, обидевшись на Донского и уйдя, не дождавшись этой встречи...

Почти сенсация! В Павлодаре впервые приземлился самолёт “Боинг-727”. Самолёт — частный, на нём прилетел по приглашению главы обладминистрации израильский миллионер Айзенберг.

Его представители уже были в области и прорабатывали идею создания совместного предприятия по налаживанию у нас капельного орошения. Кажется, он также намерен вложить деньги в строительство второй установки по переработке нефти на нашем НПЗ.

Побывавшие в аэропорту Володя Бугаев и Людмила Ермолина рассказывают: в самолёте, на котором прилетел Айзенберг, установлена кровать, есть душ, а трап обслуга мыла с шампунем...

Добавление из 2007 года.

Несколько лет спустя после визита Айзенберга тогдашний аким Аксуского района Куат Есемханов рассказывал мне, как израильского миллионера знакомили с канонами казахского гостеприимства.

Сперва, как водится, подали куырдак, а вскоре за ним — большое блюдо с бешбармаком.

— Неужели мы всё это съедим, — поразился уже слегка посоловевший от сытости миллионер.

— Съедим-съедим, — успокоил именитого соотечественника сопровождавший его сотрудник израильского посольства, уже знакомый с традициями казахского гостеприимства.

Говорят, после Айзенберг чаще всего вспоминал именно этот экзотический момент своего путешествия в Казахстан.

Опять повышены цены на авиабилеты и отменены сезонные льготы (когда можно было летать за полцены) для студентов и школьников.

Помню, я летал студентом из Павлодара в Алма-Ату сначала за 10, а потом за 12 рублей, что было совсем необременительно даже для человека с очень скромными доходами.

Бастуют не только наши, но и американские учителя. Учителя средних школ Детройта, сообщает наш сегодняшний “Горячий телетайп”, бастовали почти месяц, требуя повышения зарплат. Попробовали бы они пожить на зарплату наших учителей!

Малообеспеченным пенсионерам устанавливается “хлебная” надбавка — 500 рублей, которая должна компенсировать повышение цен на хлеб. На эти деньги можно купить примерно 50 буханок хлеба.

Для того, чтобы решить, кому положена надбавка, будут подняты все пенсионные дела. Эта работа не на один день и даже не на один месяц.

Прикинули дома с матерью и пришли к выводу, что ей “хлебная” надбавка не светит.

27 сентября

Воскресенье. С утра шёл дождь, а к обеду ветер разогнал тучи, выглянуло солнце. И хоть было холодно и ветрено, решили съездить на дачу. Здесь нас ожидал сюрприз: у нас опять побывали незваные гости. Залезли, как и в прошлый раз, в домик через окно, перевернули всё вверх дном, утащили ножик, две ножовки, плоскогубцы, несколько гаечных ключей, разбили заварной чайник.

Было ощущение шока, и не потому, что мы лишились уж очень многого; просто, когда уезжали вчера вечером, всё было в порядке — и вдруг такое...

Даже работать потом не хотелось.

Вчера утром два подростка-восьмиклассника принесли нам домой газету, нашу. Они из молодёжной биржи, обходят квартиры и продают “ЗП”. Стал их расспрашивать. Берут они по 100 экземпляров и примерно за три-четыре часа распродают. С каждого экземпляра имеют по рублю. Итого — сотня меньше чем за полдня. Вроде и небольшие деньги, зато не надо кланяться на карманные расходы у родителей.

И вот что поражает: эти хлопцы, оказывается, куда расторопней целой могучей отрасли. Я имею в виду почту, вернее, её подразделение “Союзпечать”, потому что вчера с утра в её киосках “ЗП” опять не было. Или типография вовремя не отпечатала розничный тираж, или почтовики задержали развозку газеты по киоскам. Уже сколько раз скандалил с ними по этому поводу, а результат — нулевой. И завтра снова будут валить друг на друга.

Всё же монополия развращает, превращая даже такую, казалось бы, мобильную, хорошо оснащённую отрасль, как почта, в нечто аморфно-неразворотливое.

Хоть неохота, а надо вернуться к сессии облсовета, которая прошла в прошедшую пятницу. Как и следовало ожидать, опять бузили “независимые”. Эта группа депутатов выступила с заявлением: сессия не подготовлена, ещё никогда депутаты не получали так поздно материалы к ней (в этот раз — буквально накануне); сессия должна строго предупредить председателя облсовета Исаева и его зама Даржуманова, проявивших такое неуважение к депутатам.

Далее “независимые” настаивали на том, чтобы вновь вернуться к обсуждению проекта Конституции, поскольку на прошлой сессии никакого конкретного решения по предлагаемым поправкам принято не было. Кроме того, они требовали исчерпывающих ответов на их прежний запрос — о легковых “Вольво”, которыми пользуются высшие чины облминистрации; о злоупотреблениях ряда областных начальников и т. д. А если эти требования не будут приняты, они покинут сессию.

Б. В. Исаев зачитал обращение и в присущей ему манере — пространно и витиевато — прокомментировал его. Мол, опять хотят обратить на себя внимание, всё время быть на виду, а как только дело доходит до настоящей работы, тут же ложатся в дрейф... Хотят рассорить его с главой облминистрации, распространяют слухи об уходе Жабагина...

Тон Б. В. взял явно неверный, и его “решительный отлуп” “независимым” лишь подлил масла в огонь. Конечно, последние тоже хороши — бузят часто не по делу, готовы спорить до хрипоты, но не хотят заниматься текучкой — рутинной повседневной работой. На этой сессии их можно было удержать, во всяком случае, до её начала они не были столь уж монолитны, и часть намеревалась остаться, даже если их заявление не будет удовлетворено. А после исаевского

“отлупа” ушли не только Юдин, Воложанин, Гартвих, но и — в знак протеста — Сماعيل, задетый тоном председателя Совета.

После чего сессия протекала уже без особых волнений.

Самым сильным на ней стало, пожалуй, выступление председателя облсовета ветеранов Ю. В. Панова. Слушали его с напряжённым вниманием. “Поддал” Исаеву — это от него идёт мнение о том, будто Советы теперь ничего не могут — всё решает администрация. Критиковал Жабагина — тот не пришёл на ветеранский пленум. Напомнил присутствующим: даже в 1934 году, когда он учился в начальной школе, в деревне находили возможность кормить учеников бесплатным завтраком, а сегодняшние власти разводят руками — нет денег.

Прилично выступил сам А. А. Жабагин. Умеет держаться перед аудиторией, убедительно говорил о стратегии и тактике действий обладминистрации.

1 октября

Из выступления на сессии областного совета главы обладминистрации А. А. Жабагина:

— Инфляция выражается астрономической цифрой в 2,5 тысячи процентов... Вопрос безудержного роста цен не может быть решён в одной стране — это общая проблема стран, входящих в рублёвую зону... Отсутствие паритета цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства поставило совхозы и колхозы на грань банкротства... Правительство озабочено сегодня установлением единой цены на хлеб в Казахстане. Если её сделать минимальной, то только в нашей области для дотирования её потребуется пять миллиардов рублей при том, что общие налоговые сборы составляют девять миллиардов...

На этой же сессии прозвучали цифры: производство мяса с начала года упало в области на четверть, молока — на 17 процентов, а за два года, соответственно, на 35 и 30 процентов.

И всё же голод нам не грозит: в этом году в Казахстане собрано (в бункерном весе) 25 миллионов тонн зерна — гораздо больше, чем нам требуется на прокорм и на семена.

3 октября

В Алма-Ате идёт всемирный курултай казахов. Из речи на нём президента Н. А. Назарбаева:

— Страшный мор, обрушившийся в 1932-1933 годах на казахстанскую степь, унёс 2,2 миллиона жизней из шести миллионов казахов. И этот скорбный факт — несмываемый позор большевизма...

— Непросто, пожалуй, сыскать народ на свете, каждый третий представитель которого проживал бы за пределами своей исторической родины. В настоящее время в более чем сорока странах мира обитают около трёх с половиной миллионов казахов.

— В связи с распадом Советского Союза мы всех казахов, проживающих ныне в республиках СНГ, считаем своими соотечественниками. В странах, называемых ныне “ближним зарубежьем”, по данным переписи 1989 года, проживает свыше одного миллиона 600 тысяч казахов.

Говорим, что плохо живём. А в ресторане “Сарыарка” — очередь на свадебные торжества, где средний банкет обходится примерно в 80 тысяч рублей.

Выполняем поручение главы обладминистрации — публикуем большой материал о пользе железных дверей в квартирах и о том, что ждёт тех, у кого их ещё нет. У нас дома, к сожалению, нет такой двери тоже...

Приезжал брат Петька в гости. Рассказывал о нравах, царящих в его университете. Ректор — царь и бог, против него никто и пикнуть не посмеет. Процветают угодничество, поборы. Брат пока вроде бы держится, но сколько же можно быть белой вороной, хватит ли ему терпения и воли остаться самим собой?

На первое октября набрали 11,5 тысяч подписчиков — пятую часть нынешней подписки и примерно пятую часть всех выписанных в области изданий. Последнее отчасти греет душу, но чему радоваться? Надо бить тревогу, а желания нет: сегодня — чем тираж больше, тем экономически хуже. И при этом надо понимать: потерянного сегодня подписчика завтра вряд ли вернёшь.

Хорошо ещё, что бумагой запаслись почти на полгода — какая-никакая гарантия устойчивости.

Два наших журналиста ведут переговоры с двумя крупными предприятиями — об оказании газете спонсорской помощи в 500 и 250 тысяч рублей (плюс материалы о них регулярно давать будем). Радоваться опять же надо — денег всё время не хватает, а у меня голова болит: сколько же этим двум сотрудникам от перечисленных сумм заплатить?

Собираюсь в Алма-Ату на международную конференцию под мудрёным названием “Поддержка развития плюралистических и независимых СМИ в Азии”. Беру с собой семь тысяч рублей и всё опасаясь: хватит ли на пятидневное прожитьё и скромные гостинцы домочадцам?

На днях ходили с Данькой за луком. Купили на зиму мешок — 40 килограммов, заплатили 840 рублей. Лук — сырой, грязный... Нам ещё повезло — сами набирали в подсобке, и хоть перемазались, как черти, “товар” принесли более-менее кондиционный.

В Конституционном суде России рассматривается “дело КПСС”. И вот — новый виток: в качестве свидетеля в суд приглашён М. С. Горбачёв. В ответ он распространил письмо в прессе: этот процесс не правовой, а политический, а посему бывший генсек и экс-президент не явится на суд ни при каких обстоятельствах; а если даже его приведут в наручниках — не произнесёт ни слова.

С виду — позиция, а по сути — пшик: разве так должен вести себя человек, известный всему миру и совсем недавно провозгласивший строительство правового государства? Наоборот, пойдёшь и скажи всё, что ты думаешь об этом суде, и тебя услышит весь мир.

Кстати сказать, бывший глава правительства СССР Н. И. Рыжков в суд пришёл и шесть часов отвечал на вопросы.

А М. С. Горбачёв провёл пресс-конференцию, где резко критиковал экономику и политику Ельцина-Гайдара, назвав её “волчеризацией” (в пику так называемой ваучеризации — идеи российских властей наделить всех взрослых граждан приватизационными инвестиционными чеками — ваучерами).

В России сохранены все праздничные дни, включая 7 ноября, которое демократы уже давно окрестили “Октябрьским переворотом”, величайшим преступлением. Исключён лишь день Конституции (прежний), зато добавлен новый праздничный день — Рождества Христова, хотя Россия — многоконфессиональная страна.

В “Казправде” — жёсткий ответ известному журналисту Ю. Кириницианову. Его статья в этой газете по языковым проблемам называлась “Опомнитесь,

господин профессор!” и показалась мне вполне убедительной. В ней критиковались неуёмные амбиции казахских национал-радикалов, требующих ужесточения языковой политики в Казахстане. Отвечает Ю. Кириницианову замминистра печати С. Куттыкадам — под заголовком “Опомнитесь, господин собкор!”. Изысканным слогом, выпренье, переворачивая всё с ног на голову... Сочувствую и “казправдинцам”: наверное, никакая другая газета в Казахстане не испытывает такого давления национал-патриотов-радикалов, как она. И тем не менее держится, тут надо отдать должное её нынешнему редактору В. Срыбных.

Пашка удивляет нас почти каждый день. У Николая Лиханова день рождения. Поздравляя его, он заявляет: у меня теперь два папы: один — в Павлодаре, а ты в Железинке... Вот как он любит Николая.

Ещё Пашка испытывает большую любовь к иномаркам. Вот нас обгоняет “Вольво”, и тут же следует вывод: папа, а эта машина лучше, чем твоя “Волга” (имеется в виду редакционная).

— Почему?

— На твоей на работу ездят, в командировки... А на этой — отдыхать на природу.

Красивая машина, по Пашкиному разумению, не для работы, а для красивой жизни. И, наверное, не так уж он не прав...

Закрытие дачного сезона по традиции отмечали на даче, по-семейному, шашлыком.

6 октября

Наш Булат Ахметов передаёт с Всемирного курултая казахов: в Алма-Атинской области устроен той для 3000 гостей; установлено более ста юрт, на бешбармак забито 360 лошадей.

М. С. Горбачёв обратился к российским СМИ с просьбой помочь ему обнародовать документы министерств безопасности и иностранных дел, запретивших выезд экс-президенту СССР за рубеж на основании решения Конституционного суда, куда он не явился на процесс против КПСС.

8 октября

Наша область — на последнем месте в республике по темпам уборки урожая. Как всегда, мешает погода. Хотя в этом году — действительно мешает.

Слава Лесовский исполнил мою мечту — спустился в одну из шахт “Майкаинзолото”, на глубину более 300 метров, где добывают золотосодержащую руду. Но никакого настоящего золота в Майкаине не увидишь — руду отправляют отсюда на дальнейшую переработку.

Хорошо написал Лесовский о Майкаине — без всякой рисовки, по-деловому, но интересно: никакой романтики там нет — один сплошной тяжёлый труд, за который, кстати, не так уж много платят.

11 октября

Н. А. Назарбаев впервые принял участие в заседании ООН и выступил на нём с речью.

А президент США Д. Буш подписал мораторий на ядерные испытания (на девять месяцев). Ещё раньше такие моратории ввели Россия и Франция, а Казахстан полностью отказался от ядерных взрывов.

Трогательные миниатюры С. П. Шевченко, посвящённые маленькой внучке. Те же мои “блёстки” — только тематические.

13 октября

Ирина Лисовская написала материал о поляке Теофиле Микульском из Броцлава, полвека назад высланном в нашу область в числе 12 тысяч поляков. Он выпустил книгу о своих соотечественниках, побывавших у нас в ссылке в 1940–1946 годах. Большинство потом уехали, но многие тут умерли, и вот теперь он занят поиском могил этих людей... Жена провожала его в дальний путь со слезами и даже сухарей насушила. И теперь он колесит по области. Лучше всего могилы поляков сохранились в Майкаине, на некоторых можно прочитать надписи.

Эфиопские предприниматели призывают правительство не платить России почти девять миллиардов долларов — долг за военные поставки СССР режиму свергнутого Менгисту Хайле Мариаму. И правильно: чего теперь церемониться с Россией, тем более что она отвергла внешнеполитический курс бывшего СССР и налаживает с зарубежными странами отношения на новой, демократической основе.

Наша Марина Юрченко настолько прониклась судьбами инвалидов-колясочников, совершающих супермарафон в инвалидных колясках по маршруту Владивосток — Санкт-Петербург, что чуть было не уехала с ними в Новосибирск. Убедил её, что нельзя умирать рядом с каждым своим героем, но, кажется, не убедил.

14 октября

Ездил в Алма-Ату на международный семинар с мудрёным названием “Содействие развитию независимых и плюралистических средств массовой информации в Азии”. Его организовали ООН и ЮНЕСКО при поддержке правительства Казахстана.

Впервые попал на мероприятие подобного рода — временами ритуальное, временами скучноватое, но в целом познавательное, а, стало быть, полезное. Сначала было некоторое разочарование: тут не знаешь — как концы с концами свести, а они ведут неспешные разговоры, часто философского свойства. Потом подумал: нельзя столь утилитарно, по-советски, относиться к вещам подобного рода, ведь делается попытка системного решения проблемы — освобождения прессы (не только бывшей советской) от всевозможного гнёта, вырабатываются подходы к этому процессу на десятилетия... Нам же подавай всё и сразу, немедленно — доллары, оборудование, свободу.

Многие из моих братьев-редакторов, побыв на открытии семинара, больше на нём так и не появились. Я же упорно ходил, все пять дней... Написал громадный отчёт, потому что мало самому стать сторонником свободы прессы, надо ещё убедить в этом других: представителей власти, политиков, наших читателей. Всем нам нужна хорошая прочистка мозгов.

Удивлялся тому, что все азиаты — участники семинара — от японцев и корейцев до непальцев и новозеландцев — вовсю шпарят по-английски, запросто общаясь друг с другом. Мы же в этой компании — как белые вороны.

На семинаре был распространён обширный доклад, в котором СМИ Азии разделены на три категории: к первой отнесена динамичная независимая пресса Японии, ко второй — частично контролируемая властями пресса Сингапура, Малайзии и Шри-Ланки, к третьей — пресса, находящаяся под контролем правящих режимов в Пакистане, Бангладеш, Северной Корее... О нас, бывших среднеазиатских республиках, в этом докладе не было сказано ничего. Наверное, потому, что они о нас просто ничего не знают — ни о существующей в том же Казахстане структуре прессы, ни о системе её финансирования, ни о том, кем и как она управляется.

Ровное течение заседаний нарушалось тогда, когда на трибуне оказывались представители так называемых альтернативных СМИ — шеф-редактор независимой газеты “Бирлесу” Н. Савицкая, председатель акционерного общества “Караван” Б. Пиллер, издающий популярную в Казахстане газету-еженедельник с одноимённым названием, директор независимого “Радио Максимум” С. Дуванов, редактор газеты “Социал-демократ” А. Свиридов. Вот они предъявили суровый счёт нашему правительству, правоохранительным органам, обвиняя их в давлении на независимые СМИ. Для подконтрольных правительству газет установлено льготное налогообложение (что-то я не припоминаю этих льгот), а независимых душат грабительскими налогами, они лишены доступа к бумажному рынку, государственным типографиям, каналам телерадиовещания. В качестве примера удушения нарождающейся свободной прессы был назван недавно закрытый павлодарский “Перелом”.

“Независимым” отвечал заместитель министра печати С. Куттыкадам: демократия — это не одномоментный акт, а процесс, и “он проходит в Казахстане более-менее нормально...”. А новым демократам, представляющим оппозицию, по его мнению, надо ещё заслужить уважение правительства. Пока же они “мелкотравчаты и бесталанны” и зарабатывают дешёвый авторитет, привлекая к себе внимание международных СМИ и участников настоящего семинара, завершил своё выступление замминистра.

Поразило меня выступление директора японской телекомпании “Эн-Эйч-Кэй”. Нынешним летом эта компания организовала и профинансировала визит в Японию экс-президента СССР М. С. Горбачёва, оплатив не только связанные с этим расходы, но и заплатив ему гонорар в сотни тысяч долларов. До него тут побывали (и тоже, разумеется, небесплатно) Рейган и Тэтчер. Это какие же должны быть финансовые, технические и прочие возможности у телекомпании, если она может позволить себе подобное?

Другой японец рассказал о своей газете “Иомиури Шимбан”, которая выходит ежедневно шестью (!) выпусками — три утром, три вечером, на нескольких языках, тиражом 14,5 миллиона экземпляров. Впрочем, тиражом нас не шибко удивить: в своё время такие же, если не больше, были и у “Правды”, и у “Известий”, а у “АиФ” он доходил до 33 миллионов экземпляров. А удивили меня некоторые подробности технологии работы журналистов. Набор в газете — компьютерный, каждый журналист набирает свой материал сам и “заводит” на нужную полосу, в отведённое ему место. Никаких рукописей, распечаток, гранок, макетов — никаких бумаг вообще. То же — с фотографией: их не печатают, уже изобретены и используются способы их передачи сразу из фотоаппарата на компьютер и далее на полосу. Просто фантастика какая-то!

Для оперативного освещения особо важных событий газета располагает семью самолётами (от легкомоторных до реактивных) и несколькими вертолётами. Тем самым нам ещё хотели сказать: свобода — это не только возможность писать и говорить всё, что тебе вздумается, для этого надо обладать экономическими возможностями.

“Средняя Азия дышит сегодня воздухом свободы!” — высокопарно заметил один из ораторов. “А нагнетается он через государственные трубы”, — тут же остроумно парировал независимый журналист С. Дуванов.

Очень много говорилось на семинаре о телевидении, его огромных возможностях. Та же “Эн-Эйч-Кэй” — это целая империя с годовым бюджетом в 50 миллиардов долларов. Её программы давно перешагнули границы Японии. Представитель телекомпании не без гордости сообщил, что некоторые жители российского Дальнего Востока, пиратским образом установившие у себя специальные принимающие телеантенны, сначала узнали о ГКЧП не по российскому ТВ, а из передач “Эн-Эйч-Кэй”. А Средняя Азия в ближайшие годы окажется под своеобразным “информационным душем” — крупнейшие телекомпании устанавливают в

этом регионе и в соседних странах свыше 900 передатчиков. Тут есть и серьёзная опасность: более развитые телекомпании США, Англии, Японии будут просто забивать местное телевидение. Продукция американской киноиндустрии уже заполнила азиатский телерынок — просто до Казахстана этот процесс ещё не дошёл. Японцы уверяют, что уже к концу этого тысячелетия параболические спутниковые антенны станут доступными большинству людей, и человек в любой точке мира сможет смотреть и слушать любую телерадиокомпанию.

(Добавление из 2007 года.)

Тогда во всё это было трудно поверить, но ведь сбылось, да ещё как!).

Запомнилось мне одно из высказываний председателя национального Союза журналистов Индии: как бы ни пытались правительства, политики, другие могущественные силы приручить прессу, в вопросах свободы слова она должна уподобляться сторожевому псу, а не комнатной собачке.

Хорошо сказано! Вот только будет ли это когда-нибудь и у нас...

Пообщался в Алма-Ате с однокурсниками. Игорь Денисов не последний человек в здешнем телевизионном мире: показывал свой офис с собственными компьютерами, готовит интересную программу новостей для коммерческого канала, завёл рекламно-коммерческое агентство. Едет на десять дней в США — будет там набираться ума-разума у местных телерадиожурналистов. То ли по этому поводу, то ли у него вообще светлая полоса в жизни, но был он в этот раз в доброжелательно-приподнятом состоянии, принимал меня дома, купил в коммерческом магазине литровую бутылку водки (я такую ещё не видел) за 800 рублей.

Таня Назлова стала собкором “Гудка” по Казахстану и очень воодушевлена сим обстоятельством. Рад за неё, потому что последние годы её жизнь была во всех смыслах не очень устроена. Пришла меня проводить на аэровокзал.

Ирина Круч собралась уезжать в Германию. Мотивы: все родственники туда уже перебрались, и здесь её по большому счёту уже ничего не держит. С год назад подала заявление и ожидает теперь вызова.

Наташа Баталова благожелательно отозвалась о порции моих “блесток”, опубликованных в “Ниве”. Сказала, что завидует мне, ведь сама она почти лишена в этом смысле возможности действовать. А я сказал ей: может быть то, чему она посвящает жизнь, куда более важно (Наташа всё своё время отдаёт младшему сыну, у которого тяжёлое заболевание крови. И он до сих пор жив лишь благодаря её материнскому упорству и терпению).

Как прекрасна Алма-Ата в эти осенние дни — своей умиротворяющей спокойной красотой... Может, и не надо было мне все пять дней сидеть на семинаре, а лучше выбраться — хотя бы на денёк — в горы. Увы...

15 октября

Новые веяния. Некоторые газеты заполнены объявлениями сексуального свойства. Я выписал несколько...

“Милые дамы! Если вы темпераментны, но сексуально не удовлетворены, не огорчайтесь — я помогу. Национальность и возраст значения не имеют”.

“Женщины от 20 до 40! Молодой человек, стройный, культурный, образованный, очень вежливый, предлагает вам секс-услуги”.

“Молодой человек приятной внешности познакомится с состоятельной дамой, которая станет ему верным другом и спонсором — на взаимовыгодных условиях”.

Наверное, находятся желающие. Иначе не появлялись бы подобные призывы к “спариванию”. Республиканская газета дала недавно беседу с альфонсом (а, по сути, с мужиком-проституткой), который нисколько не стесняется своего занятия, скорее — наоборот.

Как доверительно сообщил мне высокий чин областной налоговой инспекции, средняя зарплата на алюминиевом заводе — 22 тысячи рублей (по итогам августа). У руководителей подразделений — в два-три раза выше. Знали бы об этом наши журналисты, которых я всё время пытаюсь убедить в том, что у нас сносный уровень заработков. Какой же он сносный, если редакторская зарплата на треть не дотягивает до среднезаводской на алюминиевом заводе.

Когда-то у нас в редакции работал Илья Андреевич Пустынников — заведовал отделом пропаганды. Но лавров на этом посту не заслужил и вынужден был уйти. А теперь он руководитель курсов похудения. Ходят к нему только женщины. Сначала он их нещадно ругает за обжорство и за их необъятные тела, давая тем самым некую психологическую установку и прививая отвращение к некоторым видам пищи: мясу, колбасе, тортам и тому подобному. Потом каждая из его “курсисток” пишет дневник: что съела за день, от чего мужественно отказалась, а чем всё-таки соблазнилась. Читая эти дневники, И. А. мысленно ругает или хвалит своих воспитанниц, тем самым опять же давая каждой соответствующие установки.

Ещё И. А. лечит от пристрастия к спиртному и к куреву. И кому-то уже смог помочь похудеть и отказаться от нехороших привычек.

Не знаю — как ко всему этому относиться, но заметку — скорее доброжелательную, чем ироническую, даём.

Несколько писем из сегодняшней подборки — о том, какое жутко бесчеловечное государство у нас было построено и как мучаются люди, сталкиваясь с теми, кто его представляет: в собесе, сбербанке, нотариате. И чем дольше живу, тем больше убеждаюсь: ничем не прошибить эту ватно-железобетонную стену бездушья.

17 октября

Пленум Центрального совета Крестьянского союза охарактеризовал положение в сельском хозяйстве как “поистине кризисное”.

Народ травится голландским спиртом “Ройял”. Причём, это не “самопал”, а спирт заводского производства, который покупать выгоднее, чем водку. Каюсь, и я его пивал, считая, что это нечто вроде нашего медицинского — чистого как слеза. Больше этот “Ройял”, именуемый в народе “роялем”, потреблять не буду.

В Павлодаре гостили представители Калифорнийского университета христианства — приобщали к вере нашу молодёжь. Во Дворце пионеров они встречались со школьниками. А переводил довольно интересную беседу Никита Кононенко, сын режиссёра Ирины Кононенко с Павлодарского телевидения.

Это, конечно, хорошо, что мы теперь открыты всему миру. Но мне как-то трудно представить, чтобы наши священнослужители — православные ли, мусульманские — поехали проповедовать в США...

Отличный материал П. В. Лефлера. Раньше такие писались в целях контрпропаганды, но этот другой, очень искренний, — о том, почему вернулась в Луганск (колхоз имени Тельмана) недавняя эмигрантка Эльза Рудольфовна Эберт. Материально в Германии ей жилось не хуже, а, пожалуй, получше, чем в колхозе, городок Падерборн — чистый, опрятный — тоже понравился. Но чувствовала она себя там, как в гостях, и всё время ей хотелось домой — даже во сне видела свой Луганск.

Встретили её тут нормально: без оркестра, но и без неприязни. Больше было удивления: другие ждут-не дождутся возможности отправиться на историческую родину, а она вернулась назад.

Выкупила свой бывший дом — за 86 тысяч рублей (продала за 12 тысяч). Председатель колхоза К. Я. Блац вернул ей некогда назначенный трудармейский паёк. Собирается покупать корову, завести кур.

Она никого ни за что не агитирует и говорит, что каждый сам пусть решает, где ему жить, но она теперь сама для себя решила, где ей лучше.

Вчера выпал первый снег: то сыпал сухой крупой, то валил пушистыми хлопьями. После обеда работал кое-как: подходил к окну, смотрел — хотелось туда, на улицу, под этот белый хоровод. К вечеру весь город побелел, и мы с Ольгой пошли с работы домой пешком.

Сегодня с утра солнце. Подтаивает... Хорошо...

Уже который год намереваюсь приобрести холодильник. Стоял в очереди на работе (у нас на всё была очередь — на квартиры, машины, мебель, сложную бытовую технику), но она так и не дошла до меня, а теперь и вовсе ликвидирована. Можно было, конечно, “злоупотребить” — на то и существует служебное положение. Но пока я сопли жевал: делать это или нет, что люди скажут — не стало и этой возможности. И теперь старый холодильник, который служил нам верой и правдой 15 лет, вот-вот испустит дух, а моя семья из шести человек останется на бобах.

Пару месяцев назад, наконец, договорился: придёт первая партия хороших холодильников — беру. Даже цена не испугала — 21-23 тысячи рублей, и 19 тысяч (чуть больше моей реальной месячной зарплаты) уже накопил. И всё время “пас” своего благодетеля, ждал. Повысили цены на энергоносители — звоню: а на холодильники цены не вырастут? С какой стати, отвечает, делали-то их до этого повышения...

И вот идёт эта долгожданная партия холодильников — по 60 тысяч рублей за штуку. Когда я цену услышал, у меня остатки волос на голове дыбом встали: что же они, негодяи, с нами делают?! Поразмыслив и поостыв, решил брать: дешевле они всё равно не будут, да и деваться мне некуда. Попросил, чтобы выплатили мне и Ольге зарплату вперёд, выгребли все заначки — насобирали 50 тысяч. Десять тысяч заняли у нашего завхоза Б. Теперь бы не потратить их раньше времени — холодильника-то ещё нет.

Фарс под названием “Горбачёв — Ельцин” — развитие сюжета. Горбачёв не явился в Конституционный суд, рассматривающий “дело КПСС”, а Ельцин сделал его невыездным. Г. критически отозвался о политике нынешних российских властей, а Е. отобрал у него большую часть помещений, выделенных под офисы “Горбачёв-фонда”. Г. назвал этот шаг идиотским произволом, а Е. ответил публикацией (не своей, разумеется, а безымянной статьёй в подконтрольной газете) о финансовых нарушениях в “Горбачёв-фонде” и о том, что Горбачёв знал о расстреле службами НКВД польских военнослужащих в Катynie и утаил эти сведения от мирового сообщества. И это — главы государств...

Я убеждён: не будь этого противостояния, история бывшего СССР могла пойти совсем по другому сценарию. Ведь одно дело, когда “взбрыкивают” отдельные республики и даже вся Балтия, и совсем другое — когда закусывает удила Россия, вернее, жеребец Ельцин, и вместе с пристяжными несёт государственную телегу, не разбирая дороги — вразнос... Вот уже и эта самая телега почти что развалилась и пристяжные притомились, а кореннику хоть бы что... Знают ли они — куда держат путь?

Киргизский парламент отказался посылать свой воинский контингент в Таджикистан, чтобы вести там миротворческие операции. Казахстан пока молчит. А в Душанбе 20 тысяч беженцев из южных регионов страны митингуют, требуя что развалилась и пристяжные притомились. Всего же в Таджикистане насчитывается около 200 тысяч беженцев.

Э. А. Шеварднадзе набрал 95 процентов голосов избирателей и стал новым президентом Грузии. Первое громкое заявление — перед наблюдателями ООН: роль России в урегулировании абхазского конфликта — негативна, без России всё бы разрешилось быстрее и с меньшими жертвами. Как будто это Россия, а не Грузия ввела войска в Абхазию и устранила там законно избранную власть.

Прибалты, Кравчук, Шеварднадзе... Кто следующий?

Десятки тысяч гектаров неубранных хлебов в Железинском, Качирском, Иртышском районах ушли под снег. Убрать их с горем пополам, может, и удастся, но получить с этих полей полноценное зерно — вряд ли.

19 октября

“Казправда” дала материал одного из представителей “Славии” — о том, как они проводили свою конференцию в Павлодаре, как власти чинили им препятствия... И в итоге “Славия” вынуждена была проводить собрание в речном порту, под открытым небом. Написано неплохо, хотя многие нюансы опущены. Сказано, что незаказханская часть населения Ермака пребывает в растерянном и подавленном состоянии после сноса памятника Ермаку и что проект Конституции республики не учитывает многие сегодняшние реальности, что может аукнуться в будущем.

Мы, кстати, тоже дали заметку о славянском сборе, где речь шла о том, что хороши и “те” (власти), и “эти” (славяне), сначала делающие, а потом думающие.

“Славия” прислала В. В. Шершнёвой уведомление: готовится общереспубликанская акция — в течение двух минут во всех городах Казахстана будут сигнализировать автомобильные гудки; это выражение позиции русскоязычного населения в пользу второго государственного языка, о чём следует оповестить казахстанцев через систему гражданской обороны (чтобы люди знали, что происходит, и не пугались).

Я был у Валентины Васильевны, успокаивал: такая уж у вас должность — с одной стороны “Славия” и “независимые депутаты”, с другой — “Азат” и “Алаш” — национал-патриоты. Она держится за голову: ну “прогудим” на всю республику, а дальше-то что?

“Новости” по “Останкино”: в одном из общежитий Усть-Каменогорска обнаружено четыре трупа — все казахи. Один из убийц задержан — чеченец. В городе начались массовые волнения, требование одно — выселить из города всех чеченцев. Экстренная сессия облсовета приняла решение — выселить. Что они там все с ума посходили?

В Таджикистане по-прежнему воюют. В Курган-Тюбе почти не осталось жителей.

20 октября

Эксперты Всемирного банка реконструкции и развития, побывавшие в Павлодаре, заинтересовались проектом Павлодарской оросительной системы. Его много лет пробивал покойный Я. Г. Геринг, нашедший поддержку у начальника облводхоза Ж. Р. Рамазанова. Уже начали прокладывать облицованный бетонными плитами канал от Иртыша по направлению к Успенке. Этот канал должен был дать воду засушливым степям Павлодарского и Успенского районов и оросить со временем 44 тысячи гектаров. Будь Геринг жив, проект бы наверняка уже частично осуществили. Ну а теперь — вряд ли: у нас и действующие орошаемые земли до ума не доведены, а многие тысячи гектаров полей, числящиеся орошаемыми, ни разу не поливались... Тут же новый грандиозный проект, очень затратный... Хотя Ж. Р. Рамазанов сказал мне, что эксперты Всемирного банка увиденным остались довольны.

Казахстан продаёт зерно нового урожая. Первый миллион тонн уже отправлен в Россию. Почему-то этот факт не наполняет моё сердце гордостью, скорее — удивлением: у России столько плодородных земель, неужели же она не может обеспечить себя пшеницей собственного производства?

Ушедшие в знак протеста с сессии депутаты ругают её в нашей газете за то, что она не стала обсуждать ситуацию с ценами на продукты питания.

Акционерное общество “Пульс” открыло в Павлодаре бизнес-школу, в том числе и для обеспечения “Пульса” будущими кадрами. Обучение в ней платное — 400 рублей в месяц, но лишь на первых порах, потом будет дороже. Выпускники получают специальности бизнесмена, бухгалтера, программиста, овладеют английским, получают водительские права.

22 октября

Николай Марчевский ходил на совместное заседание президиума областного крестьянского союза, совета колхозов и стачечного комитета аграрников. Написал подробный отчёт. Вот цифры: задолженность совхозов и колхозов составляет почти 150 миллиардов рублей, долг по зарплате селянам — 120 миллионов. Сегодня ни одно хозяйство не живёт на свои деньги, поскольку все отрасли убыточны. Единственный источник средств — банковские кредиты под дикие проценты. Убыточными стали даже такие колхозы, как “30 лет Казахстана”, имени Тельмана, Кирова, Карла Маркса. В Баянауле убыточно даже овцеводство, где затраты минимальны.

На хвалёном Западе сельское хозяйство — традиционно дотируемая отрасль, а у нас у совхозов и колхозов изымают в виде налогов и всевозможных сборов 87 процентов всех выручаемых ими денег. И при этом нет паритета в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

Шума на собрании было много, представляющие областную администрацию заместители главы Ю. И. Лавриненко и О. К. Кожанов признали претензии сельчан справедливыми. Но ничем реальным областные власти помочь селу не могут, потому что правила игры устанавливают не они. По сути и на этот раз так ни до чего не договорились.

Ездил в “Бобровку”, к Мальцеву. Никогда ещё не видел его таким подавленным, растерянным и обиженным. Недавно ему исполнилось 60 лет: не нажил ни богатства, ни должностей и остаётся у разбитого корыта. Просит квартиру в Павлодаре, но и с этим проблемы. Обещал ему поговорить на этот счёт с Б. В. Исаевым.

Недавно в “Бобровке” побывал “десант” — глава области со своим окружением. “Десант” потому, что были они все, включая А. А. Жабагина, в камуфляже и находились недолго. Увиденным высокие гости остались недовольны, наговорили Николая Фадеевичу обидных слов. Да уж... Учить Мальцева растить и убирать хлеб, хозяйствовать — это не от большого ума.

Мне он с обидой так охарактеризовал этот визит: “Весь свой боезапас на меня истратили!”.

Хочу написать не вполне обычную вещь, придумал заголовок и, кажется, неплохой — “Монологи на осеннем ветру”. Это будут монологи Мальцева — о жизни, о времени, о себе.

24 октября

Ю. А. Ковхаев написал интервью с К. Н. Шакиримовым. Сама по себе идея привлекательна: давать в газете мнения людей, в разное время ярко блестящих на политическом небосклоне, всех, у кого действительно есть что сказать. Но вышло не совсем то, что мне виделось.

III. в интервью предстаёт таким героем нашего времени. Я способен оценить его многие качества и признаю нерядовой фигурой нашего политического бомонда. Но однако знаю его и другим — упоённым властью, не сдающим “своих”, пусть эти “свои” и замараны по самые уши, пристрастным, да мало ли ещё каким... А тут они с Ю. А. судят направо-налево, раздают оценки, выносят вердикты: этот — “серая ничтожная личность”, этот — “слон в посудной лавке”, к тому же нечистый на руку; и далее — в том же духе.

Разумеется, у тех, о ком они судят, были и есть свои недостатки (как, впрочем, и у самих собеседников), но я против того, чтобы газета уподоблялась коммунальной кухне, на которой два “больших” политика судят других “больших” политиков, не очень выбирая при этом выражения.

Лишний раз убедился в том, насколько пристрастны, идеологизированы, заданны бывают даже нерядовые люди, и как пристрастия могут свести на нет и профессионализм, и прочие достоинства человека.

Но с интервью всё же надо что-то делать, я ведь сам давал на него “добро”. Скорее всего, подрежу в особенно “размашистых” местах...

Опубликовали материал Людмилы Ермолиной — о том, как выполняется (вернее, не выполняется) распоряжение главы администрации о контроле над уличной торговлей. Дело в том, что многие положения этого документа заведомо невыполнимы. Так и написали, вызвав огонь на себя.

Ещё больший огонь вызовет материал Славы Лесовского — о том, как администрация хотела наложить лапу на магазин “Мелодия”, забрав его под офис торгового дома “Ансат”, владеет которым брат главы администрации.

Показываем помаленьку зубы, но как бы их нам не пообломали...

Любопытная информация по “Маяку”. Некоторое время назад группу заключённых на самолёте переправляли куда-то в другое место, а они разоружили охрану, захватили самолёт и угнали в Пакистан. Знали бы они — что их там

ждёт! Пакистанцы советских преступников не выдали, осудили на пожизненное заключение. Понятно, что и в наших зонах жизнь не сахар, но, наверняка, в пакистанских тюрьмах она ещё хуже, потому что все участники захвата самолёта пытались покончить жизнь самоубийством. Но это им не удалось — попали в больницу. И теперь российские власти обратились к пакистанским властям с просьбой депортировать угонщиков для отбытия наказания в России.

На очередной “летучке” обозревал газету Я. Лесовский. Раскритиковал. Но разговор состоялся интересный, острый...

Подписал приказ о 40-процентном увеличении зарплаты. Роста цен эта надбавка, конечно, не компенсирует, но хоть какое-то подспорье...

Н. А. Назарбаев выступил по казахстанскому телевидению. Цитирую:

— Действительно, сейчас немало семей, которые оказались за чертой бедности. И если быть предельно честным, не уверен, что тенденция к снижению уровня жизни остановлена. Вполне возможно, нас ждут ещё более нелёгкие времена...

— Либерализация цен, начатая Россией без соответствующей подготовки и предварительного согласования с партнёрами по СНГ, привела к крайне негативным результатам во всей рублёвой зоне. “Шоковая терапия” демонтировала весь прежний хозяйственный механизм раньше, чем появились и обрели устойчивость рыночные институты и рычаги. Иначе говоря, старый дом оказался разрушенным прежде, чем мы приступили к строительству нового.

— В первую очередь необходимо усилить регулирующую роль госорганов, остановить неуправляемый рост цен и, в качестве временной меры, рост зарплаты, не подкреплённый увеличением объёма производства...

Президент сказал, что сбор зерна превысил 32 миллиона тонн и что это хорошая база для намеченных преобразований на селе.

Позвонил С. А. Донской: в критическом положении Ермаковский завод ферросплавов. Он не может рассчитаться с поставщиками сырья, потому что с ним не рассчитываются потребители продукции. Деньги завода “не проходят” в Россию, а оттуда — к нам. Печи предприятия переведены на “тихий ход”.

Пшиком оборачивается затея с выращиванием сахарной свёклы в области. То есть свёклу-то вырастили, но отправка её на перерабатывающие заводы на “КамАЗах” обойдётся так дорого, что стоимость полученного взамен сахара окажется вдвое дороже неподъёмной сегодняшней.

Теперь никто не знает, что делать со свёклой: то ли всё же отправить, то ли скормить скоту на месте...

27 октября

Был в Железинке, пообщался с главой райадминистрации Г. Г. Сокурено. И он на пальцах доказал, что нынешние закупочные цены и на пшеницу, и на гречиху разорительны для совхозов. Им выгоднее вообще ничего не сеять...

По указу президента к первому марта будущего года все совхозы должны быть реформированы. Но никакая приватизация не даст нужного результата, если не изменится политика государства по отношению к селу.

Материал свой назвал “Не загоняйте крестьянина в угол”.

Герман Геринг, сын знаменитого Я. Г. Геринга, председатель колхоза имени Энгельса, был на стажировке в Германии — поработал помощником местного фермера — бауэра. Делится с помощью Роберта Штарка своими впечатлениями в “ЗП”. Секрет успеха немецкого бауэра прост: он и его семья много и добросовестно работают: с 6.30 утра до 9 вечера. Председатель вместе с хозяином ухаживал за скотом — задавал корм, поил, убирал. Но пройти до конца стажировку так и не смог — вынужден был вернуться в колхоз досрочно, где за время его отсутствия накопилась куча проблем. Одна из главных — немцы бегут из этого далеко не худшего хозяйства: за последние несколько лет уехало 180 семей, а это были, как правило, лучшие работники.

Сам Геринг говорит, что никуда уезжать не собирается.

29 октября

Из опубликованного сегодня статистического обзора...

Цены с прошлого года выросли в более чем 11 раз.

Зарегистрировано 1529 безработных, из которых 909 получают пособия.

Максимальная зарплата — у банковских служащих, минимальная — в организациях культуры (почти в десять раз меньше). Разница в оплате труда у селян и работников промышленности — 2,5 раза (в пользу последних).

Люди стали меньше покупать мяса (почти в два раза), сливочного масла (на треть), жиров — более чем в два раза...

Падают объёмы производства в промышленности, останавливается строительство...

В этом же номере — заметка “Обокрали безработную”. Из её квартиры воры утащили магнитофон, два кольца и 250 тысяч рублей.

У филиалов Сбербанка люди собираются задолго до их открытия — в надежде первыми оказаться у заветного окошка и получить хотя бы часть заработанного. Уже холодно, и, чтобы согреться, люди жгут костры.

Утром позвонил на работу человек, не назвавший себя. Он хотел продать на городском рынке выращенную дома свинью. Заплатил за место и ещё не успел разделить тушу, как подошла группа парней, потребовала “отстегнуть” за право на торговлю. С какой стати, удивился тот. Парни плеснули на тушу бензина и убежали...

31 октября

Перепечатали из газеты “Дауа” поверья казахов. Вот некоторые:

Старик без старухи — сирота.

Книга без читателя — сирота.

Ручка без бумаги — сирота.

Человек без ума — сирота.

2 ноября

Понедельник — суматошный, бестолковый... Но есть и хорошее. Нам идут ещё два вагона бумаги. Договорился пристроить их на химзаводе. Таким образом, закроем бумажную проблему на весь будущий год.

Интересная вещь: мы не раз критиковали химзавод, притом не всегда профессионально (за экологию), а директор Б. А. Шаров сразу согласился помочь. Значит, не мелочный человек.

Вторая хорошая новость: на будущий год набрали 57 тысяч подписчиков, что вполне нас устраивает. А будет ещё и розница. Можно было бы и продлить подписку ещё на месяц, но в условиях нынешнего экономического абсурда это нецелесообразно: чем больше тираж, тем больше будут убытки.

Заходил Н. П. Попов — наш бывший сотрудник, а теперь собкор “Советов Казахстана” — новой газеты Верховного Совета. Одобрительно отозвался о наших последних публикациях, в которых мы критикуем некоторые шаги администрации, и сказал, что в случае чего мы можем рассчитывать на его поддержку. Это приятно: значит, не забыл, как я поддержал его, взяв на работу после того как он со скандалом оставил свою редакторскую должность в одной из городских кустанайских газет.

В субботу были в гостях у профессора-историка Еркека Утебаева — мы с Ольгой и Людмила Гришина. Они с Гульжихан-апай просто очаровали нас. Угостили роскошным бешбармаком и не менее роскошной — во многих смыслах поучительной — беседой. Еркек — наш автор, недавно в “ЗП” вышел цикл его очерков о Султанмахмуде Торайгырове, который имел большой резонанс. И в отличие от нас, журналистов, не всегда осознающих цену печатного слова, он её знает.

Хорошо было бы и их с женой позвать к нам в гости.

Несколько месяцев назад в нашем республиканском парламенте возникла бурная дискуссия о необходимости государственного двуязычия в Казахстане. Одной из тех, кто её начал, была депутат Жаворонкова, председатель Талгарского горсовета, ставшая ещё и сопредседательницей депутатской группы “Равноправие” (или “Гражданское согласие”, я уже точно не помню). Жаворонкова активно отстаивала целесообразность придания русскому языку (наряду с казахским, разумеется) статуса государственного.

И вот читаю недавно её интервью в “Комсомолке”: просит у Ельцина политического убежища. Причина — моральный террор, которому она стала подвергаться за отстаивание идеи государственного двуязычия... Я тогда ещё подумал: не может быть, чтобы наши республиканские национал-патриоты не отреагировали... Теперь читаю в “Советах Казахстана” заголовок: “Ох, уж эти радикалы”. Речь — о Жаворонковой: сессия Талгарского горсовета осудила заявление своего бывшего председателя, депутаты много и охотно говорили о её амбициозности, умении пускать пыль в глаза, манипулировать коллегами. Никакого морального террора в отношении её, само собой, не было. Депутаты выразили отрицательное отношение к публикации и отправили это своё решение в редакцию “КП”. При этом в материале ничего не говорится о сути конфликта — о том, за что активно агитировала Жаворонкова.

Зато в этом же номере стоит “КазТАГовская” заметка о заседании конституционной комиссии, подводившей итоги всенародного обсуждения проекта новой Конституции Казахстана. Читаю: с учётом мнения народа не приняты предложения дать русскому языку статус второго государственного. Это после стольких-то дебатов (вспомнить хотя бы сессии нашего облсовета)... Не нашли ничего лучшего, чтобы использовать эту ублюдочную формулу. Совсем недавно в номенклатурных партийных кругах бытовало словосочетание “есть мнение...”.

Наверное, ни один человек в Казахстане не станет сегодня возражать против того, чтобы государственным языком был казахский. Но надо же понять и услышать миллионы тех, кто не знает его; эти люди могут покинуть республику только потому, что они теперь уже как бы не народ, или, вернее говоря, народ, да не тот.

Бывший редактор нашей газеты В. С. Молотов принёс рецензию на мемуары Д. А. Кунаева под заголовком “Раздумья аксакала”. Текст настолько ортодоксален, что даже не знаю, как говорить с автором.

Между тем Молотова тоже можно понять... Его, круглого сироту (о своих родителях он не знает ничего), подобрала и воспитала советская власть, вывела в большие люди. И как же после этого он может “поступиться принципами”? И разве он один такой!

Недавно узнал: собирается уезжать в Германию А. Ф. Симон. Знаю его как председателя райисполкома, первого секретаря райкома партии, секретаря обкома. После того как партия перестала существовать, на короткое время он стал секретарём облисполкома, а когда новый глава обладминистрации формировал свою команду, Симону в ней места не нашлось. Пристроили управляющим делами облсовета — на должность откровенно декоративную...

Своего рода человеческая трагедия... Здесь он, после того как верой и правдой служил этой власти всю жизнь, оказался не нужен. А кому он будет нужен на исторической родине?

Заходил к Александру Фёдоровичу, но разговора, в общем, не получилось. Конечно, он кровно обижен, обескуражен. Но чем я ему могу помочь?

В России новая горячая точка — конфликт между осетинами и ингушами. Решением Ельцина там введено чрезвычайное положение, но будет ли толк? Вот уже и сама Россия становится местом национальных разборок.

Зато Б. Н. Ельцин обещает скорую стабилизацию в стране, в том числе и цен... Всё больше убеждаюсь, что, хоть он и работал строителем, его призвание ломать, а не строить. Не верю, что ему удастся вывести Россию на дорогу нормальной жизни.

3 ноября

Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”: “По законам рынка стало жить Актауское областное радио. Каждый, кто пожелает высказать на весь Мангышлак собственное мнение по тому или иному вопросу, сможет это сделать, если заплатит 200 рублей. Ему будет представлено десять минут эфирного времени”.

Так что свобода слова в Актау будет стоить совсем недорого. Нечто подобное уже было на Центральном телевидении — так называемая “Будка гласности”, из окошка которой желающие делились своими откровениями на весь СССР. Иногда они были весьма и весьма любопытными, только денег за это в ту пору ещё не брали.

Улучшить наш недостроенный социализм цивилизованным капитализмом предлагает в пространной статье, которую мы сегодня публикуем, один наш просвещённый автор. И ведь не так уж он не прав: суждения звучат вполне здравые — взять всё лучшее оттуда и оттуда, что кое-где на Западе и делают.

Но нам-то всё это уж точно не подходит, как и элементарное здравомыслие. Мы должны сначала всё разрушить до основания и лишь затем... Начинаем думать — зачем мы это сделали?

5 ноября

Пришла настоящая зима — сегодня около 20 градусов мороза. Но земля почти голая. Плохо, что нет снега, как-то неудобно...

Ольга Фролова опубликовала материал о призывниках, которых калечат в армии. На планёрке наши конторские демократы упрекали её в “провоенкоматовской” позиции. А через час мне позвонил облвоенком и заявил: мы им своей статьёй срываем призыв, хуже момента для публикации и выбрать было нельзя...

Бурную реакцию комитета по госимуществу вызвала корреспонденция Николая Марчевского о приватизации нашего (недалеко от дома) овощного магазина. Материал острый, злободневный. Руководство комитета попросило встречи с коллективом журналистов. Встретились, бурно пообщались...

Председатель комитета С. Б. Алибаев сетовал на многочисленные трудности: приватизация — дело новое, законодательство — несовершенное, со всех сторон давят, а тут ещё вы... Его зам В. Л. Гетман — человек не только умный, но и хитрый, умеющий убеждать, упрекал Марчевского в непрофессионализме и отчасти был прав. В конце концов я заколебался: надо ли было давать материалы именно в такой тональности?

Потом пришёл Серёга Гурбунов и рассказал о результатах своего собственного расследования истории с приватизацией. Судя по его словам, у “комитетчиков” тоже рыльце в пушку. Тем не менее они пообещали подать на нас в суд, если не дадим опровержения.

На заседании коллегии обл администрации обсуждали “хлебный” вопрос: область пообещала сдать государству 280 тысяч тонн, а сдала всего 220. В должниках иртышане, железинцы, успенцы... Порадовался за глав райадминистрации: держались — как партизаны на допросе: “Нет хлеба — хоть убейте! Не верите — сами ищите!”. Хлеб, конечно, есть, да вот отправлять его Родине по нынешним ценам себе дороже. Гречиху, скажем, принимают по 13 тысяч рублей за тонну, а в магазине (сегодня специально зашёл посмотреть) она по 80 рублей за килограмм. Понятно, что это обрушенное зерно — крупа, с которой сняли оболочку. Но не в шесть же раз она должна быть дороже! То есть опять кто-то (и не один) греет руки на бедном хлеборобе.

Да и что значат наши несчастные 60 тысяч тонн недоимки для Казахстана, собравшего рекордный урожай хлеба? Но нет: обещали — отдайте. Совсем как в советские времена, когда главенствовала “первая заповедь”: сначала рассчитайся с государством, а уж себе — что останется...

Глава Железинской районной администрации Г. Г. Сокуренок смог убедить коллегию, и моим землякам задание по хлебосдаче немного скостили. Остальным велено выполнять прежние. Значит, будут скрести по сусекам.

Продолжается необъявленная война между осетинами и ингушами. Уже десятки убитых с обеих сторон. Не помогает и объявленное здесь Ельциным чрезвычайное положение и даже ввод российских десантников.

На президентских выборах в США победил демократ Билл Клинтон. Думаю, не последнюю роль при этом (особенно для женской части американского электората) сыграли его внешние данные — этакий осовремененный ковбой-красавец.

Вася Гольшкин побывал в Египте. Написал интересные путевые заметки. Можно было и поподробнее...

6 ноября

Завтра — отменённый в Казахстане день Октябрьской революции. В России, как раз к дате, затеяли ремонт на Красной площади, и “левые” будут митинговать на Манежной. У нас коммунисты проводят вечер в драмтеатре. Мы на завтра даём фотоколлаж — винегрет из снимков с прошлых демонстраций с ленинской фигурой в центре и большим вопросительным знаком. И ещё небольшую подборку — как воспринимают этот день павлодарцы сегодня (воспринимают по-разному), с небольшим комментарием.

В этом же номере “Монологи на осеннем ветру” — размышления Н.Ф. Мальцева о времени и о себе в моём изложении. Будет и ему, и мне, наверное, за эти монологи...

Ходил к Б. В. Исаеву — просил у него поношенную “Волгу” для редакции (он пересаживается в “Вольво”). С машиной ничего не вышло — её уже забрали. Зато Б. В. пообещал поговорить с главой обладминистрации насчёт квартиры для Н. Ф. Мальцева в Павлодаре.

Б. В. читал мне свои стихи и, к моему удивлению, в них были хорошие строки.

Ещё он рассказал, как летал на юбилей к Д. А. Кунаеву. Ходили слухи, что именно из-за опоздания на этот юбилей Исаев был освобождён с поста первого секретаря обкома. Но — нет. Б. В. уже знал о своей предстоящей отставке, и поэтому лететь в Алма-Ату не собирался. Но на всякий случай всё же позвонил помощнику Д. А. Тот сказал: “Узнаю”, — и через какое-то время ответил — приезжайте. Однако самолёт, на котором летел Исаев, посадили из-за нелётной погоды в Балхаше. Там же оказался по той же причине первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома партии Протазанов. Вылетели второй раз — уже из Балхаша — и снова не смогли сесть в Алма-Ате из-за сильного тумана, вернулись обратно. И только с третьего захода, с риском, всё же приземлились в столице. На первый этап поздравления (на рабочем месте) действительно опоздали (что и дало повод считать одной из причин отставки Б.В. это опоздание), но на банкете для узкого круга оба были. Б. В., как и другим, предоставили слово. Ему важно было и лицо сохранить (не показывать, что он в обиде), но и нельзя было делать вид, будто ничего не случилось. И Б. В. высказался в том смысле, что у Д. А. 19 детей (по числу областей Казахстана), и иные из них доставляют ему немало хлопот и беспокойства (тут был намёк и на собственную судьбу); ну да что ж, мол, мудрости и умения юбиляру не занимать, не раз он шёл через тернии к звёздам, в том числе и к золотым (то есть звёздам Героя Труда). Не уверен, что я точно передал слова Б. В., но смысл их, мне кажется, был таков.

Произнеся тост, Б. В. выпил фужер коньяку (граммов на 150, уточнил он), и к нему потянулись стоявшие рядом женщины: “Закусите икоркой!”. “Икра в таких случаях — лучшая закуска!” — прокомментировал уже для меня Б. В.

А через несколько дней состоялся тот злополучный пленум обкома партии, на котором Б. В. лишился своего поста.

Ещё он сказал мне, что не без его помощи К. И. Шакиримов попал в председатели областного комитета народного контроля — это Б. В. замолвил перед Колбиным словечко за опального второго секретаря обкома, своего бывшего протезе.

Провели благотворительную акцию: за счёт “конторы” выдали народу по два килограмма макарон, пряников, “соломки” (что-то вроде мелкой лапши), киселя... Народ был счастлив, многие благодарили редактора и профком. Как немного порой человеку надо...

Продолжение следует.

В гостях у “Нивы” — литературный клуб “Пегас”

Шефа НАДУРАЛИЕВА

Притупляю чувство страха,
обостряя чувство боли.
Танец ошалевшей моли
Над уже остывшим прахом —
Неостывший сон любви.

Приглушаю шум дороги
Музыкальным шумом в уши,
Льёт сироп фонарный в лужи.
Ты мне нужен.

Капли неба — на ладони,
Вниз течёт чернильный вечер,
В проводах запутан Млечный.
Станет легче.

Растекается город по стёклам авто.
Размываются мысли и тушь.
Мокрый снег.
Фонари.
Ты меня называй “Клани руш*”,
Прижимая всё крепче к пальто

Ледяную ладонь — на плечо.
Робким взглядом уткнусь в воротник,
Губы — дрожь.
Где твои?

*Клани руш — любимая, любимая девушка (с лезгинского).

Вот уже шестой год на историко-филологическом факультете Евразийского национального университета имени Льва Николаевича Гумилёва действует литературный клуб “Пегас”, объединяющий начинающих поэтов и прозаиков. За этот период творчество студентов было представлено на страницах литературного альманаха “Евразийский Пегас”, два выпуска которого увидели свет благодаря финансовой поддержке ректората ЕНУ. В минувшие годы некоторые члены клуба “Пегас” уже публиковались в “Ниве”. В этом номере мы представляем вниманию читателей пробу пера новых молодых авторов — студентов Евразийского университета.

Катерина КАЛИНИНА

У вас сейчас дождь на дожде,
И в каждом дожде — дождь.
Ответь, ты меня найдёшь
В этой дождливой мгле?

И в лужах у вас круги
Грохочут в дождливую тишь.
Ты будешь верить — скажи —
В нашу любовь? Слышишь?
Шёпот ждущих губ
Моих
Тебя.
В твоё солнце,
В его рассердечный стук.
И ждёт. И любит. И бьётся
Сильнее, чем стук всех дождей
В мире.
Он шире.
Он громче!!!
Согрей меня им... Согрей!!!
Чтобы дожди закончились.

Буйство снега прямо в окна:
Рвутся в форточку, шипя,
Пчёлы белые. Продрогла
Заболевшая земля.
Непогода. Нет прохода.
Полупаника и шаг
Вдруг в прыжок. Опять природа
Пошутила кое-как.
Ярость зимняя не в радость —
Надоела малость. Гадость!
Ей смириться уж осталось.
Только жадность. Только жалость.
Пусть последних пчёл — из улья!
И последний вздох — мороз.
И устала, и уснула. Без колючих белых слёз.

Наталья МАНОЛИ

Мне понимать тебя не нужно,
Ведь я себя не поняла
Ни в вечер тот, сухой и душный,
Ни в день, когда зима мела.
Смеялся ты иль я смеялась?
Над кем? Да сами над собой!

И вмиг любовь сменила жалость,
 А хаос — преданный покой.
 Склонялся звёздный ковчиг над лесом,
 Зачерпывая наш обман.
 Нет, ни души, а лишь словесный,
 Пустивший на глаза туман.
 От чувств с тобой отговорились,
 От поцелуев я бегу.
 Ну отчего глаза так впились
 В прохладный контур твоих губ?
 Мне понимать тебя не нужно...
 Слова порою не важны.
 Так обними, чтоб стало душно
 Среди холодной тишины!

Акростих

По спине холодок осенний.
 Разве карты откроешь сейчас?
 Интересно бы знать, кто последний
 Завершит всю нелепицу фраз.
 На меня посмотрел с укоризной,
 А потом, охватив небеса,
 Незаметно колдуя над жизнью,
 Изменил всё вокруг. Чудеса...
 Если б видеть свои мне глаза!

Виктория КУЧМА

Чужое солнце

Если я чувствую холод,
 Если кто-то прячет глаза,
 Кому из нас двоих верить?
 Километры-километры намерить,
 Чтобы
 Больше не чувствовать это непонятное.
 Тоска...
 И сердце — в два куска
 Крови холодной и крови горячей.
 Может, этого вовсе нет,
 И никто ничего не прячет?
 А я всё пытаюсь пролить свой маленький свет
 В космический мрак.
 Каждый шаг,
 Между тем,
 Удваивает следы вокруг меня.
 Я просто
 Не в силах увидеть что-то родное.
 Пустое —
 Мой город устал бороться
 За чужое солнце.

Дмитрий ИВАНОВ

А. В.

У вас такое умное лицо...
Я любовался бы часами
Пронзительными тёплыми глазами,
Поигрываньем “мышцы гордецов”...
Улыбкой, чуть насмешливой, когда
Какой-нибудь расскажете Вы случай,
Откинетесь — и водопад летучий
На плечи вдруг уроните со лба.

Дмитрий ЛАРИОНОВ

В этом я схож с женской натурой,
Желая любви на большой полосе.
И чтоб не была любимая душой,
А если б была, то меньше, чем все.
И чтобы загадка в натуре любимой
Была постоянно, маня, как закат,
Разлукой томя меня невыносимой,
Стремясь поскорей возвратиться назад...
Губы целуя — не нацелуешься,
Глядя в глаза — не устайешь,
Телом прекрасным — долго любишься,
И обнимая — к сердцу прижмёшь.
Вот что меня привлекает и манит!
Этого я хочу!
Ради этого землю топчу,
Ожидая, когда ТО настанет,
И в этом я схож с женской натурой,
Желая любви на большой полосе.
И чтоб не была любимая душой,
А если б была, то меньше, чем все.

Александра ТУЙКОВА

Рисую ночь...

Рисую ночь замёрзшими руками.
И спящий город, инеем покрытый.
И каждую судьбу, что перед нами
За этой льдистой форточкой открытой.
Рисую ночь. Дыханье белым паром
Легко ложится на сгущённый воздух.
Весь город снегом замело, как одеялом,
И грустно, что не видно в небе звёзды.
Рисую ночь. Ты рядом, чуть продрогший.
Не видя прелести, ты видишь снег и холод.
Ты куришь, погружаясь в дым застывший,
Сознаньем заполняя спящий город.
Рисую ночь. А бабочки-снежинки
Кружатся, падают в объятия белой комы.

Звонят морозом скованные льдинки,
И мрачно всё вокруг и невесомо.
Рисую ночь. Те переливы цвета
От чёрного до нежно-голубого
С песчинками загадочного света
От фонаря. Беспечно-золотого.
Рисую ночь...

Наркес ОРАЗБАЕВА

Белый вечер

Белый вечер стелется за окнами
Праздничнее солнечного дня.
Только город и дома с порогами
Я не представляю без тебя.
Вьётся снежный ветер над дорогами,
Бледные деревья теребя.
Но прохожих, но людей с тревогами
Я не замечаю без тебя.

Все цвета становятся другими,
Равнодушно-светлыми... Но лишь
Шёпотом подбросить твоё имя
В белую декабрьскую тишь...

Растворить его в морозном инее,
По проспектам и по площадям,
Просто в этой жизни, в этом мире
Не бывает неба без тебя

Динара БАЙГОЗИНОВА

На плечах моих тонны города.
Да, города.
Такого же томного без гранита и без бетона,
Но
Мне всё равно. Я ношу его по привычке —
Без повода.
Проводи меня до дому,
И пусть тонны города в путь тронутся.

Набросок. В подъезде

Обогнула. По тонкому краю выбралась.
Не вздохнула, не бросила взгляда кроткого,
Из платка только прядка волос выбилась —
На цыпочках,
по кромке я.
И не слышно дыхания — частого в ворот,
Глаза к ровной плитке пола прикованы,
Позвоночника стальной провод
Накренился, а мне говорили — он кованный...

Полина ЧИХИЧИНА

Ты так сейчас чудесно улыбаешься,
И по-особому глаза добры,
Когда упорно вырезать пытаешься
Сердечко из берёзовой коры.

Твой анекдот поглаживает бороду.
Но я пойму ведь, что ни говори!
Хочу всю ночь бродить с тобой по городу,
Пинками будоража фонари.

Хочу руки коснуться ненавязчиво
И о любви своей шепнуть хочу.
Хочу тебя, живого, настоящего!..
Но понимаю, что не получу.

Грязнеющий водоворот событий.
В нём ты — никто, не связан ты — ни с кем.
Здесь места нет для жизненных открытий,
Для падающих в душу важных тем.

И бродишь, как сомнамбула в пустыне
(Не можешь даже выпасть из окна!),
Молясь далёкой призрачной святыне,
Она, как жизнь, единственно одна.

И, жадный, полюбить весь мир готовый,
Набросишься с надеждой на мечту,
Но это сон... И, одинокий снова,
Наматываешь взгляд на пустоту.

Дмитрий ДОВОЛЬНОВ

Процессы движения к солнцу
по крышам,
забираясь повыше.
На самом деле то же самое,
что и процесс разложения.
Победа, как мне видится с моего балкона, —
не что иное, как принятие своего поражения.
А внизу шевелятся дни осени,
подбирающейся с ножом,
походкой закошенной
под Хантера Томпсона,
к унылым кусочкам странного лета, в котором у меня
почему-то и до сих пор
так и нет пистолета.

*И поэтому мне страшно подумать,
что же я буду делать потом,
когда прибитое к потолку ржавым гвоздём
солнце,
путаясь в собственных штанах,
начнёт спускаться по небесной пожарной лестнице,
но оступится и полетит вниз.
Символом этого падения
станет перерезанное горло лета,
открывшееся кровавой пастью,
чтобы сожрать меня и этот город,
чтобы заставить принять поражение.
И в этой гниющей ране
будут копошиться черви дожdevиков —
серых, зелёных, чёрных
или ярко-жёлтых, как у ментов...
И пока кто-то карабкается за солнцем
по крышам
повыше,
я пойду вниз и найду себе пистолет —
в случае чего чтоб иметь возможность
пресечь в себе процессы гниения.*

Страна “Где-то Там”

Судя по всему, Дирк заблудился. По-хорошему, даже в такую погоду он должен был бы уже находиться на месте. Но дорога всё никак не хотела кончаться. Из-за дождя и темноты не было ничего видно ни слева, ни справа, а впереди был только небольшой тоннельчик, пробиваемый светом фар, но и он сразу же смыкался сзади. Но даже при скорости, с которой он ехал при такой видимости, пора бы уже доехать.

Дирк едва успел затормозить, когда прямо на него из темноты выскочило какое-то тощее человекообразное существо, облачённое в лохмотья, которые, возможно, раньше были чем-то вроде пижамы. Дирк ещё приходил в себя от неожиданности, когда существо, взглянув на него через лобовое стекло совершенно безумными глазами, прыгнуло куда-то влево и скрылось в темноте. Никаких больниц, тюрем и тому подобных учреждений, насколько знал Дирк, ни в этом, ни в близлежащих округах не было. А уж он-то знал эти места. Не мог же он за полтора часа езды “на ощупь” заехать в совершенно чужой округ, по дороге, не имеющей ни одного ответвления?

Приходя в себя и раздумывая над тем, куда же он попал, Дирк продолжал ехать вперёд, как вдруг дорогу преградили огромные чугунные ворота, выпрыгнувшие из темноты так же внезапно, как и то существо. Накинув ветровку на голову, чтобы хоть как-то защититься от дождя, Дирк выскочил из машины и стал осматривать ворота в поисках звонка или домофона. Ничего подобного здесь никогда не было, а значит, он всё-таки каким-то непонятным образом оказался в другом округе. Единственным правильным решением сейчас было разузнать у хозяев своё местоположение, а если повезёт, то и напроситься переночевать. Всё равно в такой дождь далеко не уедешь. Домофон обнаружился справа от ворот и представлял

собой жуткое и занимательное зрелище одновременно: кнопкой звонка служил зрачок глаза, занимающий практически всю радужку, микрофоном было ухо с как будто бы обгрызенной мочкой, а динамик был выполнен в форме открытого рта с отсутствующими передними зубами и виднеющимся в щербине языком. В отличие от ворот домофон был новый, из блестящей меди, ещё не успевшей позеленеть в таком влажном климате, а значит, был установлен совсем недавно.

Эти мысли пронесли в голове Дирка, пока он утапливал “зрачок” звонка.

Некоторое время “рот” безмолвствовал, а затем из него раздался детский голос:

— Кто там? — голос был странный, неприятный, но всё равно принадлежал ребёнку.

— Э-э, здравствуй, не мог бы ты позвать кого-нибудь из взрослых?

— А никого нет. А что вам надо?

— Ну, тогда позови кого-нибудь из вашей прислуги...

— Мы не держим прислуги... А вы что, заблудились? — в голосе слышалось ехидство.

— Да... не мог бы ты сказать, где я нахожусь? — сперва Дирка удивило, как ребёнок смог догадаться о его положении, но потом ему пришло в голову, что в такой глуши свернувшие не туда часто спрашивают дорогу у обитателей странного дома.

— Вы у меня дома, — голос стал очень серьёзным.

— Нет, ты не понял, какой это округ, где ближайшее федеральное шоссе или что-то в этом роде?..

— Не знаю, а спросить мне не у кого.

— Ну, как не знаешь? Каждый ребёнок должен знать свой адрес, на случай если потеряется. Тебе вот сколько лет? И когда в таком случае вернуться твои родители?

— Мне это не нужно, я не потеряюсь никогда. А родителей у меня нет.

— Ну, неужели ты один в таком большом доме? — на самом деле Дирк дома не видел, но если судить по ограде, то он действительно должен быть большой.

— Да, один. Если хотите, можете зайти и кого-нибудь подождать.

— Охотно. А кто должен прийти?

— Не знаю, кто-нибудь...

Едва динамик замолк, как ворота стали медленно открываться. Дирк заскочил в машину и поехал внутрь. Но прежде чем достигнуть самого дома, ему пришлось ещё около пяти минут ехать по широкой дороге, которая, вероятно, была окружена густым парком. Когда он, наконец, добрался до дома, дождь на время прекратился, и он смог рассмотреть огромное обветшалое архаичное строение, большинство окон которого было наглухо заколочено. Дальнейшее созерцание дома было прервано вновь начавшимся ливнем и призывно распахнувшейся входной дверью.

Внутри было темно и душно. Влажный воздух сразу же окутал Дирка, который на мгновение пожалел, что принял приглашение маленького хозяина. Но сам же думал напроситься в гости, так что получай.

— Эй, хозяин, ну что же ты, встречай, — голос как-то сразу осел на пол, как будто придавленный тяжестью дома и воздуха, наполняющего его.

Внезапно в темноте холла блеснул отражённым неизвестно откуда здесь взявшимся светом беззубый динамик:

— Я здесь. Проходи. Я приготовил тебе комнату, — голос перестал быть серьёзным и снова стал предательски ехидным, — поднимайся по правой лестнице, потом налево.

Дирк почувствовал себя очень неудобно и начал подумывать о том, что лучше уехать отсюда и переночевать в машине где-нибудь на обочине, но нежелание показывать свой страх перед ребёнком всё же взяло верх. К тому же, едва из динамика раздался голос, входная дверь тихонько закрылась за ним, и что-то подсказывало Дирку, что несмотря на то, что она выглядит довольно хлипкой, открыть её будет очень непросто.

Поднявшись по указанной лестнице и свернув в левый коридор, Дирк увидел ещё один “рот”, который выдал ему новые указания относительно его маршрута. Так, тёмными переходами, лестницами и коридорами, выглядевшими нежилыми и заброшенными очень давно, на стенах которых внезапно вспыхивали начищенной медью всё новые динамики, Дирк добрался до большой деревянной двери, которая, как и всё в доме, выглядела ветхой и прогнившей и, по его прикидкам, расположенной в левом крыле дома.

Комната, которую ему выделил невидимый хозяин, оказалась неожиданно чистой и светлой, с большой, застеленной ярким покрывалом кроватью, с занавесками на окнах, с небольшой люстрой под потолком и даже фотографией какого-то пляжа над изголовьем кровати. Дирк постоял немного на пороге — ждал, пока снова откликнется маленький хозяин, не дождавшись, вошёл, разделся и лёг спать. В эту ночь спал он просто отвратительно.

Всю ночь по коридорам дома, показавшегося ему пустым, бегали, кричали, периодически разражаясь то истерическим смехом, то дикими воплями, как будто кого-то обливали кипятком, сменявшимися завывающими рыданиями. Причём, судя по доносившимся звукам, бегающих, кричащих и плачущих было гораздо больше, чем оставшийся один дома маленький мальчик. Наконец, усталость дня, проведённого за рулём, всё же дала о себе знать, и Дирк провалился в тяжёлый сон.

Проснулся он совершенно невыспавшимся. Словно и не ложился совсем.

Дождь закончился, и теперь через занавески пробивался яркий солнечный свет. Занавески! Дирк подскочил на скрипнувшей кровати. Занавески были совершенно выгоревшие и, вдобавок ко всему, грязные. Но он отлично помнил, что вчера они были ярко-жёлтые, с нарисованными на них ромашками.

Дирк огляделся. Да, комната однозначно преобразилась за ночь. Кровать, бывшая ещё вчера в отличном состоянии, теперь отчаянно скрипела при каждом его движении, а вместо белоснежных простыней он лежал на каком-то грязном полосатом матрасе, вообще без простыни. Комната словно бы за одну ночь состарилась лет на тридцать. Причём все эти тридцать лет в ней обитал некто, не имеющий понятия о чистоплотности. Хорошо хоть с его одеждой ничего не случилось. Лежит так, как он её вчера оставил. Дирк поспешил одеться и выскочил в коридор.

Там, несмотря на яркий солнечный день снаружи, было темно так же, как и ночью. И так же, как и ночью, блестели начищенной медью,

отражая непонятно откуда взявшийся свет, страшные динамики. Правда, сейчас все они молчали. Изрядно поплутав по тёмным коридорам, Дирк в конце концов всё же выбрался в холл. Открыл тяжёлую входную дверь.

Напротив дома, там, где вчера находился парк, теперь раскинулся город. Небольшой городок выглядел совершенно заброшенным, бесприютно плясая выбитыми окнами одноэтажных домиков. Не было слышно ни единого звука, казалось, жара, необычная для этого времени года, питалась ими и горела только благодаря им. Машина стояла там же, где он её вчера оставил.

Ничего не понимающий Дирк сбегал с крыльца и бросился к машине, сейчас он хотел только одного — поскорее завести двигатель, услышать в этой жуткой тишине его спокойное урчание, в котором, кажется, можно разобрать слова: “Не переживай, мы уедем отсюда, как только ты захочешь”.

Вдруг из-за угла заброшенной бензоколонки появилась стайка детей. Очень странных детей. Все они были одеты в грязные оранжевые комбинезоны и, едва заметив машину, с восторженными криками — не такими, как кричат, когда находят подарки на Рождество, а больше похожими на обречённый боевой клич — с остервенением на чумазых физиономиях бросились к ней, на ходу подбирая с земли камни и какие-то железяки. Дирк уже стоял возле машины и почувствовал, что эти дети, эти противоестественные дети, сейчас не только разнесут его машину, но и убьют его самого с той тупой жестокостью, когда ребёнок отрывает задние лапы жуку и смотрит, как тот пытается уползти от него, перебирая передними. С той неосознанной и необоснованной детской жестокостью, но доведённой до максимума, до своего абсурдного апогея.

Неожиданно на одной из примыкающих улиц появилась ещё одна кучка... детей? Эти представляли собой ещё более ужасное зрелище: они были одеты в какие-то изодранные полосатые не то пижамы, не то просто тряпки. И были совершенно лысы, только у некоторых на макушках проклёвывался реденький пушок. Увидев шайку в оранжевых комбинезонах, они тоже начали подбирать с земли импровизированное оружие. Именно оружие, как бы ужасно это не звучало в сочетании со словом “дети”, в их руках это было именно оружием. “Оранжевые” тоже их заметили и, забыв о машине, бросились к ним навстречу.

Драка была жестокой и какой-то странной. Ни криков боли, ни плача побитых, ни даже ругательств. Они бились молча и сосредоточенно, словно просто выполняли какую-то нудную, но необходимую работу. И эта тишина придавала картине ещё большую жестокость. И только сейчас Дирк заметил, сперва он даже не обратил на это внимания, что и в той и в другой группах были как мальчики, так и девочки, и все они дрались наравне друг с другом.

Всё закончилось неожиданно. Дети, казалось, услышав какой-то сигнал, или будто бы при появлении взрослых, прыснули в разные стороны. Дирк даже начал оглядываться — может, действительно появился кто-то, чтобы положить этому конец? Нет, всё снова было пусто и молчаливо.

Ошарашенный увиденным, Дирк сел в машину, вставил ключ в замок зажигания, повернул... Автомобиль только хрюкнул, и больше ничего. Дирк повторил — снова безрезультатно. Он начал нервничать.

— Ч-чёрт! — Дирк снова и снова дёргал зажигание.

— У вас выхлопная труба грязью забита.

От неожиданности Дирк аж подскочил, а самому ему показалось, что его сердце должно выскочить через горло. Он резко обернулся влево, на этот тихий голос.

— Пожалуйста, не бойтесь, — возле машины стоял мальчик в таких же полосатых лохмотьях, с перемазанным лицом, свежим шрамом на лбу и в треснутых очках с поломанной дужкой. Очки всё время норовили упасть, и мальчику постоянно приходилось поправлять их рукой.

— Пожалуйста, не бойтесь, — повторил он. — Меня зовут Тим. Давайте я вычищу вашу выхлопную трубу, а вы за это возьмёте меня с собой.

— ... нет, простите, не могу вспомнить... — Тим водил грязным пальцем по дорожной карте Дирка, читая названия городов, городков и деревень, пытаясь назвать место, где они находятся. — Простите меня, я забыл.

Они сидели в машине. После того как Тим выковырял ком грязи из выхлопной трубы, она завелась, и сейчас стояла заведённая, на случай, если снова кто-нибудь появится.

— Послушай, Тим, а мы что, не можем спросить у твоих родителей?

— Я... я не помню своих родителей, — Тим уставился в пол и покраснел. — Они ушли недавно, а я уже и не помню их, мне так стыдно... Я знаю, что у меня были мама и папа, но они были так давно...

— Куда ушли?

— С Питером. Он пришёл к нам в город и стал ходить по домам и играть на своей шарманке, а когда наши родители выглядывали, чтобы прогнать его, он начинал говорить им о разных делах, которые где-то ждут их, и они шли за ним. И так от одного дома к другому. А потом они все вместе ушли. А Питер остался. Он показал нам новые игры, он говорил нам, как хорошо быть маленьким, и о том, что пока мы маленькие, нам всё можно, потому что всё как бы понарошку...

— Что же, никто не стал скучать по своим родителям, никто не захотел узнать, где они, и пойти к ним?

— Я захотел... Но надо мной все стали смеяться и дразнить "маменькиным сыночком", и я замолчал...

— А этот Питер, он сейчас здесь, в городе? Как мне его найти?

— Не нужен он вам! — Тим, всё время говоривший тихо, вдруг закричал. — Не надо вам к нему!

— Тише, успокойся. Я только спрошу у него дорогу, он-то должен знать. Только спрошу, и мы с тобой уедем.

— Да? — Тим подозрительно взглянул на него. — Точно?

— Честное слово.

— Ну... поедете вот по этой улице, — грязный палец тычет куда-то влево. — И там будет большой магазин. Там живёт Питер. Только я с вами не поеду. Я вас здесь подожду, а вы как узнаете дорогу, приезжайте сюда и заберите меня. Только обязательно.

Дирк поехал по указанной ему улице и в зеркале заднего вида долго ещё видел стоявшего на дороге мальчишку. Потом он вдруг куда-то неожиданно исчез.

Через некоторое время он действительно увидел магазин, где раньше торговали телевизорами. Наверное, в нём, единственном во всём

городе, сохранились в целости стёкла, а на витрине даже стояло несколько телевизоров, показывавших бесконечную чёрно-белую метель отсутствия канала. “И откуда у них только электричество?” — мелькнуло в голове у Дирка.

С некоторой опаской он оставил машину у входа — пока ехал, видел мелькавшие тут и там оранжевые комбинезоны, полосатые пижамы и перемазанные лица — и вошёл внутрь. Прямо посреди комнаты на телевизоре сидел клоун с блёклым лицом, невозможно было понять, то ли это грим выцвел, то ли и был таким с самого начала, и словно бы обгрызенными мочками ушей...

— Входи, — казалось, клоун не шевелит губами, а только приоткрывает рот в узкую щель. — Сразу предупреждаю твой вопрос: да, я — Питер.

— Что ты сделал с этими детьми? — от такого начала разговора Дирк опешил и выпалил сразу свой вопрос.

— А что я с ними сделал? Я подарил им детство. Вечное детство. Ведь ребёнок вырастет только когда рядом с ним родители, которые, ориентируясь только на время, прошедшее с момента его рождения, возлагают на ребёнка всё большую ответственность. И под её грузом ребёнок вырастет. Теперь у них нет ответственности, они не повзрослеют. Не вырастут. — Питер говорил спокойно и как-то меланхолично.

— Но так ведь нельзя! Всему должно прийти своё время, и детству, и ответственности.

— Нет. Детство — самое прекрасное. У меня его не было, я появился таким, каким ты меня видишь сейчас, и от этого я несчастен. Но я подарил этим детишкам бесконечное детство, радость познавать окружающий мир, радость первой детской влюблённости, первый раз самому что-нибудь разобрать, первый раз подраться, наконец...

— ... Не заметно, чтобы они дрались в первый раз.

Но Питер его не слышал:

— И рядом с ними я сам становлюсь маленьким, обретаю то, чего у меня никогда не было.

— Но посмотри, что с ними стало! Они же просто стая зверят! Они же ходят в лохмотьях! Вместо игрушек у них камни и палки, которыми они калечат друг друга!

— Это только так кажется. И вообще, какое тебе до них дело... — клоун перегнулся назад и взял что-то лежавшее за телевизором, на котором он сидел.

— Как какое?!

— Это же даже не твои дети, я сомневаюсь, что твои дети более счастливы, чем они... — теперь он держал в руках небольшую деревянную шарманку с облупившейся на углах краской.

Он начал неспеша поворачивать ручку: странная щёлкающая музыка.

Дирк вдруг вспомнил, что ведь действительно, дома его ждут дети — Эдди и Мила...

— ... к тому же у тебя и своих забот хватает...

А в понедельник у него три операции, да ещё и ночное дежурство. Какого чёрта?! У него болеет отец, он ехал к нему, а застрял здесь, с этими...

— ... езжай на запад...

Машина неслась через странный город, поднимая облака пыли. И как его только угораздило во что-то пытаться влезать? Сами пускай разбираются, вон какие самостоятельные детишки, чуть машину не разнесли... Всё сами, сами. Вот только паренёк этот, как его, Тим, пообещал ведь ему. Ну да, а куда я его потом-то дену? Ни к себе же жить? Нет, такого я даже близко не подпущу ни к Эду, ни к Миле. Ну пообещал, ну и что? Мало ли что можно пообещать ребёнку? У взрослых есть гораздо более важные дела.

Людмила ШАЙДУРОВА

Говорила мама...

... И сошлись в Великой Битве Главный Герой с Главным Злодеем и их могучие армии.

Как две волны налетали армии друг на друга, и разносились над полем брани брань, боевые кличи, звон и лязг оружия. На скале, полусотней метров выше, скрестили тяжёлые мечи предводители армий.

— Тебе не жить, Узурпатор! — прокричал Герой — солнце запуталось в коротких золотистых волосах, отразилось в голубых глазах — и занёс меч над противником, но тут что-то грохнуло, и всё вдруг стихло.

— Что? — спросил в тишине Герой, удивлённо вертя головой.

— Перерыв, — глухо пояснил Главный Злодей сквозь шлем. — Вы, юноша, я вижу, — новенький?

— Ну да, только от сохи, — сознался Герой рассеянно.

— Дело молодое, втянетесь, — и вниз: “Ребята, я не расслышал, что там?!”. —

— Говорят, автобус подъехал! — рывкнули снизу.

— Это надолго, — сделал вывод Злодей. — Курим, ребята!

И стаянул шлем. Оказался он почти лысым старичком с острыми ушами. Протерев лысину неизвестно откуда взявшимся платочком, он тяжело опустился на камень рядом, громко лязгнул доспехами. Неуловимым движением достал трубку и прикурил.

— Хорошо вам, Добру, — всё время молодеете, а Зло должно быть не только древним, но и страшным... А вообще, молодой человек, мне ваши глаза нравятся. Цикл длинный, так что всё у вас впереди — может, ещё и коллегами будем...

— Да как ты!.. — вышел наконец из оцепенения молодой противник и снова поднял меч.

— Шухер! — гроыхнуло откуда-то сверху. Воинства внизу за мгновение позатаптывали “бычки”, попрятали стаканы и выстроились точно так же, как стояли прежде, “мёртвые” разлеглись по местам в живописных позах. Главный Злодей молниеносно натянул шлем и тоже встал в позицию.

— Чего? — захлопал длинными ресницами Герой. — И откуда у меня эти ресницы?

— А это она рекламу какую-то увидела, — непонятно пояснил противник и подсказал: “Тебе не жить, Узурпатор”.

— Тебе не жить, Узурпатор, — послушно проговорил Герой и неловко занёс меч.

— Отбой, — вздохнули сверху.

— Да что ж такое?! — возмутились снизу и чем-то лязгнули.

— Автобус такой! — громко пояснили сверху. — Резко остановился, а она только начала... Но удержалась. Зубами... Конечно, костюм мужчины рядом жалко... — голос угас.

— Молодец она у нас, цепкая, — с любовью в голосе сказал Главный Злодей и стёр скупую слезу умиления, почему-то прямо со шлема.

— А читать дальше не стала, — снова включился голос сверху, на этот раз в нём слышалась вселенская печаль. — Удивительно, как она до этого столько без перерыва читала...

Главный Герой сидел на камне и рассеянno наматывал на палец длинную волнистую прядь своих каштановых волос.

— Дочитает она когда-нибудь или нет? — спросил он, бросив взгляд на соперника.

— Экзамены у неё, учится, — Главный Злодей продемонстрировал согнутый интегралом меч.

— Учится? — нервно переспросил Герой. — А это откуда? — он оттянул прядь, чтобы враг полюбовался.

— Экранизация "Властелина Колец", — пожал плечами Главный Злодей. — Она когда его читала, я Сауроном работал...

— А шлем почему такой? С рогами?! — продолжал возмущаться Герой.

— Это из экзамена по истории, про викингов учила.

— Но я же не викинг! И даже не скандинав! — в голосе Героя начали проявляться истерические нотки. Он шумно втянул воздух и вдруг заплакал, опустив лицо в ладони:

— Не могу так боооольшееееее...

Главный Злодей вздохнул, пригладил длинную серебристую шевелюру и усы и подхватил тянущееся снизу:

— Я — ночной хулиган, у меня есть наган...

— Права была мама, — перебил Герой, поднимая мокрое лицо от ладоней и обводя тоскливым взглядом окрестности: небо с солнцем и луной одновременно, дерущихся на склоне горы археоптерикса и тролля, сидящие рядом армии, одетые тевтонцами, тамплиерами, госпитальерами, викингами, русскими богатырями и даже самураями...

— Права была мама, не надо девушкам читать, у них от этого в мозгах полный беспорядок...

Ухожу

Всем охотникам за нечистью посвящается

"Я ухожу, — думаю я. — Ухожу...". Больше ничего не приходит в голову, даже синоним не могу придумать. Просто ухожу...

... Раннее утро, неяркий свет, нарезанный ломтиками через жалюзи, дешёвое кафе, немногочисленные посетители, судя по глазам — не понимающие, что делают здесь в такое время. И официантка, прервавшая наш разговор, тоже не выглядит проснувшейся. Мы, наверное, слишком бодры для утра. И вообще не к месту здесь. По крайней мере — я. Блуза с коротким рукавом, чёрная юбка, туфли на каблуке — офисная работница, взглянувшая выпить кофе по пути на работу. Вот только офисные работницы не войдут в кафе с до нечитаемости выцветшей вывеской, ободранными

стенами и косыми столами. И уж точно не станут пить местный кофе. Если, конечно, так можно назвать эту коричневую бурду. И, наверное, нормальная офисная работница никогда даже не заговорит с молодым человеком, что сидит напротив меня...

Заросший щетиной, с кругами под глазами и перечёркивающим левую бровь шрамом, одетый в кожаную куртку в жаркое утро, ты едва ли произведёшь хорошее впечатление на романтическую офисную девушку... Ну и дура она, эта романтическая офисная девушка. Только так и может выглядеть современный принц.

Тебе стыдно. Вижу, что тебе дико стыдно за это кафе, будто сам довел до такого состояния. Дико стыдно, что ты не можешь привести меня в ресторан, стыдно, что ты слишком похож на среднего посетителя этой забегаловки. И знаю, что бесполезно что-то говорить и как-то переубеждать, стыд в глубине твоих глаз никуда не исчезнет. Наверное, это одна из тех вещей, которые и делают тебя прекрасным принцем. Впрочем, твои глаза — вопрос отдельный. Я с детства люблю музеи, картинные галереи и ещё очень многое из того, что зовётся искусством. Но не видела ничего красивее твоих глаз. Зелёные, очень зелёные глаза, которые пошло сравнивать с изумрудами, — слишком тёплые, слишком добрые, слишком родные.

“Уйду”, — повторяю заклинанием. Сажу, опираясь локтем на стол, подпирая щеку кулаком, мизинец — у губ, чтобы не дать мыслям превратиться в слова.

Ты что-то говоришь. Не могу сосредоточиться на словах, отвлекаясь на движение губ. Улыбка между предложениями слишком милая, чуть смущённая, — вовсе инородное тело на кажущемся свирепым лице. Я знаю все возможные изгибы и движения твоих губ. Но это не мешает. Совсем не мешает засмотреться. Да и неважно, что ты говоришь — там нет ни слова о том, где ты был эти полгода и что делал. Может, случайные имена или названия, которых лучше не знать, не помнить, чтобы не искать потом ночами в Сети. Ты когда-то предлагал присылать мне открытки отовсюду, где бываешь. Но я отказалась. Мне безумно хотелось согласиться, но я вдруг представила, что однажды открытки не будет в почтовом ящике. Неделью не будет, месяц, год... Нет, не надо открыток!

Твои руки — перед тобой, на столе, в “замок”. Расцепляешь пальцы, чтобы автоматически, увлечшись собственным рассказом, провести по запястью, слегка отведя рукав куртки. Три ровные, подживающие царапины. Наклоняюсь ближе и тянусь пальцами:

— Как же ты так?

— С бродячим котом подрался...

Накрываю ладонью твой вдруг сжавшийся кулак. Врёшь. Моему коту два года — я знаю о царапинах всё. И ты знаешь, что я знаю. Ничего не спрашиваю. И совсем не хочу знать, какие ещё причины сидеть в куртке в душном зале.

“Уйду. Уйду...”

Ты появляешься в моей жизни как тайфун — всегда внезапно. С каким-нибудь глупым приветствием и пачкой шуток, которым смеюсь, хоть и хочется плакать. И уходишь, оставляя разрушения и хаос. Каждый раз всё с ног на голову. Но ты надёжен как скала. Знаю, что на помощь ты в мгновение ока примчишься с другого края света, знаю, что вытащишь, во что бы то ни стало, вытащишь хоть из Ада, знаю, что придумаешь выход из

любой ситуации. Знаю, что о самых глупых моих проблемах ты будешь слушать безропотно, даже разбуженный в три утра. Я знаю, отлично знаю. Но, просыпаясь ночью от кошмаров, я только смотрю на твой номер в списке контактов. И никогда не позвоню... Потому что не знаю, что со мной будет, если ты не ответишь. И не перезвонишь на следующее утро, и потом...

Твои шрамы... С каждым разом их всё больше, спина уже похожа на карту звёздного неба из детского учебника. Как-то раз ты прихрамывал. Как-то раз — берёг руку. И всегда делал вид, что всё нормально. Будто я могла не заметить выражения твоего лица, когда заденешь локтем косяк или неудачно переступишь. Но я делала вид, что не заметила. И когда ты появился на пороге с подбитым глазом, всё время пытаюсь повернуться здоровой половиной лица, я вновь делала вид, что не заметила, с упорством, достойным лучшего применения. Я не хочу знать. Совсем не хочу.

Потому что от этого, что бы оно ни было, тебя не оградить — не дашь. Ведь ты срываешься с места по телефонному разговору на пару секунд, прямо в ночь, ещё толком не сумев проснуться. Или — зацепившись мыслью за что-то в газете посреди завтрака, оставив откушенный бутерброд и нетронутый чай...

Это яд, пусть и сладкий, но яд. Яд смертельный и не имеющий противоядия. Яд...

Сегодня у тебя нет времени ни на что, кроме коротких посиделок в кафе. Ты даже не успеваешь подвезти меня, и в глазах вспыхивает с новой силой, погасшее было, чувство стыда. А я, прощаясь, слишком долго не могу расцепить рук и отпустить. Отпустить страшно, а ещё страшнее — что ты расслышишь это “ухожу”, бьющееся в голове.

— Я ухожу, а уезжаешь ты. Смешно, — говорю я ровно, когда машины уже не видно из-за поворота. Глупость. Просто мне хочется проверить голос. Всё нормально с голосом, просто замечательно. Никто в офисе и не заметит ничего. Впрочем, какой офис? Вчера был последний день работы, а послезавтра у меня поезд.

В ближайшем магазине меняю номер телефона. Всё, я ушла, ты — уехал. Вот только у моего кота твоё имя...

г. Астана.

Зия МУКАШЕВ,
профессор, доктор философских наук

Космонавты — новая историческая общность

*Могучее сердце твоё... о Великая, ставшая небом...
Наполняешь ты всякое место своею красотой.
Земля вся лежит пред тобою — ты охватила её,
окружила ты и землю, и все вещи своими руками.¹*

“Тексты пирамид”

*Всё слабее запах очага и дома,
молока и хлеба.
Где-то под ногами и над головами —
лишь земля и небо.²*

Общий взгляд на историю человечества базируется на выделении прогрессивного развития от стадного животного состояния до современной цивилизации, причём и в этом процессе наблюдается, как писал Г. В. Ф. Гегель, узловая линия мер, обозначенная восхождением от первобытного животного стада к племенам, народностям и нациям.

Глобализация направленно стремится к стиранию границ сложившихся национальных культур. При этом навязываются жёсткие методы, уничтожающие языковые различия народов, разрушаются методы хозяйствования, формы управления в целом, системы образования и пр. Всюду утверждаются законы рыночных отношений с их ожесточённой конкуренцией, ведущей к господству товарно-денежных связей. Всё более возрастает напряжённость процесса отчуждения. Во всех людских взаимосвязях устанавливаются прагматические отношения и создаётся массовая культура с её сердцевинной — потребительством.³

Однако не нужно быть особенно дальнзорким, чтобы увидеть, что противоречия глобализма не вмещаются в рамки земных отношений

¹ Мифология народов мира. Т. 1. “Советская энциклопедия” М., 1991, с. 421. Мифологическая сага древних египтян, посвящённая богине Нут — Небу, которая оплодотворяет Землю.

² Булат Окуджав. Избранное. Ростов-на-Дону, “Феникс”, 2000, с. 149.

³ Использована статья из Great Encyclopedia, 2003, 2CD [2].

**Зия
Аташевич
МУКАШЕВ**

родился в 1925 году. Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами и медалями. Заслуженный работник высшей школы Казахской ССР. Автор более ста публикаций. Среди них наиболее значимые: “К. Маркс и марксизм-ленинизм”, “Очерки социальной философии Ф. Достоевского”, “Лики добра”, “Женские образы культуры”, “Гримасы массовой культуры”, “Преимственность как момент развития и всеобщей связи”, “Оппозиции процесса познания”, “Религия и женщина” и др.

людей. Противоречия, оставаясь источником развития, особенно исторического, убедительно показывают, что в процессе глобализации назревают, с одной стороны, полнейший кризис общественно-исторического лица человека, деградация культуры, наиболее ярко проявляющаяся в потребительстве, и с другой стороны, назревающие новые достижения, вскрывающие космическую сущность человека. Для анализа этой сущности, а именно космической сущности *Homo sapiens*, напомним характерные черты предшествовавших исторических общностей, так как они содержатся в снятом виде во всех сегодняшних реалиях и присутствовать будут в грядущем в виде особой кристаллической решётки объективного бытия. Речь идёт об азах антропогенеза.

Антропогенез — это процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначального развития его трудовой деятельности, речи. В основе представлений об антропогенезе лежит симиальная (от лат. *simia* — обезьяна) гипотеза происхождения человека от высокоразвитых обезьян третичного периода, впервые подробно разработанная и аргументированная Ч. Дарвином (1871). Впоследствии было получено много новых данных в подтверждение этой гипотезы, особенно палеонтологических и этологических (связанных с изучением поведения приматов), а также из области сравнительной биохимии и иммунологии, молекулярной биологии и генетики. Вторая половина 20-го века в антропологии ознаменовалась информационным взрывом в результате резкого увеличения числа находок ископаемых предшественников человека в Африке и Евразии. Начиная с 60-х годов, в антропологии широко внедряются новые, прежде всего, радиометрические методы датирования костных остатков и вмещающих их геологических пород, а также методы молекулярной биологии, позволяющие установить примерное время расхождения современных видов приматов и человека от общего предка и определить степень прямого родства современных и ископаемых форм по особенностям строения их молекул (ДНК, белков и др.).

В зоологической систематике род человек (*Homo*) относится к отряду приматов, в который входит в составе семейства гоминид (*Hominidae*). Развитие приматов, гоминид и человека протекало на протяжении кайнозойской эры. В соответствии с международной геохронологической шкалой она подразделяется на палеоген, начавшийся около 66 млн. лет назад и представленный 3-мя эпохами (палеоцен, эоцен и олигоцен), неоген, начавшийся около 25 млн. лет назад и включающий 2 эпохи (миоцен и плиоцен) — вместе они составляют третичный период, и антропоген — четвертичный период, начавшийся около 2 млн. лет назад и состоящий из 2-х эпох (плейстоцен и голоцен).

Приматы выделились как отряд млекопитающих в конце мелового периода, около 70 млн. лет назад. Их предками, по-видимому, были похожие на современных тупай мелкие насекомоядные животные, переходившие к растительной и всеядности. Ранние этапы эволюции приматов изучены мало. Около 55 млн. лет назад низшие приматы стали широко расселяться в тропических лесах Северной Америки и Европы, составлявших в то время единый континент. Это были предшественники современных полуобезьян, лемуринов и долгопятов — адапиды и омомиды. Какая-то из этих групп на рубеже эоцена и олигоцена (около 40-35 млн. лет назад) дала начало высшим приматам — антропоидам.

Известны два основных центра возникновения и расселения таких ранних обезьян в Старом Свете — Юго-Восточная Азия (современная Мьянма) и Северная Африка; в Южную Америку предки обезьян проникли, вероятно, несколько позже. Начальные этапы эволюции обезьян Старого Света тесно связаны с Северной Африкой. Здесь, в тропических лесах Фаюма (современный Египет), в олигоцене обитали примитивные древесные обезьяны — парапитеки и проплиопитеки. Уже в раннем миоцене (25-20 млн. лет назад) африканские обезьяны разделялись на низших (мартышкообразных) и высших (человекообразных, или гоминоидов), хотя между ними было значительно больше сходства, чем между современными представителями этих групп. Возможно, их общими предками были североафриканские проплиопитеки, особенно египтопитек, живший 28-26 млн. лет назад. Последний считается наиболее вероятным предком раннемиоценовых дриопитеков (проконсулов), впервые появившихся в Восточной Африке примерно 24-22 млн. лет назад. Именно среди дриопитеков ещё со времён Дарвина ищут общие корни человека и африканских человекообразных обезьян. К этому времени материки уже заняли своё современное положение, а на месте огромного доисторического моря Тетис возникла цепь солёных водоёмов, в том числе Средиземное, Чёрное и Каспийское моря. Появилась возможность свободных миграций животных из Африки в Европу и Азию. В период 20-16 млн. лет назад обезьяны стали широко распространяться в Южную Европу, Переднюю Азию и далее на восток, что привело к обособлению восточного (азиатского) ствола гоминоидов. Ещё недавно многие учёные считали, что некоторые прогрессивные обезьяны этого ствола — рамапитеки — впоследствии вернулись в Африку, где дали начало линии, ведущей к человеку («рамапитекоидная гипотеза»).

Многое, однако, говорит за то, что предки человека не покидали Африку. Косвенно об этом свидетельствует, например, поразительная близость человека и африканских человекообразных обезьян по строению ДНК, белков (в том числе гемоглобина), по группам крови и др. признакам. Вероятно, общими предками человека, шимпанзе и гориллы были какие-то поздние прогрессивные дриопитеки, жившие около 10-8 млн. лет назад. Разделение этого африканского ствола гоминоидов на западную (обезьянную) и восточную (человеческую) ветви случилось скорее всего 6-8 млн. лет назад. Развитие ветви, приведшей впоследствии к человеку, происходило в области Восточно-Африканской рифтовой системы. Этот район характеризовался активными процессами в земной коре: землетрясениями, извержениями вулканов, а также повышенным уровнем радиации, что могло значительно ускорить мутационный процесс. Сведение лесов и распространение саванн стимулировало к концу миоцена выход предков человека в более открытую местность. Освоение новой экологической ниши потребовало изменений в поведении и, в первую очередь, перехода к прямохождению, что обусловило обзор местности, использование палок и камней для защиты и других целей и далее развитие орудийной деятельности.

Древнейшими достоверно известными представителями человеческой линии эволюции были высокоразвитые двуногие человекообразные — австралопитеки, а также близкие к ним формы, которых обычно уже считают первыми людьми (гоминидами). Они появились в Восточной, а

затем и в Южной Африке, в плиоцене — около 5-4 млн. лет назад. Возможно, что уже в одной из групп ранних австралопитеков развились древнейшие представители рода человек, известные в Восточной Африке, по крайней мере, начиная с 2 млн. лет назад. Большую их часть относят к виду человек умелый (*Homo habilis*). Хабилисы — преимущественно восточно-африканские гоминиды периода 2-1,5 млн. лет, напоминавшие по внешнему виду некоторых австралопитеков, но со значительно более крупным мозгом (средний объём около 660 см³ против 400-500 см³ у австралопитеков). Их считают основными творцами древнейшей каменной культуры — олдувайской, впервые обнаруженной в 1959 в ущелье Олдувай, в Танзании. Иначе эту культуру именуют ещё галечной или рубило-осколочной.

Эволюция человека протекала на протяжении плейстоцена — ледниковой эпохи, в течение которой происходили значительные колебания климата. В умеренных широтах Северного полушария чередовались оледенения и межледниковья при общей тенденции к постепенному похолоданию. В субтропиках климат становился более влажным, а тропики высыхали, сводились леса, сокращалась площадь водоёмов, понижался уровень моря, возникали сухопутные мосты. Вероятно, первым видом рода *Homo*, расселившимся во внетропическом пространстве и проникшем в область с умеренным климатом, был человек прямоходящий (*H. erectus*), или архантроп. Эти люди жили в Восточной и Северной Африке, Индонезии, Китае в период от 1,8/1,6 до 0,3 млн. лет назад; они имели более крупный мозг (в среднем 900-1000 см³), изготавливали более совершенные орудия, чем их предшественники, охотились на крупную дичь, использовали огонь. Типичными их представителями были питекантропы и синантропы. В Европу представители человека прямоходящего проникли около 1 млн. лет назад, а возможно и раньше — до 1,5-2 миллионов лет, если судить по археологическим данным и возрасту одной из последних находок эректуса непосредственно “у ворот Европы” — в Южной Грузии.

Человек современного типа — человек разумный (*H. sapiens*), или неантроп, — появляется в некоторых регионах Старого Света не позднее 0,1 млн. лет назад или даже раньше. Полное же замещение сапиенсом его предшественников произошло примерно 40-30 тыс. лет назад. Именно этот переходный период между эректусом и сапиенсом считается наиболее сложным и загадочным этапом эволюции человека.

Это время палеонтропов — весьма разнообразного по физическому типу населения Африки и Евразии. Гоминид этого периода многие учёные считают уже архаическими (древнейшими) сапиенсами, которые по времени предшествовали “анатомически современному человеку”. Наиболее известным вариантом архаического сапиенса являются неандертальцы. Конечно, далеко не все архаические сапиенсы превратились в современных людей. Есть даже точка зрения, что в конце плейстоцена (около 200 тыс. лет назад) численность гоминид резко сократилась, и современные люди первоначально появились в одном центре, скорее всего в Африке южнее Сахары. Возможно, некоторыми чертами они напоминали людей современного типа — кроманьонцев. Примерно 100 тыс. лет назад эти люди начали расселяться по Европе, Передней Азии и другим регионам земного шара. Эту, так называемую миграционную гипотезу, или теорию моноцентризма, иначе называют “гипотезой африканской Евы”, так как основным аргументом её сторонников служат данные о распространении в

различных группах современного населения идентичных генов митохондриальной ДНК, передающихся только по женской линии. Противоположная точка зрения (эволюционная гипотеза, или теория полицентризма) предполагает независимое развитие сапиенса в нескольких (от 2 до 4-5) центрах с культурной и генетической преемственностью между ранним и более поздним населением. Наиболее вероятно, что на этих этапах эволюция человека происходила при смешениях между разными группами развивающихся гоминид, то есть по сетевому типу.

Заселение человеком Америки и Австралии началось не позднее 40-30 тыс. лет назад. Предки американских индейцев проникли из Северо-Восточной Азии через Берингию сначала в Северную Америку, а затем в Центральную и Южную Америку. Предки австралийцев возможно заселяли Австралию с запада (из Индонезии) и с северо-востока (из Южного Китая) через Индокитай и острова. Этот этап предшествовал окончательно формированию современных рас, которое происходило на основе уже сложившегося сапиенса. К концу плейстоцена (примерно 10 тыс. лет назад) гоминиды распространились по всему земному шару.

Начиная примерно с 40 тыс. лет назад, устанавливается относительная стабильность физического типа человека; напротив, весьма медленная до этого эволюция культуры с появлением человека разумного сменяется развитием во всё возрастающем темпе. Происходит постепенное сужение сферы действия естественного отбора в силу создания культурной среды. Однако биологическое развитие современного человека продолжается. На протяжении современной геологической эпохи (голоцена) прослеживаются некоторые проявления так называемой “эволюции утрат”, выражающейся, например, в ослаблении челюстного аппарата и зубной системы, а также в эпохальных сдвигах — серии разнонаправленных изменений, затрагивающих общие размеры тела, массивность скелета, форму головы, темпы развития, структуру заболеваемости и многие другие признаки. Вопрос о том, насколько эти процессы затрагивают генофонд человечества, остаётся пока недостаточно изученным, поскольку на них влияют многие общие и локальные, биологические и социальные факторы в их сложном взаимодействии. Ослабление действия естественного отбора иногда оценивают как фактор, угрожающий человечеству генетической деградацией: из-за накопления вредных мутаций — генетического груза — может возрасти частота наследственных заболеваний и аномалий. Вместе с тем, значительный рост населения Земли при всё усиливающихся его миграциях и смешениях препятствует проявлениям мутационного процесса и дальнейшей биологической эволюции. Возможность же направленного воздействия человека на собственный генетический материал, видимо, вполне реальна. Однако эта проблема является не столько медико-технологической, сколько, прежде всего, социально-этической, затрагивающей коренные религиозно-нравственные основы современного общества.

Итак, известно, что человек появился на поверхности Земли примерно пять миллионов лет тому назад. Некоторые учёные допускают появление животных предков человека ещё на десять миллионов лет ранее. Но для нас эти цифры, в данном случае, не имеют особого значения. Важно то, что какие-то обезьяноподобные предки, ведущие древесный образ жизни, когда-то спустились на землю. Видимо, это были небольшие группы

животных подобно сохранившимся современным человекообразным обезьянам типа шимпанзе, горилл или орангутангов. Разумеется, они вели стадный образ жизни, т. е. были группами животных одного вида со взаимосвязанным поведением, как, например, живут копытные, китообразные и др. В отличие от них можно говорить о человекообразных стадных животных или организмах, входящих в одно из царств органического мира. Стадный образ жизни характерен всем антропоидным обезьянам. Эти стада состоят из кровно-родственных особей и обуславливают формы борьбы за существование и отбор. Они составляют взаимодействующие единицы фауны Земли. Особенно определяют трофические связи.

Когда речь заходит о трофических отношениях, прежде всего обращается внимание на подразделение всего живого на растения и животных. Общие свойства животных и растений — это клеточное строение, обмен веществ, что обусловлено единством их происхождения. Однако в отличие от растений животные — гетеротрофы, т. е. питаются готовыми органическими соединениями, так как неспособны синтезировать питательные вещества из неорганических соединений. Поэтому животные, как правило, активно подвижны. Хотя среди гетеротрофов есть и некоторые представители растительного мира.

Человек тоже гетеротрофен. Он употребляет в пищу растения и животных. Сам он благодаря социально-историческим факторам находится на вершине цепи питания, трофической цепи. Говоря о пищевой цепи, имеют в виду ряд организмов растений, животных, микроорганизмов, в которых каждое предыдущее звено служит пищей для последующего. Связаны они друг с другом отношениями: пища — потребитель. Пищевая цепь включает обычно от 2 до 5 звеньев: фото- и хемосинтезирующие организмы (продуценты), создающие первичную продукцию (органическое вещество); растительноядные животные (фитофаги) — первичные консументы (потребители); плотоядные животные (хищники) — вторичные консументы; разрушители мёртвого органического вещества — редуценты (грибы, одноклеточные организмы).

Человек расположен на вершине пищевой лестницы, это означает, что он потребляет и растения и животных, по существу все продуценты органического происхождения. Истории известны факты каннибализма (от франц. *cannibale* — людоед). Речь идёт о поедании человеческого мяса. Оно имело место и распространение у первобытных народов. Бытовой каннибализм практиковался на древнейшей стадии каменного века. С увеличением пищевых ресурсов сохранился лишь как исключительное, вызванное голодом, явление. Религиозный каннибализм сохранялся дольше, выражался в поедании различных частей тела убитых врагов, умерших сородичей; и был основан на убеждении, что сила и другие свойства убитого переходили к поедающему.

Поскольку животные питаются растениями, они зависят от них, так что в этом процессе возникает особая специализация. Например, австралийский медведь коала ест листья одного вида эвкалиптов, китайский медведь панда питается листьями бамбука и т. д. Приспособление к потреблению различных видов растений обуславливает зоогеографию. Такая связь может быть была и в первобытном стаде людей, и поскольку мутагенез продолжался, это стадо распадалось на отдельные группы по способу питания. В последующем из них складывались племена. Но связь живых систем, в том числе и человека, заключается не только в питании.

В данном контексте имеет значение тот факт, что растения являются источником свободного кислорода и дыхание животных напрямую зависит от растений. Наука выделяет особые биогенные элементы, это химические элементы, постоянно входящие в состав организмов и выполняющие определённые биологические функции. К важнейшим биогенным элементам относится — О. Он составляет около 70 % массы организмов, С (18 %), Н (10 %). Не менее важными являются N, В, S, Са, К, Na, Cl. Кроме того, к биогенным элементам относятся необходимые организмам химические элементы в ничтожных количествах, которые называются микроэлементами. А когда человек научился пользоваться огнём, он затянул всё ту же завязывающийся узел между собой и природой, что стало влиять не только на биологические его свойства, но и социальные движения. В этой связи вспоминаются слова К. А. Тимирязева. Он писал: “Луч солнца упал на Землю, но не на голый камень, а на былинку растения. Преобразовался в нём и, может, теперь играет в нашем мозгу”.

В последующем наука разработала особый раздел — термодинамику, в которой роль растений раскрыта со всей полнотой. Что же касается цепочки питания, то, повторяю, человек стоит на её вершине, и это обусловлено его социально-историческими особенностями. Итак, первобытное человеческое стадо могло быть разделено на небольшие группы по признаку кровно-родственных связей — суть родов. В литературе они описаны как полигамные семьи во главе с женщинами. Поэтому, когда говорят об этом периоде истории, употребляют термин матриархат. Род — коллектив кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка, носящих общее родовое имя. Род возник на рубеже верхнего и нижнего палеолита. Роды объединялись в племена. И то и другое распалось с возникновением государства. Родоплеменное деление сохранилось у некоторых народов до сих пор, а некоторые люди, живущие в цивилизованных странах, считают признаком культурности память родовых вождей до седьмого колена. В данном случае важно то, что первые семьи людей, видимо, состояли из небольших групп, напоминая стада человекообразных обезьян, которые могли быть связаны трофическими отношениями с определённой местностью. Эти роды стали материей племён. Будучи предпосылкой племён, роды состоят из особей, которые ещё не изготавливают орудия труда, хотя пользуются с этой целью некоторыми продуктами природы. Видимо, И. Бьери нарисовал далеко не фантастическую картину первых шагов существования человека. Так, он пишет: “Эти первобытные существа совсем не похожи на мирных лесных обезьян, передвигающихся на четвереньках. Они ходят выпрямившись с орудиями в руках, легко бегают по равнинам. Их орудия сделаны не из камня — это либо огромная неотёсанная дубина, либо большая кость, либо целый череп антилопы с рогами. Если кость-дубинка растрескается, её осколки с острыми краями используются как ножи для свежевания мяса”.⁴

Племена людей выделились из первобытного стада в связи с изготовлением орудий труда. Б. Франклин писал: “The men is tool making animal”. С ним согласен и К. Маркс. Добавим лишь то, что к орудиям труда относятся, как пишет английский учёный Г. Чайльд, “стандартизированные”

⁴ И. Бьери. Затерянный мир Калахари. М., 1963, стр. 16.

предметы, которые при использовании и изготовлении конституируют первую историческую общность — племя.⁵

До сих пор в разных местах на поверхности Земли обнаруживают нечто напоминающее первобытное стадо. Это группы людей всё ещё не пользующихся огнём. Так описаны дикари островов Борнео и Суматра, живущие в глухих джунглях. Сохранились и племена. Например, они встречаются на берегах Амазонки и в пустыне Калахари на юге Африки. Напомним их образ жизни. Можно пересказать книгу цитированного выше Бьери. Речь идёт о непосредственных наблюдениях автора в пустыне Калахари. Бьери жил среди них. Он пишет, что племена бушменов не более двадцати человек с утра встают и бредут, собирая по пути всё съедобное. Насекомых, растения или мелких животных. Если кто-то не смог встать, остаётся на месте ночёвки и становится жертвой хищных птиц или других животных. Женщины тащат на себе детей. Если родилась двойня, одного убивают. К вечеру подбирается место стоянки. Вываливают в кучу остатки собранной пищи и дружно поедают её. С утра жизнь продолжается....

В научной литературе такой тип отношений называется собирательством. Некоторые племена в рамках его могут быть заняты в зависимости от природных условий преимущественно рыболовством или охотой, дополняя добычу сбором растений.

Мироощущения членов племени сводятся к анимизму. Психология особой характеризуется страхом, причин которого предостаточно. Одной из них, кроме противостояния различным и многочисленным хищникам, может быть каннибализм.

Состояние вечного страха отмечал миссионер Чалмерс у туземцев Новой Гвинеи: “Это состояние страха, которое испытывают дикари друг перед другом, поистине плачевно; они верят, что всякий чужеплеменник, всякий дикарь угрожает их жизни. Малейший шорох, падение сухого листа, шаги свиньи, полёт птиц пугает их ночью и заставляет дрожать от страха”.⁶ Широко используется магия. Кстати, магия является одним из мощных интеграторов коллективности членов племени.

Распространена охотничья магия и её другие виды. В связи с господствующим состоянием страха каждый член племени практикует вредоносную магию. “Всякую болезнь, смерть по крайней мере, если причины той или другой не видны непосредственно, австралийцы приписывают колдовству врагов, т. е. чужеплеменников”.⁷ Даже процесс размножения считается результатом магических обрядов. Вот, например, весьма показательное заключение: “Я принадлежу к тотему кенгуру. Всем известно, кенгуру создал эвкалипт мутжу. Каждый год старейшины рода кенгуру жуют кору мутжу. Когда она превращается в кашу, они выплёвывают её и начинают петь. “Женщины тотема кенгуру пусть рожают детей”. Через несколько месяцев все женщины и в самом деле беременеют. Каждый алава верит, что оплодотворяет женщину его тотем после того, как Радуга-змея проложила дорогу. В последние годы я получил медицинское образование и внимательно слушал лекции врачей, которые

⁵ Г. Чайльд. Археологические документы по предыстории науки. “Вестник мировой культуры”, 1957, № 1, стр. 26.

⁶ Токарев С. Л. Ранние формы религии. М., 1990, с. 86-87.

⁷ Там же, с. 85.

уверяли, что зачатие есть следствие оплодотворения женского яйца мужской спермой в процессе полового сношения. Услышь это алава, они смеялись бы до колик в животе”.⁸

Племя — тип этнической общности и социальной организации первобытного общества. Характерны: кровнородственная связь между его членами, деление на роды и фратрии, общность территории, некоторых элементов хозяйства, самосознания и самоназвания, обычаев и культов, для позднего этапа — самоуправление, состоящее из племенного совета, военных и гражданских вождей. Образование союзов племён, завоевания и переселения вели к смешению племён и возникновению более крупных этнических общностей. Всё первобытное общество (общинно-родовое, родовое) охватывает эпоху от появления первых людей до возникновения государства. Оно характеризуется коллективным трудом и потреблением. Основной ячейкой первобытного общества, по мнению большинства учёных, был материнский род.

Развитие производства и общественного разделения труда привели к возникновению частной собственности, индивидуального хозяйства и распаду рода, выделению зажиточной верхушки, превращавшей в рабов сначала военнопленных, затем обедневших соплеменников, что вызвало появление социальных групп и государства. Повторяю: у некоторых народов пережитки первобытного общества сохранились до сих пор.

Неолитическая революция завершила собирательство и вместе тем положила конец племенной организации общества. Далее начинается история народов, хорошо представленная древними цивилизациями, которые, как правило, выливаются в рабовладение. Теперь господствует классовое расслоение общества.

Трудно переоценить культурные достижения древних народов. До сих пор восхищают людей так называемые семь чудес света, созданные в этот период истории. Разумеется, имеют значение не только они. Достаточно вспомнить образцы и других величайших достижений древнеегипетской культуры или культуры древних греков. Не только материальные памятники в виде величественных пирамид или грациозных скульптур, весь образ жизни и особенно духовные достижения говорят сами за себя. Некоторые учёные справедливо допускают, что они могут посрамить многие современные народы и нации.

Весьма характерно для народов — это союз племён. Преодолевая языковые барьеры, что отмечено в мифе о вавилонском столпотворении, люди строили города, создавали могучие империи, как Александр Македонский, и распространяли достижения культуры того или иного племени, захватившего вершину народного представительства и управления.

У народов появляются, благодаря широкому использованию системы рычагов в строительстве мощных сооружений общественного характера, зачатки науки, философия и политика. Возникает и укрепляется представление о том, что человек вообще политическое существо, собственно, речь в данном случае идёт о том, что человек — житель города. Народы продолжают своё существование и в период феодализма, которому кроме классового присуще сословное деление населения по роду занятий.

⁸ Локвуд Д. Я. Я — абориген. М., 1971, с. 102.

А буржуазные революции дают начало нациям. Нация (от лат. *natio* — племя, народ) — историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. Нации складываются из различных племён и народностей. Ряд современных учёных связывают нацию с определённым народом и включают в число её сущностных принципов общность самосознания и социальной структуры; другие рассматривают нацию как общность принадлежности к определённому государству. Начинается глобализация. Наука становится непосредственной производительной силой общества, что приводит к мощному расцвету науки и техники и к началу космической эры истории.

Начало космической эры точно датируется, поскольку мы являемся его современниками, это — 4 октября 1957 года. Этот день отмечен запуском в СССР первого искусственного спутника Земли. Далее идут первый космический полёт человека — 12 апреля 1961 (Ю. А. Гагарин, СССР), первая высадка людей на Луну — 21 июля 1969 года (Н. Армстронг, Э. Олдрин, США). Уже то, что известно о дате появления космонавтов, говорит о некоторых важных отличиях этой новой исторической общности. Все предшествовавшие исторические объединения имеют, так сказать, диффузное происхождение, длящееся во времени, и сказать, что племя начинается с определённой даты, бессмысленно. Предпосылками любой исторической общности являются индивиды. Но космонавты подбираются из наличного количества индивидов прежде всего по состоянию здоровья. Причём понятие “здоровье” при отборе космонавтов имеет совершенно определённый смысл. И в этом случае идёт процесс выделения новой исторической общности по характеру физиологических и психических признаков. Это выделение закрепляется системой тренировок и определённым местом жительства космонавтов типа “звёздных городков” и иных поселений с обстановкой, способствующей дальнейшей спецификации отобранных людей. Там они формируют свой тип мышления, готовящий их к полётам в космос. В данном же случае известно, что в результате для обеспечения полётов космических аппаратов начинают вполне осознанно создаваться космодромы, наземные службы управления, связи, обнаружения и эвакуации спускаемых аппаратов. С конца 1980-х годов планомерно осуществляются пилотируемые полёты, используются орбитальные станции для решения научных и ряда прикладных задач, автоматические космические аппараты для исследования планет Солнечной системы, Солнца, комет. Запущено значительное число искусственных спутников Земли прикладного назначения (для связи и ретрансляции телевизионных передач, определения координат самолётов и судов в аварийных ситуациях — “Коспас-Сарсат”). Изучаются природные ресурсы Земли, проводится её картографирование, исследуются метеорологические явления. В области космонавтики широко развито международное сотрудничество (ЭПАС). И несмотря на то, что прошло совсем немного времени, уже можно сказать, что сложились основы космонавтики (от “космос” и греч. *nautike* — искусство мореплавания, кораблевождение), или используется новое слово — астронавтика, которыми обозначают совокупность отраслей науки и техники в исследовании и освоении космоса и внеземных объектов для нужд человечества с использованием космических аппаратов. Известно, что Земля некогда сталкивалась с космическими объектами. Такие катастрофические

встречи могут привести к уничтожению всей жизни на нашей планете. Космонавтика занята изучением возможности предотвращения столкновений Земли с инопланетными телами небесного происхождения. Надо ли говорить, что задача глобального характера?

Космонавтика включает в себя теорию космических полётов (расчёты траекторий полётов космических аппаратов); научно-технические дисциплины — конструирование ракет, двигателей, бортовых систем управления, автоматических станций и космических кораблей, научных приборов, проведение траекторных измерений, организация и снабжение орбитальных станций; медико-биологические дисциплины — создание бортовых систем жизнеобеспечения, компенсация неблагоприятных явлений в человеческом организме, связанных с перегрузкой, невесомостью, радиацией; юридический аспект — международное правовое регулирование вопросов использования космического пространства и планет.

Наука стала непосредственной производительной силой после начала овладения человеком силами природы. Вначале паром, а потом электричеством и пр. Но использование науки как производительной силы сопровождается даже у развитых наций тем, что наука как лишаями обвешана жалкими остатками прошлой деятельности. У космонавтов же наука используется в чистом виде, без всяких дополнительных прибавок. Все связи космонавтов пронизаны наукой. Пища, одежда, скафандры, корпуса космических кораблей — всё вначале моделируется в науке. Затем получают материалы с заранее заданными свойствами. Эти материалы используются для защиты жизни космонавтов от пагубных влияний внешней среды, резких перепадов температур, от бомбардировок микрочастицами, летящими из космоса, и многих иных влияний. На фоне приоритета науки во всём образе жизни космонавтов глупой карикатурой выглядят поповские потуги, проявляющиеся при запуске космических кораблей. Странно видеть дородного священника, который машет кистью перед космонавтами, так сказать, кропит их водой. Аксессуары этой процедуры — устарелый банный тазик и малярная кисть воскрешают не только нечто давно отжившее, но и антисанитарное. Тем более, успешные полёты были осуществлены и без такого глупого представления.

Наука в деятельности этой новой исторической общности развивалась в новые дисциплинарные формы. В частности, возникла космическая биология, которая, несмотря на свою молодость, достигла значительных успехов в деле познания окружающей природы. Космическая биология — это комплекс главным образом биологических наук, изучающий жизнедеятельность земных организмов в условиях космического пространства и при полётах на космических летательных аппаратах, биологические системы жизнеобеспечения на космических кораблях и станциях. Материал, добытый этой новой наукой, столь обширен, что приводить его в рамках данной статьи нет смысла. Совершенно специфична космическая медицина. Она изучает влияние космического полёта на здоровье и работоспособность человека, разрабатывает медицинские требования к системе обеспечения жизнедеятельности и управления космическими аппаратами, методы профессионального отбора и подготовки космонавтов, меры профилактики и лечения заболеваний, обусловленных космическим полётом. Понятно, что и в этом случае речь идёт о таких формах знаний, которые как раз и выделяют черты новой исторической общности людей.

Новая историческая общность людей конституируется в сфере правовых отношений. Уже сложилось космическое право. Это совокупность норм международного права, регулирующих отношения между его субъектами (прежде всего государствами) в связи с осуществлением космической деятельности по исследованию и использованию космического пространства и устанавливающих международно-правовой режим космического пространства. Основной документ в области космического пространства — Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967), который предусматривает свободу исследования космического пространства и небесных тел, мирного использования Луны и других небесных тел, запрещение размещать в космосе любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения.

Весьма полезна и широка практическая деятельность космонавтики. В этом случае прежде всего приходится говорить о космических съёмках. Съёмка (фотографическая, телевизионная и др.) Земли, небесных тел и космических явлений аппаратурой, находящейся за пределами атмосферы Земли (на искусственных спутниках Земли, космических кораблях и т. п.) и дающей изображения в различных областях электромагнитного спектра. Результаты этих съёмок используются не только для географического картирования. Поиск полезных ископаемых, выявление результатов эрозии поверхности Земли, дрейф материков, состояние растительности, рек и иных водоёмов и многое другое доступны только космической съёмке. Трудно переоценить её роль в военной разведке.

Космонавтика широко используется в метеорологии. На основе её данных делаются метеорологические прогнозы, прогнозируются цунами и другие атмосферные катаклизмы. Практическое и теоретическое освоение космоса сулит человечеству познание новых невиданных материалов, восполнение исчезающих источников сырья и энергии. Например, если посадить на Землю хотя бы небольшой астероид железоникелевого типа, то потребность человечества в этих металлах будет надолго обеспечена.

Выше было отмечено, что мы живём в состоянии планетарного кризиса, который вполне очевиден в сфере духовных явлений. Если каких-то 20-30 лет тому назад специалисты-учёные стали бить тревогу по поводу разного рода кризисов, а затем и во внутренней взаимосвязи их, то сегодня уже не только специалистам и политикам, но рядовому человеку понятно, что нашу планету охватил общий кризис, лишь проявляющийся в разное время и в разных регионах, притом кризис глобального масштаба. Очертим его общие контуры и попытаемся определить положение философии как чего-то репрезентативного в этом случае и её отношение к происходящему.

Средства массовой информации каждый день приносят сведения о калейдоскопически меняющихся событиях в окружающей нас жизни. Значительная часть населения Земли голодает. Кровь стынет в жилах, когда телевидение показывает кадры кинохроники, на которых запечатлены истощённые от голода, умирающие дети, женщины и старики. Статистика таких смертей ужасна. Тысячи людей умирают от голода и болезней каждый день. И перспективы, прогнозы на будущее не радуют. Всё

возрастают цены на зерно и другие продукты сельского хозяйства. А это значит, что миллиарды людей потеряют последние крохи питания, которое они имели.

Продолжаются никогда в истории не прекращавшиеся войны. Применяя все достижения науки и техники, милитаристы создают смертоносное оружие и убивают молодых и старых, детей и женщин. Разрушают жилища, сёла и города. Угрозы доходят до ликвидации всей жизни на планете.

Идёт эскалация религиозных противоречий. Миллионы фанатиков от религии устраивают пугающие шествия. Шахиды, подвязав свои взрывчатые пояса, входя в самолёты, культурные центры, убивают ни в чём не повинных людей. Каждый вид религии претендует на души людей всего населения мира.

Политики активизируются в том, что множат свои идеологические конструкции, рекламирующие безнравственность, сексуализм и безоглядное потребительство. Их главный тезис заключается в пропаганде иллюзий о демократии и правах человека. Права человека, как нетрудно понять, коррелируют с теорией З. Фрейда и его последователей. Материей этих прав является сила, регулирующая принципы удовольствия и включающая в себя различные врождённые или вытесненные элементы сознания, влечения, импульсы, установки, стремления, комплексы и прочее, характеризующиеся неосознанностью, сексуальностью, ассоциальностью и т. д. Такого рода определения прав человека находят проявление в размышлениях современных политиков. Например, "... Конечная смесь идеализма и эгоизма является сильной комбинацией. Индивидуальное самовыражение, как говорят, это Богом данное право",⁹ являющееся фундаментом американской массовой культуры, которое, по мнению цитированного автора, излучает магнитное притяжение, особенно молодёжи во всём мире.

Какое же занимает место при всём этом философия? Отвечая на этот вопрос, приходится констатировать тот факт, что в наши дни понятие "философия" сведено к представлению о ней. Говорят и пишут о философии чаепития, философии любви и любой иной деятельности. В этой связи вспоминается замечание следующего содержания: "Так появляются философы волос, ногтей, пальцев, экскрементов и тому подобные субъекты...".¹⁰ Философию смешивают с позитивизмом, экзистенциализмом или их разновидностями. Философами называют людей, которые приложили усилия к её разложению, и тех, кто продолжает эту свою деятельность. История философии, как писал В. Дильтей, являет вид останков разрушенных философских систем, а философы напоминают ядовитых паучков, грызущихся насмерть в банке.

Теперь вместо философии, в лучшем случае, в культуре, системе образования и других сферах проявления духа, как заключают культурологи, господствует технизм. Например, один из них, А. Моль, пишет: "Технизм пронизывает нашу повседневную жизнь, накладывает отпечаток на все средства культурного общения и прежде всего на язык. Экспериментальная психология утверждает, что инструментами культуры являются в

⁹ Бжезинский Жб. Великая шахматная доска. М., 1998.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, т. 40, с. 212.

первую очередь слова, а лишь потом — идеи. Если это действительно так, то эволюции словаря после наступления технической эры могли бы дать ключ к пониманию нынешних тенденций развития культуры”.¹¹

Экономическим и политическим базисом разрушительных тенденций истории является процесс глобализации. Он проявляется в быстром возникновении международных организаций, всемирных экономических и политических союзов. Гегемоном глобализации являются США. И этот гегемонизм многократно усиливает противоречия современного мира, так как является по существу попыткой всемирной диктатуры американского империализма. При этом идёт взлом не только традиционных международных отношений населения Земли. Разрушаются все их исторические и культурные ценности. Например, в процессе глобализации испытывают конвульсии такие существенные характеристики человека, как язык. В процессе глобализации исчезают естественные языки. Они заменяются сленгами и другими ужасающе обеднёнными языковыми конструкциями на базе английского языка. Получаемые суррогаты языка направлены на выражение техницизма или сугубо внешних контактов между разобщёнными индивидами.

Политики, используя мощный аппарат внешнего воздействия, все институты общества, самые могучие свойства государственного Левиафана — магию власти, — внушают представления о том, что они реализуют интересы индивидов. Магия политиков направлена прежде всего на идеологически ложное преодоление противоречий современной эпохи. Вырождение содержания понятия “философия” проявляется в работах идеологов индивидуализма, поскольку подлинная философия давно вскрыла причины деградации основ общественного бытия.

Существенной, объективной стороной общественных отношений в процессе глобализации является *отчуждение*. Этим понятием в философии обозначается явление, которое, в силу мировоззренческих и методологических позиций, идеологам буржуазии недоступно или толкуется превратно. Отчуждение, по Марксу, — это понятие, обозначающее социальный процесс, в котором деятельность человека и её результаты превращаются в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Это выражается в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда, в превращении личности в объект манипулирования со стороны господствующих социальных групп. Концепции отчуждения восходят к Т. Гоббсу, Ж.-Ж. Руссо; они получили развитие у Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха и К. Маркса.

Как писал Маркс, процесс отчуждения получает определённое отражение в сознании и положении индивидов. “В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при исполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте. Украшая себя и т. д., — в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному”.¹² Речь идёт о том, что восприятие социальных норм как чуждых и враждебных неизбежно порождает чувство одиночества, апатии и т. п.

¹¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 39.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, т. 42, с. 91.

Господство отчуждения ясно проявляется в массовой культуре — этом детище процессов глобализации. Массовая культура — понятие, охватывающее многообразные и разнородные явления культуры XX в., получившие распространение в связи с научно-технической революцией и постоянным обновлением средств массовой коммуникации. Производство, распространение и потребление продуктов массовой культуры носит индустриально-коммерческий характер. Для эстетики массовой культуры характерно постоянное балансирование между тривиальным и оригинальным, агрессивным и сентиментальным, вульгарным и изощрённым.

Художники массовой культуры не нуждаются в шедеврах скульптур древнегреческой цивилизации как выражении гармонии человеческого духа и тела. Они заняты подавлением зрелищных восприятий человека назойливой демонстрацией гениталий американских киноартистов и киноактрис. Музыканты массовой культуры не обращаются к теориям древних греков, которые доказали, что музыка имеет закономерное числовое выражение как гармония поющих сфер Космоса и выражает звуковое слияние всей природы, включая человека. Всемирные Олимпийские игры теперь превращены в шоу ради баснословных доходов. В Древней Греции эти игры были состязаниями, при проведении которых прекращались войны, затухали всякие распри. Победители венчались лавровыми венками, потому что были людьми, отмеченными богами. Иначе говоря, они были идеалами человечности, носителями гармонии, силы и мужества. На современных же Олимпийских играх продажные судьи отдают предпочтение отнюдь не спортсменам, а тем, кто может утверждать путём подкупа свои политические амбиции.

Аналогично этому современные, так сказать, философы-мудрецы, размазывающие понятие “философия” в описаниях сексопатологии, заняты лишь тем, чтобы выхолостить скульптурные идеи Древней Греции и их последователей. Их не интересует космизм философского мировосприятия и мироощущения. Массовая культура, являющаяся культурой бескомпромиссного потребительства, замкнута на животных потребностях индивидов и разговоры о Вселенной рассматриваются как разновидность досужих домыслов бездельников и паразитов. Всемирные философские форумы по существу тоже направлены на подавление наследия человечества. Именно на них доводится до широкого распространения философия чаепития, ногтей, экскрементов и пр. Невежды, как писал Платон, не нуждаются в философии.

Всё сказанное даёт основание для вывода о том, что глобализация является мучительным проявлением конца предыстории человечества. Новый виток спирали исторического процесса развития человечества будет посвящён созданию прозрачных человеческих отношений по законам красоты, как писал Маркс. Космическая роль человека будет осознана как насущная необходимость, и тогда философия будет востребована во всей полноте и величии, ибо только человек, поднимающийся по ступеням процесса познания, исторически и логически нуждается в универсальных идеях, построенных на заре цивилизации. Нужда в человеке будет проявлением подлинного человеческого богатства и в этом случае не обойтись без осознания всех результатов истории, не обойтись без синтеза достижений искусства и философии. В подготовках и в своих полётах космонавты будут слушать не только сказки Шахерезады или светлые

песни Э. Грига. В их “рюкзаках” найдётся место для полных записей всей истории человечества, шедевров мировой литературы и музыки и всей истории философии. Философии, которая не только манифестация универсальной идеи развития. Она будет осознанна как ещё и символ безграничности и свободы, равный по силе и мощи бездонному ночному звёздному небу.

Разумеется, космонавты, улетающие к далёким звёздам, будут представлять процесс диалектического отрицания их земной жизни.

Космонавтика отнюдь не отменяет трагичности истории человечества. У новой исторической общности будут свои проблемы, некоторые просматриваются уж здесь на Земле.

Космонавты поют: “Давай, космонавт, потихонечку трогай, пусть лёгким окажется путь...”. “Потихонечку”... когда первая космическая скорость равна 8 км в секунду, а чтобы оторваться от притяжения Земли, скорость должна достигать 11 км в секунду. При таких скоростях наступают ужасные перегрузки — так что глаза готовы выскочить из глазниц, сосуды едва выдерживают давление крови, да и то как результаты длительных тренировок. Вообще все органы работают в крайних пределах живого организма. При этом как только завершился выход на расчётную орбиту, появляется невесомость. Ещё одна напасть. Человеческий организм несёт на себе результаты длительной эволюции в условиях Земли. Его скелет, мышцы, как со стороны материала, так и со стороны его свойств — есть продукт развития живых систем в течение миллиарда лет под действием земного притяжения и многих иных факторов жизни в совершенно определённых физико-химических и биологических условиях. То же относится и к другим органам. При изменении условий все параметры человеческого тела быстро начинают меняться. Например, всего за десять дней полётов в невесомости у космонавта А. Г. Николаева объём сердца сократился на 18 %. Если учесть законы корреляции, то нетрудно предвидеть, что и все органы сильно изменятся. Думая о таких возможностях, например, писатель-фантаст А. Беляев в своей повести “Звезда КЭЦ” описал человека, похожего на паука. Отсутствие физических нагрузок привело к тому, что руки и ноги стали как тонкие палочки. Атрофировался и желудок. Стали тоньше все кости. Только голова сохранилась. Короче, невесомость породила уродца. К счастью, космонавтика уже научилась преодолевать такие перспективы. Некоторые космонавты прожили на орбитальных станциях больше года, полностью сохранив все человеческие параметры. Космическая медицина и космическая биология научились компенсировать влияние невесомости. Но есть ещё и другие напасти. Например, космические лучи. Это потоки стабильных частиц высоких энергий (приблизительно от 1 до 10^{12} ГэВ), приходящих на Землю из мирового пространства (первичное излучение), а также рождённое этими частицами при взаимодействиях с атомными ядрами атмосферы вторичное излучение, в состав которого входят все известные элементарные частицы. Первичное космическое излучение изотропно в пространстве и неизменно во времени; в его состав входят протоны (около 90 %), альфа-частицы (около 7 %) и другие атомные ядра вплоть до самых тяжёлых, а также небольшое количество электронов, позитронов и гамма-квантов. Подавляющая часть первичных космических лучей приходит на Землю из Галактики (галактические космические лучи), и лишь небольшая их часть связана с активностью Солнца

(солнечные космические лучи); космические лучи с энергией выше 10^6 ГэВ, возможно, приходят из Метагалактики. Наиболее вероятные источники галактических космических лучей — вспышки сверхновых звёзд и образующиеся при этом пульсары. Заряженные частицы ускоряются, по-видимому, электромагнитными полями, возникающими в пульсарах или в окружающих их турбулентных плазменных оболочках. Сильные магнитные поля закручивают релятивистские электроны, что вызывает интенсивное синхротронное излучение из областей, где рождаются космические лучи. Ускоренные заряженные частицы рассеиваются межзвёздными магнитными полями и достигают Земли в среднем через 20–100 млн. лет в виде изотропного излучения.

На поверхности Земли жизнь ограждена от губительного влияния космических лучей атмосферой и магнитным полем. Атмосфера Земли — весьма сложное образование. Она состоит из многих газообразных веществ. Закономерно разделена на слои и находится в вечном движении, участвуя в обмене веществ с остальными земными слоями. Не менее сложно магнитное поле. Оно не только космический щит жизни, но и нечто связывающее Землю с остальным миром. Когда-то давно, когда животные осваивали сушу, они унесли в своём теле, превратив во внутреннюю среду, часть океана. Так что в наших жилах катит волны укрощённый океан. Так и космонавты вынуждены сохраняться, окружённые частицами всей Земли. Сберегая себя от губительных явлений космоса вне атмосферы и магнитного поля, космонавты используют особые материалы для оболочки своих кораблей и скафандров. Этот опыт, видимо, пригодится при строительстве жилья на других планетах.

Но много проблем таят в себе такие явления, как круговорот веществ в природе. Он на Земле представляет собой повторяющиеся процессы превращения и перемещения вещества в природе, имеющие более или менее циклический характер. Общий круговорот веществ складывается из отдельных процессов (круговорот воды, газов, химических элементов), которые не являются полностью обратимыми, т. к. происходит рассеяние вещества, изменение его состава и т. д. С появлением жизни на Земле огромную роль в круговороте веществ играют живые организмы (круговорот кислорода, углерода, водорода, кальция и других биогенных элементов). Глобальное, сравнимое с геологическими процессами, влияние на круговорот веществ оказывает деятельность человека, в результате которой возникают новые и изменяются сложившиеся в природе пути миграции веществ, появляются новые вещества и т. д.

Глубокое изучение превращений вещества и энергии в природе и учёт последствий, необходимое условие создания и сохранения окружающей среды в пригодном для жизни состоянии.

Перечисление хотя бы этих факторов даёт основание для заключения о том, что индивиды, выросшие в условиях других планет, едва ли смогут вернуться теперь уже на действительно далёкую Родину. Есть и другие проблемы, как смогут, например, решить космонавты иррациональные связи. Известно, что человек не может жить без любви. И обобщая, следует сказать, что драматизм космонавтов можно выразить известным изречением “из огня да в полымя”.

г. Алматы.

Светлана АНАНЬЕВА,
главный научный сотрудник Института
литературы и искусства имени М. Ауэзова

Воздвигая МОСТЫ ДУХОВНОСТИ

Казахстанско-украинские литературные связи

Истоки казахстанско-украинских литературных связей берут своё начало в творчестве Т. Шевченко, получают дальнейшее развитие в поэзии Ж. Саина, поэтов и писателей-фронтовиков К. Касенова, А. Шарипова и др. Этой теме была посвящена монография Р. К. Кайшибаевой «Казахско-украинские литературные связи». Представляет несомненный научный интерес, как отражается казахская тематика в творчестве украинских авторов и как раскрывают украинскую тематику прозаики и поэты Казахстана. Более того, открытие Года Казахстана на Украине (2007 год) и Года Украины в Казахстане (2008 год) способствовало укреплению разносторонних культурных и научных контактов между нашими государствами.

В 2004 году в Киеве, в издательстве «Мистецтво» увидела свет книга-альбом «Украинцы Казахстана», главный редактор — Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Казахстан В. Г. Цыбенко. В составе редколлегии среди известных деятелей культуры и науки доктор исторических наук, профессор, первый секретарь посольства Украины в Казахстане А. Ю. Чабан, генеральный консул С. Г. Шидловский, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК Ш. Р. Елеукенов (Шериаздану Рустемовичу Елеукенову авторы предисловия адресуют свои слова благодарности за освещение украинской тематики в популярных изданиях и периодике Казахстана).

К читателям книги «Украинцы Казахстана» обращаются президенты двух дружественных республик. Нурсултан Назарбаев подчёркивает тот факт, что «немало ярких страниц вписали украинцы в историю взаимоотношений наших народов. Великий Кобзарь Тарас Шевченко провёл десять лет в Казахстане, оставив более сотни художественных работ, посвящённых нашей земле и народу. Наиболее активно взаимодействие казахского и украинского народов проявилось в XX столетии, вместившем множество социальных потрясений, совместных достижений и утрат. Это были годы не только испытаний и лихолетья, но и большого созидательного труда. Так произошло и в начале 50-х годов, когда тысячи и тысячи украинцев помогали осваивать казахстанскую целину. Вместе с хлебным зерном в благодатную казахстанскую почву закладывались основы нашей дружбы, нашего добрососедства и взаимного уважения» [1, с. 7].

Судьбы двух президентов органично связаны с историей двух стран. И об этом пишет Нурсултан Назарбаев: «Череди исторических событий прошлого и настоящего неразрывной нитью сплела судьбы и наших народов, и отдельных людей. Символично, что моя трудовая юность начиналась в украинском Днепродзержинске, а Президент Украины Л. Д. Кучма работал в своё время в одном из конструкторских бюро на казахстанском Байконуре» [1, с. 7].

Авторский коллектив книги — сотрудники посольства Украины в Казахстане — планировали в полном объёме показать путь своих земляков в Казахстане

от времён первых поселений до периода независимости. Но исторических материалов оказалось так много, что процесс написания книги затягивался, поэтому решено было издавать “первый собранный и обобщённый материал”, который впоследствии будет дополнен. 2004 год был особенным. Это год 190-летия со дня рождения великого Тараса Шевченко и 50-летия начала освоения целинных и залежных земель. Именно эти события, особо знаменательные для всех украинцев и особо значимые для украинцев Казахстана, тесным образом связывают Украину и Казахстан.

На страницах книги обобщены удивительные факты о культурном сотрудничестве между нашими странами (10 июня 2003 года — Дни культуры Киева в Астане в рамках празднования Дня столицы), о трагических страницах прошлого. При поддержке Общества украинского языка г. Караганды 26 июня 1999 года к 45-й годовщине восстания политических заключённых в Степлаге (1954), которое было жестоко подавлено, на берегу Кенгира был открыт памятник сыновьям и дочерям Украины. Каждый год 31 мая дипломаты посольства Украины и представители украинской общественности и органов государственной власти Казахстана воздают почести жертвам политических репрессий, возлагая цветы к памятнику погибшим землякам в посёлке Спасское Карагандинской области, возведённому на месте бывшего спецлагеря. В Карлаге находились в заключении писатель Клим Полищук, художник Сергей Кукуруза, академик Агатангел Крымский и многие другие.

В 1994 году была основана газета “Українські новини” (главный редактор — О. Гаркавец). В 1997 году О. Гаркавец за свою многогранную деятельность (один из авторов Закона Республики Казахстан “О языках”, член Национального совета по правам человека при Президенте РК, автор ряда книг и словарей) удостоен звания лауреата Президентской премии мира и духовного согласия. Талантливые стихотворения на родном языке создаёт лидер украинцев Костанайщины Андрей Михайлович Кирилюк, Указом Президента Украины от 15 мая 2003 года удостоенный почётного звания “Заслуженный деятель культуры Украины”. Почётное звание “Заслуженный художник Украины” получил талантливый живописец Александр Алексеевич Шевченко, который во время Международного Шевченковского литературно-художественного фестиваля “В семье вольной, новой” в мае 2003 года подарил свои 24 работы музею Тараса Шевченко в г. Каневе. К сожалению, это был последний приезд художника на Украину, в сентябре его не стало.

С 2007 года в Казахстане на трёх языках — казахском, украинском и русском издаётся республиканская газета “Вести Украины”. С 1994 года в Павлодаре на областном радио выходит передача “Украинская родина”, с 1999 года вещающая на украинском языке.

Есть люди, своими судьбами связавшие Казахстан и Украину. Один из них — Фёдор Моргун, человек-легенда, широко известный в Казахстане, Киргизии, России и на Украине. Участник Великой Отечественной войны, первоцелинник, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Международной славянской академии. Крупный политический и государственный деятель, академик Украинской академии аграрных наук. (К сожалению, в 2008 году Фёдора Трофимовича не стало). Его яркий жизненный путь, партийная, общественная и хозяйственная деятельность объединяет Москву и Фрунзе, Целиноград и Павлодар, Полтаву. Он прошёл все этапы целинной эпопеи, став директором совхоза им. Толбухина Кокчетавской области, начальником управления сельского хозяйства Целинного края. Автор ряда публицистических книг “Думы о целине”, “Хлеб и люди”, “Поле без плуга”, “Уроки Мальцева” и других. Ф. Моргун в своей книге “Бессмертная душа Украины” искренне и доброжелательно, исповедально и открыто пишет о родителях и Родине, о годах оккупации, разоблачает блудливых и лживых историков, которые “остаются в неоплатном долгу перед правдой и народом” [2].

На примере судьбы старосты Гаврилы Павловича Сердюка, раскулаченного, репрессированного, сосланного в Сибирь, а на самом деле в трагические годы оккупации бывшего отцом “большого и сложного семейства, попавшего в беду”, публицист одним из первых пытается вслед за В.Астафьевым сказать правду о войне, без купюр, недомолвок, замалчиваний, в полном объёме.

Воспоминания о казахстанской целине занимают в книге “Бессмертная душа Украины” особое место, как и степные просторы и пейзажи. Запоминаются колоритные образы целинников, преобразивших Степь, покоряет их воля к созиданию, сплочённость и дружба. Эти страницы согреты любовью к человеку-труженику и к казахстанскому краю. Это очень важно, потому что многое стало забываться: “А кое-что сознательно и незаслуженно ныне замалчивается. Однако нельзя, невозможно, просто кощунственно умалять или предать забвению великий подвиг тысячи и тысячи русских, украинцев, белорусов, немцев, казахов, вложивших колоссальный труд в могущество, славу, жизнестойкость, в нынешний потенциал нашей огромной и прекрасной республики” [3, с. 8].

Апофеозом крестьянскому труду стала книга Ф. Моргуна “Перепаханные поколения”, автор которой утверждает: “Крестьянин и природа неразделимы. Крестьянин, по большому философскому счёту, — это не только личность, а Мировая Душа, которая извечно в родстве с землёй, прислушивается к её пульсациям и стремится не вступать с ней в конфликт”. В “Проклятии войне”, имеющей подзаголовок “По следам сфальсифицированной истории” и выдержавшей четыре издания, Ф. Моргун рассекречивает материалы о гибели Юго-Западного фронта. В последней по времени издания книги “Руководители государств, не бойтесь быть святыми” (Полтава, 2003), к 80-летию автора, затрагиваются его любимые темы о героическом прошлом, о крестьянине — кормильце человечества и хранителе природы, о судьбе В. Г. Короленко и В. И. Вернадского, о культуре и дружбе наших народов.

Известный казахский поэт Б. Канапьянов после трагедии в Чернобыле в числе первых добровольцев и помощников поехал на берег Припяти, чтобы “разделить боль, помочь в меру своих сил” [4, с. 3] украинскому народу. Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, член Союза писателей СССР, член правления СП Казахстана, член Казахского и Российского Пен-клубов одну из своих книг стихов и прозы посвятил украинскому народу. В 1987 году в Алма-Ате и в 1988 году в Киеве выходит книга поэтической публицистики Б. Канапьянова “Аист над Припятью” [5], получившая самые благожелательные отклики в казахстанской и украинской прессе. До выхода книги репортажи и стихи Б. Канапьянова о Чернобыле публиковались в газетах Украины, Белоруссии, России и Казахстана. Тираж книги, лейтмотивом которой можно считать строки: “Чужого горя не бывает, / Нас всех оно объединяет...”, разошёлся моментально. Стихотворения Б. Канапьянова, “появившиеся в результате пребывания поэта в опасной зоне, а не навешенные газетными репортажами” [6, с. 133], читали по радио и на телевидении. Поэт трижды побывал в зоне ЧАЭС, и большинство строк, по свидетельству Владимира Мирошниченко, бывшего с 1986 по 1988 гг. секретарём ЦК комсомола Украины, “родилось прямо там во время соприкосновения с большой бедой, с болью и мужеством людей Припяти” [7, с. 135].

Это же подтверждает украинский поэт и общественный деятель Юрий Сердюк, считающий, что из молодого поколения лучшие традиции украинско-казахстанских литературных связей продолжает Б. Канапьянов, стихи которого наряду с поэтическими произведениями Б. Олейника, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, В. Губарева, Ю. Щербака, Л. Ошанина, Д. Павлычко вошли в уникальную книгу “Чернобыль. Дни испытаний”, изданную украинским республиканским издательством “Радяньский письменник” [8, с. 138]. Украинский поэт Иван Чумак пишет о том, что премию Ленинского комсомола Казахстана за книгу

“Ветвь”, вышедшую в издательстве “Молодая гвардия”, Б. Канапьянов перечислил в фонд Чернобыля и цитирует высказывание о поэзии своего друга О. Сулейменова, подчёркивающего, что “глубокая внутренняя потребность высказаться рождена мгновениями земного бытия, и поэт находит свежие образы и краски в раскрытии общечеловеческих тем — Родины, Матери, Любви” [9, с. 139].

В стихотворениях Б. Канапьянова, как точно подметил лауреат премии Ленинского комсомола Украины, поэт Леонид Горлач в предисловии к книге “Зона человеческого достоинства”: “... Наряду с невыдуманной информацией, точными деталями быта героических людей, ликвидирующих последствия аварии, описаниями полесской природы бьётся живая боль человека двадцатого века, понимающего трагедии других народов, связанные с ядерным синтезом. Может быть, его душа, настроенная на сейсмические волны атомных полигонов в Неваде и под Семипалатинском, сразу же почувала беду в далёком украинско-белорусском Полесье... Во всяком случае, стихи Бахытжана — ещё одно подтверждение нашей давней дружбы народов, без которой любая беда оказалась бы во сто крат больше и неизлечимей” [6, с. 134].

Книга включает три раздела: “Аист над Припятью”, “Земная гавань космоса”, “Кочевая звезда”. Поэтический символ сборника — аист, белая птица с чёрной отметиной, — вечный символ жизни, символ домашнего очага, не покинул Припять, продолжая кружить над Чернобылем. Он парит над Припятью (“Вера в чистую воду”). Парит над пустой деревней и, вернувшись к своему гнезду, оглядывает даль, словно ожидает — когда же возвратятся жители? (“Человек на земле”). Он хранит память о прошлом. И над тихим подворьем “будто бы сторож стоит”.

*В окнах свет жизни он ищет,
Милые взоры детей...
Ветер
Над гнёздами свищет,
Ветер
Гуляет по крыше,
Ветер
По комнатам рыщет,
Аист
Всё это не слышит —
Ждёт
возвращенья
людей.*

“Аист”.

Для нас особенно важны отклики на книгу украинских коллег. “Много в сборнике горьких слов, но нет пессимизма, безнадёжности. Аист — символ жизни — парит над стихами”, — пишет В. Мирошниченко в статье с глубоко символическим названием “Рифмы, рождённые сердцем”. И делает верный вывод о стихотворениях Б. Канапьянова, обнаруживая в них глубокий философский смысл: “В них правда — такая, какой её видит поэт, такая, какой она была там, такая, какая она есть. Все, живущие на Земле, причастны, все должны смотреть широко раскрытыми глазами, на всех одна общая забота, всем одинаково грозит трагедия небытия. Не риторичен вопрос: “Каких же мы яблок съели, в познание зайдя в тупик?”... В поэтических раздумьях автора глубокая вера в Человека, в Человечность, в Разум (“Товарищ”, “Примите нашу помощь”), предостережение, взгляд в будущее (“Эхо”). Природа, животный мир в стихах Канапьянова — не просто окружающая среда, но мир, органически связанный с Человеком зримыми нитями. Трагедия Чернобыля — не трагедия Человека, а трагедия Земли, Природы, всего живого (стихотворения “Аист”, “Лось”, “Вера в чистую воду”).

Стихи о моей Украине написал поэт из Казахстана, — резюмирует автор статьи. — Читая их, чувствуешь привкус ветра казахских степей, традиции поэзии Востока, метафоричность и образность, краткость и глубину мысли” [7, с. 135-136].

*Испей воды из Припяти прозрачной
В суровые черныбыльские дни.
И, горький вкус познав
слезы вчерашней,
На аиста парящего взгляни.
Испей воды из Припяти прозрачной...*

В Чернобыле обнажилась до предела суть таких понятий, как совесть, долг, сострадание, даже слово “товарищ” (“товарищ министр”, “товарищ шахтёр”, “товарищ доктор Гейл”) звучит по-иному, возвращаясь к своему первородству. В стихотворении “Земляки” поэт обращается к парням из Казахстана: “Я знаю, что путь ваш труден”. Чувство вселенского родства пронизывает и людей, и природу:

*Украинский куст рябины,
Степной карагач с бурьяном
Отныне радиоактивны —
Вот чувство семьи единой.*

*А где-то на полигоне
Ветер ночной с кургана
Ядовитые тучи гонит.
Степь плачет стихом Корана.
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.*

С журналистом АПН Турганом Гаитовым Б. Канапьянов откровенен и искренен: “Когда я стоял вместе с дезактиваторами на крыше 3-го блока и смотрел на разрушенный взрывом 4-й блок, я физически ощутил, как хрупка оболочка, отделяющая всё живое от гибели. Вышедший из повиновения мирный атом вызвал взрыв, равный примерно двум килотоннам... В Чернобыльском лесу я наткнулся на погибшего лося. Радиация убила его уже после того, как он вышел из зоны. Этот лось, поражённые радиацией рыжие листья на деревьях, гроздьё отравленных яблок, забитые досками крышки колодцев...” [10, с. 142].

Из детства поэта — образы воронов:

*Каждый ворон бедою отмечен,
Словно траур несёт на крыле.
“Может, птицы молчат в тёмном небе...”*

В прозе и стихах поэт рассказывает о каждодневном подвиге врачей и дозиметристов. В очерке “Человек на земле” главный герой — дозиметрист. Дозиметрист в стихах внешне схож с сапёром, “не признающем “авосы!”. И хранит его боль земная, “надежда людей хранит”, потому что только он “знаком на карте” может дать жизнь грядущему дню.

*Ты тропку найди заветную,
Товарищ дозиметрист,
Чистую, заповедную,
Свободную от частиц.*

Книгой-дневником, книгой-исповедью называет сборник, сложившийся из публицистических и поэтических заметок, поэт и переводчик Орынбай Жанайдаров [11, с. 73]. Более того, он проводит параллель между предсказаниями писателями-фантастами А. и Б.Стругацкими в повести “Пикник на обочине” и Чернобыльской зоной:

Лось вышел из зоны, прошёл лось
 Сквозь смешанный лес,
 Причины не зная, терял день за днём
 он свой вес.
 И в болоте вода — как вода, и трава —
 как трава,
 И кусты — как кусты, и такая же
 вроде листва.

И вспоминается О. Жанайдарову ещё одно трагическое предсказание Велимира Хлебникова:

Леса облысели,
 Леса обезлесились,
 Леса обезлосились...

В названии книги "Аист над Припятью" открываются "географическая даль и живая, тревожная близость смысла. Смысла трагического и потому неизбежного для человеческого сердца памятью Чернобыля... Такова, — по мнению Василия Бернадского, — мировоззренческая позиция, таков пафос книги "Аист над Припятью" [12, с. 47].

Ещё не брезжит предрассветный час,
 Ещё окутан мир ночным покоем.
 Вселенная всё кружит звёздным роём,
 Во времени перемещая нас.
 Забудем ночь. За всё её простим.
 Мы пробужденье к жизни сохраним.
 Об этом шелестит неторопливо,
 Вобрав в себя лучей небесных ток,
 Когда светилом заалел восток,
 Склонившаяся над рекою ива.

Словно в продолжение темы, начатой Б. Канапьяновым, очерк Н. Славиковой "Ликвидаторы", опубликованный в журнале "Простор" в рубрике "Год Украины в Казахстане", эпиграфом к которому стали его поэтические строки: "... И вновь мне снится звездопад. / И каждый раз, когда закрываю глаза, / то вижу и ощущаю, как одна и та же / яркая, колючая звезда / летит через весь небосвод / и где-то там превращается / в аиста" [13, с. 171].

Н. Славикова от цитирования поэтических и прозаических строк Б. Канапьянова, его интервью о десяти днях, проведённых в Чернобыле, переходит к основным эпизодам трагедии на берегах Припяти. Специалистов, прибывающих для ликвидации аварии, крупнейшей за всю историю ядерной энергетики, позже стали называть "ликвидаторами". Общее их количество — 600 000 человек. Не хватало рукавиц, марлевые повязки-"лепестки" выдавали только въезжающим в зону: "Радиация давала о себе знать: во рту пересыхало, люди мучились страшными головными болями, задыхались от удушливого кашля" [13, с. 172]. О едином порыве жителей разных республик и городов ("Старик разбил копилку / И из своих сокровищ / Соорудил посылку — Мою примите помощь") лучше Б. Канапьянова, свидетеля и активного участника ликвидации последствий аварии на четвёртом энергоблоке, не скажешь, поэтому вновь в ткань очерка органично включаются его поэтические строки:

Алма-Ата шлёт фрукты,
 Лекарства шлёт Воронеж,
 Шлют из Москвы продукты —
 Примите нашу помощь,

*Примите нашу помощь!
Как будто бы богатством,
Поделится Братск — братством.
Увы, всех не припомнишь...
Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!*

Автор очерка возвращается в наши дни, к мемориалу Вечного огня в Алматы. На митинге по случаю 22-й годовщины чернобыльской трагедии, которую генеральный консул Украины Сергей Шидловский назвал “незаживающей раной на теле Украины”, подчеркнув при этом, что только усилиями представителей всех республик бывшего Советского Союза можно было остановить эту беду, всё меньше и меньше становится ветеранов-чернобыльцев. В очерке Н. Славиковой звучат рассказы тех, кто был в эти майские дни 1986 года в Чернобыле. Это им, их героизму и самоотверженности, отваге и чувству долга выразил признательность генеральный консул Российской Федерации в Алматы Борислав Мещанинов.

Ветераны-чернобыльцы уверены в том, что через 2-3 года в Алматы будет поставлен памятник героям-ликвидаторам: руины строения и колокол. Их называли “зелёными роботами”, успокаивали, что последствия скажутся только через 5-7 лет, а стрелки часов под воздействием радиации крутились в обратную сторону. Об этом рассказывали автору очерка Валерий Перминов, Александр Горелкин и Виктор Аверин, мрачно усмехавшийся по поводу того, что только у иностранцев были индивидуальные дозиметры, сразу определявшие уровень радиации. Они и покинули зону раньше.

Алия Казангапова из Актау работала поваром всего три месяца, “волосы потом страшно выпадали”. В первой зоне зарплата в десятикратном размере шла. Вспоминает вице-президент республиканской организации и председатель алматинской городской организации “Чернобыль” Булат Раздыков. Его, политработника 27-го полка химической защиты, переброшенного из Целинограда в наиболее загрязнённую Гомельскую область, обещали сменить через месяц: “Потом поняли, что если часто менять, всего мужского населения Советского Союза не хватит. Помню, сказали: парни, держитесь!”. И парни держались. Работали по секундомеру 40-60 секунд, дозы радиации свыше 1000 рентген в час (до 50-ти войска ещё сохраняют боеспособность). После очистки кровли от радиации все инструменты сбрасывали с крыши вниз, грузовики увозили в могильники как радиоактивный мусор. Сносились целые деревни.

Трудно сказать, что было самым страшным, размышляет Булат Раздыков. Дважды он возвращался на Украину: со съёмочной группой “Казахфильма” на съёмки фильма о Чернобыле, о наших ликвидаторах, и в составе международной делегации, когда саркофаг был уже сооружён.

И вновь откровенные рассказы очевидцев чередуются с поэтическими строками:

*Дозиметром каким
стране моей
измерить
То чувство,
что сплотило
в грозный час?*

Цифры говорят сами за себя. Самому молодому ликвидатору было 18 лет. Он и сейчас ещё молодой человек “по нынешним меркам”. Но уже — пособие по инвалидности и знак ликвидатора на лацкане пиджака: лучи с капелькой крови посередине. В Казахстане на сегодня около 7 тысяч ветеранов-чернобыльцев, многие уехали в Россию, на Украину (льгот больше), в Германию, Израиль. А

наши всё ждут новый законопроект о ветеранах, ждут живые и вдовы тех, “кто до конца сохранил верность своему долгу”.

Н. Славикова избирает для очерка кольцевую композицию. Начиная со строк Б. Канапьянова, завершает очерк тоже ими из книги “Аист над Припятью”:

*В нас
Чувство Родины очнётся
В один
Непроизвольный час
И в каждом
Совестью забьётся,
И — аист
Жителей дожждётся...
Мы пьём из чистого
Колодца.
В нём видим
Горечь
Наших глаз.*

Во время одной из поездок в Чернобыльскую зону Б. Канапьянов обнаружил в библиотеке Союза писателей Украины стихотворение Михаила Левченко, опубликованное в далёком 1944 году в дивизионной газете “Патриот Родины” и посвящённое комсомолке Алтыншаш Нургажиновой. О подвиге молодой Алтыншаш, о поисках сведений о ней и авторе стихотворения, увековечившего образ девушки из Москвы — очерк Б. Канапьянова “Звали её Алтыншаш” [14]. Михаил Александрович Левченко, бывший полковой разведчик и литературный сотрудник дивизионной газеты 4-го Украинского фронта, доктор филологических наук, профессор Одесского университета в письме к Б. Канапьянову вспоминает о том, как всё происходило: “... Я, тогда сотрудник газеты “Патриот Родины”, оказался среди группы солдат и офицеров, окружённой фашистами (по-моему, это было где-то под Катовицами). Положение было “аховое”. И вот тогда маленькая казахская девушка вышла вперёд и организовала оборону. Мы пробились из окружения, но Алтыншаш поплатилась за это жизнью. Посмертно она была представлена к званию Героя Советского Союза. Позже однопольчане были в Москве, нашли там её родителей, вручили им моё стихотворение. Они приглашали меня к себе в гости. На этом наша связь прекратилась. Прошли годы, время стёрло некоторые подробности этого события, но в моей памяти образ героической казахской девушки, фактически спасшей мне жизнь, остался навсегда” [14, с. 179-180].

Начало стихотворения М. Левченко необычайно лирично:

*Я родом сам с цветущей Украины.
И дороги мне берега Днепра.
Там с песней на пшеничные равнины
Нисходят голубые вечера.*

Следующие строки посвящены Казахстану, причём автор подчёркивает своё родство с юной героиней:

*Но кажется, что в знойном Казахстане
Я, как она, родился, жил и рос...
Я вижу рядом, в дымчатом тумане,
Её глаза, улыбку, прядь волос.
Седой акын по вечерам в ауле
Под звуки домбры песню пропоёт...*

Поэт вспоминает, как шла Алтыншаш “под вражеские пули и в смертный час сказала нам: Вперёд!”. Завершается стихотворение философскими раздумьями:

*Спокойны будут горные долины,
И в прошлое уйдёт войны гроза.
Сквозь листья, падающие с вершины,
Нам улыбаются её глаза...*

Установить контакты с М. Левченко помог украинский поэт Анатолий Славута-Логвиненко, с которым Б. Канапьянов был на крыше третьего энергоблока Чернобыльской АЭС, а восстанавливать биографию героини стихотворения вызвался молодой журналист Жусупбек Коргасбеков. Юная Алтыншаш, "младшая сестрёнка Али и Маншук", родилась в 1924 году в Москве. В Красной Армии — с августа 1941 года. По окончании шестимесячных курсов комсогов воевала на Центральном, Воронежском и Украинском фронтах. Трижды возвращалась на передовую из госпиталей после тяжёлых ранений. С июля 1944 года комсорг 2-го батальона 207-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии, где служил М. А. Левченко. Погибла Алтыншаш Нургажинова 2 октября 1944 года, захоронена в Гуто-Полянске Лукмянского района Краковского воеводства в Польше. Посмертно награждена орденом Красной Звезды. В Москве, где она жила с родителями, в их квартире проживают другие. И не осталось ни одной фотографии юного комсорга. Но автор очерка выражает надежду на то, что найдутся однопольчане Алтыншаш и мы узнаем о ней, подбившей два вражеских танка, ещё больше.

В Чернобыле Б. Канапьянов разыскал могилу своего земляка, Героя Советского Союза, погибшего в боях с фашистами, Абу Досмухамбетова.

Художественный перевод — значительный фактор взаимосвязей наших литератур. Н. Чернова, поэт, публицист, прозаик переводила стихи украинских поэтов и печаталась в сборнике "Струні домбрі". Новые её переводы с украинского стихотворений Л. Горлача "Красный мак за тучами", В. Коротича "Осенние гуси", а с казахского — С. Машакова "Чернобыль". О трагедии украинского народа — "Чернобыль" С. Машакова:

*Весенний дух над Припятью парил,
Но взрыв зловещей тучею накрыл
Поля и реки. Горечью звенела
Степная травка — белый чернобыль.*

Н. Чернова — автор цикла стихотворений об Украине "Таврия", "Херсонес", "Феодосия", "Монгол", "Череп Святослава", "Жалейка". В стихотворении "Дом" отец, идущий по пыльным шляхам Украины, вспоминает "подворье в молодом укропе". Ковыльными кустами над каждым павшим наклонилась мать. Так величавы, так горды киевские соборы, вознесённые над миром, "что всех владык непобедимых власть / ничтожна перед этой красотой".

Вечную песню слышит скиталец, горбоносый старик в телогрейке, захудалый грек в Феодосии ("Феодосия"). Волны макового поля напоминают ему "вскипающий танец сиртаки, ударяющий в сердце вином!". Полынный Херсонес с обломками храмов — "белые на синем". Поэт находит точную метафору:

*Их обронили жители небес,
Когда людские страсти замесили.*

Днепр бескрайний, свежий запах рыбы и сырой травы, дурманные волны цветущих садов — с этой картины природы начинается повествование Н. Черновой о Пушкине. Затем упоминается Каменка, имение, в котором гостил поэт у французской герцогини, ставшей русской помещицей — Аглаи Антоновны Давыдовой, а десятилетней племяннице генерала Раевского — Адель посвящал стихи: "Играй, Адель, / Не знай печали..." [15, с. 255]. В этом имении, недалеко от Киева, (ныне это Черкасская область) собирались тайно декабристы из "Южного общества", не принимавшие поэта в свои ряды, "не только спасая его, оберегая его

талант, — уточняет Н. Чернова, — не только видя в нём дитя, которое живёт эмоциями и минутой, которое непредсказуемо, но прежде всего — из-за того, что перо поэта было неводержанно к сохранению каких-либо тайн” [15, с. 263].

В описании красоты Марии Кочубей в “Полтаве” вновь обнаруживается сходство с Марией Раевской:

*Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна.*

*Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют,
Звездой блестят её глаза...*

Героиня напоминает Раевскую, стройную, с горящими глазами и смуглым цветом лица брюнетку с гордой, плавной походкой, которую называли в кругу друзей “la fille du Coange — девой Ганга” (А. Гессен “Во глубине сибирских руд”). Для нас особенно важна строка “как тополь киевских высот..”, которые поэт видел в Киеве.

Работая над поэмой, А. С. Пушкин перебирал имена для своей главной героини (дочь Кочубей на самом деле звали Матрёной): Наталия, Анна, Мария, сделав в рукописи приписку относительно последнего имени: “Я люблю это нежное имя...”. “Вспомним, — пишет Н. Чернова, — что Марией назвал Пушкин свою первую дочь, и, наверно, не только в честь своей обожаемой бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, которая предпочитала подписываться “Ганнибалова” — так вроде по-русски будет, но и потому что в самом деле особое значение придавал этому имени — Мария)” [15, с. 277]. Замысел “Полтавы” оформлялся в поэму в то время, когда Пушкин часто общался с Раевскими, жил у их родни в Каменке, ездил в Белую Церковь, где хранилась память о Кочубее и его могила.

Светлым чувством к Украине, тёплым воспоминанием о самых счастливых днях жизни главной героини пронизана повесть “Лето с любимым” драматурга и детского писателя, члена Союза писателей СССР Генриетты Кан. Герои путешествуют от Москвы до Киева, затем дорога бежит вдоль берега Днепра. Любуясь неповторимыми пейзажами и дарами украинской земли, пассажиры “Москвичка” отправились в рискованное путешествие. Высокие ласковые голоса украинских бабок и молодых зазывают попробовать жёлтые, лиловые, ало рдеющие сквозь золотой загар сливы, груши, яблоки, дыни: “А вы попробуйте, будь ласка! Взрежьте... Дыня сладка, як шоколадка!” [16, с. 56]. Глаза одной из спутниц, небольшие, но очень блестящие, похожи на коричневые каштанчики.

В Киеве путников встречает коллега по писательскому цеху, небольшой, коренастый, с круглым розовым лицом, быстрым любопытным взглядом и типично украинским высоким голосом с ласковыми согласными. Распашная рубашка усиливает национальный колорит.

Дом, построенный специально для украинских писателей-писменников, производит ожидаемое впечатление. Но писменники не дружат между собой, “едят друг друга, як редьку!”. В речи Юрчика то и дело проскальзывают дружеские обращения: “Друг! Друге!”. После застолья в новой квартире Юрчик демонстрирует критико-библиографический указатель о детских писателях Украины, из-за которого он выслушал упрёки в необъективности от не попавших в это издание.

Киев для главной героини повести самый красивый и счастливый город, потому что по Днепру она попала в Черкасы, где и встретила своего единственного. Бесчисленные черкасские божьи коровки, обитавшие повсюду, стали

свидетелями зарождающегося чувства. В Софийской церкви, глядя на прекрасные лики византийских святых, были слёзы счастья и горя, что так кратки дни и ночи. В эту поездку Черкассы проносятся за окном автомобиля.

Возле Канева вода в Днепре коричневая от множества мельчайших спор, потому что перегороденная плотиной река, превращённая в Кременчугское водохранилище, стоячая, и в ней завелись водоросли. “Здравствуй, Днепр! Здравствуй, родной! Я вернулась!”. На чудесном белом берегу кажется кощунственной любая мысль о работе, и рецензия остаётся так и недописанной Олегом.

Небольшой уютный городок на Днепре располагает к отдыху, Днепр заманчиво блещет сквозь деревья. Солнце не такое жаркое, как на юге, дарит новые ощущения, ласково гладит кожу, не опаливая её. Белёлые тёплые дни — особая примечательность центральных областей Украины. Даже у русских говор абсолютно местный.

Г. Кан не называет имя русского детского писателя, памятник которому есть в Каневе. Это Аркадий Гайдар, точно описан скромный бронзовый бюст и скромная могила. “При жизни был он отчаянным человеком с неровным от страшной болезни характером. Но никто, наверное, не умел так разговаривать с детьми... Тогда, до войны, даже педагогической науке некогда было говорить взрослым, как надо вести себя с детьми. Без этой науки, а по одной своей душевной склонности стал он самым настоящим детским писателем, а его храбрость, как и доброта, вошли в легенду” [16, с. 82-83].

К сожалению, туманные обстоятельства гибели Гайдара, отсутствие свидетелей трагического события на много лет сделали его имя полузабытым. Позднее Гайдар стал, по праву, первым среди детских писателей. Но ни слова нет в повести о музее писателя, расположенном в Каневе. В повести много верных и точных психологических наблюдений о характере жителей, удивительно ласковом, с певучим и весёлым говором. В музее великого Кобзаря наблюдательная героиня повести не обнаруживает оригиналов живописных работ художника, только копии в натуральную величину, причём небольшие. А рядом громадные белые гипсовые фигуры парубков и мужиков, гнувшихся под ярмом, символизирующих обездоленный народ. Иллюстрации Кобзаря к “Бахчисарайскому фонтану” — крошечные, размером с книжную страницу, акварели. Изысканный, прозрачный колорит, брюлловского типа лица красавиц, лёгкие облака шелков теряются на фоне огромных фигур.

Разумеется, это личная точка зрения автора, уверенного в том, что преувеличенная монументальность иногда подавляет человека, хотя призвана показать его величие или величие его подвига: “Крошечная гвоздичка, выросшая на земле, по которой ступал погибший писатель, трогает во мне больше душевных струн, чем грандиозный памятник. А может, — размышляет героиня повести, — это говорит во мне восточная натура, избегающая громких фраз и внимающая малой частице огромного мира?”.

Из Канева дорога, запоминающаяся знакомым с детства степным раздольем, сухим душистым ветерком с запахом чабреца, направляется в село Чёрный Ташлык. В маленькой хате живёт старенькая бабушка с удивительной улыбкой — на маленьком лице лучатся глубокие морщины, ласково сияют выпуклые глаза.

Тончайшими нюансами повесть Генриетты Кан “Лето с любимым” заставляет читателя ещё раз задуматься над тем, что много было общего в культуре и жизни украинского и казахского народов.

В 2004 году поэту, прозаику, публицисту, переводчику В. Гундареву, главному редактору литературно-художественного и общественно-политического журнала “Нива”, удалось побывать в Киеве и Черкасской области. Об увиденном — его очерк “Окрылённая Украина”. Тесные дружеские отношения на протяжении ряда лет связывают редакцию журнала “Нива” с дипломатическим представительством Украины в Казахстане. В. Гундарев ярко характеризует Чрезвычайного и Полномочного

Посла В. Г. Цыбенко, видного театрального деятеля, натуру подлинно творческую и артистическую, бывшего первого секретаря посольства С. Ф. Пазенко и сменившего его доктора исторических наук А. Ю. Чабана, человека незаурядного и многогранного, который поначалу показался сдержанным и немногословным. А. Чабан, В. Гундарев, вице-президент ОАО “Республиканская газета “Казахстанская правда” А. Тараков и сотрудники агентства “Хабар” 17 мая 2004 года вылетели в Москву, а затем в Киев.

Программа пребывания в Киеве была составлена так, чтобы гости из Казахстана успели провести официальные встречи в Госкомитете телевидения и радиовещания Украины, выполняющего, по сути, функции министерства информации, и полюбоваться достопримечательностями столицы. А далее — Умань, Канев и Черкассы. Черкасщина — сердцевина и душа Украины. Талант историка и рассказчика Анатолия Юзefовича Чабана, патриота своей Родины, раскрывался постепенно: по дороге от Киева до Умани и в самой Умани, половина жителей которой стали жертвами фашизма. В городе был концлагерь под открытым небом “Уманьская яма”, в котором содержалось в нечеловеческих условиях свыше ста тысяч советских военнопленных. Об этом — книга “Зелёная брама” известного поэта Е. Долматовского, чудом выжившего узника концлагеря Умани. В окрестностях Умани расположен Сухой Яр, слава которого так же трагична, как и Бабьего Яра в Киеве.

В Умани, крупном научном, образовательном и культурном центре Украины, находится почти четверть исторических памятников Черкасской области, аграрная академия, педагогический университет, ряд училищ и колледжей. Государственный педагогический университет носит имя выдающегося украинского поэта и государственного деятеля, академика АН Украины, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета СССР П. Г. Тычины. На семи его факультетах готовят учителей по всем школьным предметам и домашних учителей-гувернёров для состоятельных семей Бельгии, Финляндии и других европейских стран. При филологическом факультете с 1996 года успешно действует литературное объединение имени Микола Бажана, уроженца Умани, замечательного украинского поэта, академика АН Украины, Героя Социалистического Труда, дважды лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета СССР.

О шедевре садово-парковой культуры, знаменитом на весь мир старинном дендропарке “Софиевка” и истории Умани с 1616 года — очерки А. Таракова в “Казахстанской правде” и в журнале “Байтерек”. В 1995 году находящийся в ведении Национальной академии наук Украины дендрологический парк-заповедник “Софиевка” по итогам международного конкурса садово-парковых ансамблей “Европа-ностра” вошёл в число пяти, удостоившихся высших наград (всего заявок было подано 165). “Софиевка” не только ни в чём не уступила прославленным ансамблям Версаля, Сан-Суси и Петергофа, но и в чём-то превзошла их “уникальными и своеобразными чертами своего облика, органичным и неповторимым сочетанием рукотворного живописного ландшафта с естественно вписанными в тщательно организованное пространство причудливыми мифологическими изваяниями, великолепными скульптурами, воссоздающими эпоху античной Эллады” [17, с. 158].

В. Гундарев не может не включить в текст очерка романтическую историю происхождения “Софиевки”, рождённой великой любовью богатейшего польского магната графа Станислава Потоцкого (1751—1805) к Софии (1760—1822), ставшей впоследствии графиней Потоцкой. Возлюбленная графа, одна из красивейших женщин того времени, была гречанкой, поэтому в парке воссоздан дух Древней Греции. Открытие парка состоялось в мае 1802 года и было приурочено ко дню рождения Софии, красотой которой восхищались августейшие особы Европы. Дарственная надпись “Любовь — Софии” выбита на монолите латинскими и греческими буквами.

В парке воочию представлены, разумеется, в уменьшенном виде, “обитель Аполлона и муз Парнас; дающий поэтическое вдохновение родник Иппокрены на горе Геликон; подземная река Стикс с усердным лодочником Хароном... Многие скульптуры античных героев и великих деятелей являются подлинными. Они доставлены в “Софиевку” из Италии, Греции, Крыма. При раскопках Херсонеса обнаружена статуя Еврипида. Это единственное в мире сохранившееся изваяние величайшего драматурга” [17, с. 160]. Такие открытия дарит парк Умани, подлинным творцом и разработчиком гидротехнического, топографического, ландшафтного и архитектурного проектов и руководителем всего строительства которого был военный инженер Людвиг Христиан Метцель, находившийся в дружеских отношениях с графом Потоцким. После смерти Л. Метцеля в 1841 году его дело продолжил действительный член Академии художеств России А. И. Штакеншнейдер, автор проектов дворцов Санкт-Петербурга и сооружений Петергофа, и главный садовник парка Умани учёный-натуралист В. А. Пашкевич. Но именно Л. Метцель создал на основе маловодной речушки Каменки в засушливом месте “каскад прудов, обеспечивших за счёт перепадов высот циркуляцию воды... Разница в уровнях между верхним, так называемым Мёртвым озером, и нижним прудом составила 14 метров. Таким образом, — приводит В. Гундарев рассказ А. Чабана, — был обеспечен достаточный водоток, зарегулировавший в единую систему полив зелёных насаждений, фонтаны, водопады и другие устройства” [17, с. 160].

Очерк В. Гундарева “Окрылённая Украина” содержит интересные сведения не только о красавице Софии Потоцкой, но и о её приёмных дочерях. В 1818-1819 годах А. С. Пушкин познакомился с приёмными дочерьми Софии Потоцкой — Полиной и Ольгой, блиставшими необыкновенной красотой. Их только начали вывозить в петербургское светское общество. Затем он встречался с ними в Одессе. Молодой поэт страстно увлёкся Полиной, которая предпочла ему блестящего представителя гвардии — графа П. Д. Киселёва, став в 1821 году его женой. По одной из версий, Полина Потоцкая запечатлена в “романтичном образе Татьяны Лариной. Согласно одной из гипотез, замысел “Бахчисарайского фонтана” возник у Пушкина тоже благодаря общению с Полиной Потоцкой”.

Старинное казацкое поселение, получившее известность ещё в XVI веке как форпост борьбы украинского народа против татарского нашествия, Чигирин во времена Богдана Хмельницкого, выдающегося государственного деятеля и полководца, гетмана Украины, руководителя освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского гнёта в 1648-1654 годах, развивался особенно бурно. 8 января 1654 года в городе Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий) собрание представителей украинского народа, созванное гетманом Богданом Хмельницким и вошедшее в историю как Переяславская рада, провозгласило воссоединение Левобережной Украины с Россией, имевшее прогрессивное историческое значение для судеб украинского и русского народов. В 1649 году Чигирин был объявлен Богданом Хмельницким столицей Украины.

“Чигирин оставался гетманской столицей до 1678 года, — пишет В. Гундарев. — Однако в период русско-турецкой войны 1677-1681 годов турецко-татарские войска дважды (в 1677 и 1678 годах) пытались захватить Чигирин — в конце концов защитники крепости после длительной осады, не имея возможности продолжать дальнейший отпор, подорвали укрепление. Был разрушен и Чигирин, утративший после этого своё военное и политическое значение. В тот же период предпринятые русской армией и украинскими казаками походы с целью защиты Чигирина, названные Чигиринскими, потерпели неудачу, однако планы Турции по захвату украинских земель были сорваны. Через некоторое время завоеватели покинули этот край” [17, с. 162-163].

Национальный историко-культурный заповедник “Чигирин” включает в себя государственный парк на Замковой горе, музейный комплекс Богдана Хмельницкого

и казацкой славы, скульптурную композицию “Кобзарь” в честь пребывания в городе Т. Г. Шевченко, историческое место Замчище в Субботове, где была расположена родовая усадьба Б. Хмельницкого, и многие другие исторические памятники, среди которых урочище Холодный Яр занимает особое место. “Это огромный лесной массив, протянувшийся на десятки километров. Его история уходит в глубину столетий. Первые поселения здесь возникли ещё в эпоху позднего палеолита и неолита (что подтверждают раскопки). Наибольший интерес представляют памятники скифско-сарматского периода. Доныне сохранились оборонительные укрепления, опоясавшие большую территорию, сооружённые полтора-два тысячелетия назад. Высота этих мощных валов достигает 12 метров. Трудно даже представить, — размышляет В. Гундарев, — каким образом могли сделать это наши предки в далёкие времена. Находящееся в нескольких километрах от них Матрёнинское городище — одно из самых значительных на лесостепном правобережье Днепра, оно было заселено ещё в конце V века до н. э.” [17, с. 164]. Прославил Холодный Яр и Максим Железняк (Зализняк), один из предводителей (вместе с И. Гонтой) крестьянско-казацкого восстания на Правобережной Украине 1768 года против феодально-крепостнического и национального гнёта польской шляхты. При нём движение гайдамаков достигло наивысшего подъёма.

Для меня, выпускницы Черкасского государственного педагогического института, очерк В. Гундарева “Окрылённая Украина” особенно дорог тем же трепетным чувством любви и очарования всем увиденным, что пытались передать нам и наши преподаватели, которые к группе казахстанских студентов относились по-особому. Они вкладывали в нас каждый частичку своей души, знакомили с украинской культурой и литературой, историей, организовывали экскурсии не только по городам (Киев, Смела, Умань, Одесса, Корсунь-Шевченковский, Канев и др.) и историческим местам Украины (Каменка и др.), но Молдавии (Кишинёв) и России (Севастополь, Волгоград, Измаил, Феодосия, Керчь, Новороссийск и т. д.).

Произведения В. Гундарева переводились на казахский, украинский, немецкий, словацкий, французский, испанский, португальский и корейский языки. Как главного редактора журнала “Нива” В. Гундарева заинтересовало творчество Василия Симоненко, которого считают духовным наследником Тараса Шевченко. Не стало его в 28 лет. При жизни у него вышла лишь тоненькая книжечка стихов “Тишина и гром”, и лишь после кончины началось восхождение к бессмертию:

*Но стылый ветер — солнцу не остуда.
До боли сердца отчий край любя,
Родная Украина! Жив покуда,
Я не устану открывать тебя.
“Эй, новые Колумбы-Магелланы...”*

При содействии посольства Украины в Казахстане В. Гундарев перевёл на русский язык 23 стихотворения Василия Симоненко [19], которые опубликованы в “Ниве” с предисловием доктора исторических наук Анатолия Чабана.

В. Симоненко родился на святой полтавской земле в историческом Лубенском районе 8 января 1935 года. В детстве и юности зачитывался произведениями своих великих земляков Ивана Котляровского и Николая Гоголя, “жил в окружении украинской истории, которой неимоверно богата эта священная земля” [19, с. 78]. Учёба в Киевском государственном университете на факультете журналистики, где он увлёкся творчеством С. Есенина, А. Блока и В. Сосюры, стала важнейшим фактором формирования его активной гражданской позиции — “патриота, трубача правды”. Поэтическое кредо молодой поэт сформулировал чётко, будто предрекая свою судьбу:

*Чем до полвека тихо плетъ и скрыто,
Так лучше в тридцать пламенем сгореть.*

С 1956 года Симоненко в Черкассах, пройдя путь от студента-практиканта до литературного сотрудника газет “Черкасская правда”, заведующего отделом областной молодёжной газеты и корреспондента республиканской “Рабочей газеты”. Черкассы, по образному выражению А. Чабана, стали “колыбелью его таланта”, потому что именно здесь увидели свет его книги при жизни — “Тишина и гром” (1962) и после смерти поэта — “Земное притяжение” (1964), “Избранная лирика” (1968), “Лебеди материнства” (1981), “Стихи” (1984), “Ты знаешь, что ты человек” (2001), “В твоём имени живу” (2003); сказки “Царь Плаксун и Лоскотун” (1963), “Путешествие в страну наоборот” (1964); сборники новелл “Вино с роз” (1965) и “Петухи на рушниках” (1992).

Обращаясь к ровесникам в одноимённом стихотворении, В.Симоненко призывает “не дремать лениво на причале”, не изливать “пустячные утечи и печали в меланхолических песнях и стихах”, так как

*Мы в мир пришли наследовать по праву
Громаду дел, величие идей
Своих отцов, что обретали славу,
Отстаивая правду наших дней.*

*Так пусть сердца не тянутся к покою,
Мечты пусть обгоняют бег дорог,
И наша юность будет пусть такою,
Чтоб каждый ей завидовать бы мог.*

Он пытается окинуть поэтическим взором весь путь Украины: трагические страницы её истории, голодомор 1947 года и т. д. К сожалению, в поэтической подборке стихотворений В. Симоненко, помещённых в рубрике “Поэтический венок” журнала “Нива”, не указано время создания каждого из них. Нам известно лишь, что поэт ушёл из жизни в далёком уже 1963 году. Тем более в начале 70-х требовались особые гражданская смелость и мужество, чтобы открыто напоминать об измождённых женских лицах, хмурых мужицких взглядах, которые, “стиснув зубы”, “выполняли план”. “Дней голодных лих” — в каждой строке стихотворения “47-й год”:

*Рыдали вдовы, дети бились в плаче,
А на еду им — жёлуди одни.
Из сил в телегах выбивались клячи —
Худые, как в колхозе трудодни.*

Эти же годы воссоздаёт М. Симашко в автобиографическом повествовании “Писание по Бондарю”. Это, в первую очередь, повествование о детстве писателя, вкрапления картин жизни семьи на Украине, в Одессе. Поскольку сын в семье студента Одесского института народного образования родился в День Парижской коммуны, его имя и не могло быть другим: Марсель или Морис. Затем Ладыжин, где отец после окончания института заведовал семилетней школой. Мать учила детей арифметике и немецкому языку. Морис знал два языка: украинский и русский.

Голодный, страшный Тридцать Третий Год (именно так — заглавными буквами пишет его М. Симашко. — С. А.). Осенью в Одессе появились первые голодающие. Повествование М. Симашко отстранённо, он описывает картины жуткой трагедии как бы со стороны, глазами постороннего наблюдателя. Хотя это картины, всплывающие в его детской памяти, необыкновенно цепкой и впечатлительной: “Они неслышно садились семьями вокруг тёплых асфальтовых котлов позади их законных хозяев — беспризорников — и молча смотрели в огонь. Глаза у них были одинаковые: у стариков, женщин, грудных детей. Никто не

плакал. Беспризорники что-то воровали в порту или на Привозе, порой вырывали хлеб из рук зазевавшихся женщин. Эти же сидели неподвижно, обречённо, пока не валились здесь же на новую асфальтовую мостовую. Их место занимали другие. Просить что-нибудь было бессмысленно" [20, с. 450-451].

С середины зимы, когда каждый день от причалов по обе стороны холодильника уходили по три-четыре иностранных парохода с мороженым мясом, маслом, битой птицей, голодающие шли толпами, "с чёрными, иссохшими лицами, и детей с ними уже не было".

Сорок Седьмой Год... Засуха. С Западной Украины на крыше вагонов люди везли картошку, неубранную с полей. "На глухих перегонах их ждали другие люди. Они привязывали верёвкой к дереву железные кошки с зубьями, которыми вылавливают из колодцев утонувшие вёдра. В ночной тьме их бросали вдоль крыши несущегося поезда, сдергивая всё подряд: мешки с картошкой и спящих людей. Вдоль дорожных насыпей у Жмеринки, Котовска, Балты, станции Раздельная валялись обезображенные, истерзанные трупы мужчин и женщин, так и не доехавших к своим голодным детям" [20, с. 453-454]. И тут же следует всего одно авторское предложение: "Не было блокады и оккупации...". Авторская речь предельно лаконична.

Сравним у В.Симоненко:

*Я не забыл мужицких взглядов хмурых,
Лиц женских измождённых, тяжкий труд,
Когда продажные писали шкуры
О том, как люди счастливо живут.*

Земля Черкасская стала для витязя молодой украинской поэзии "творческим Клондайком. Край, который дал миру Тараса Шевченко, Михаила Старицкого, Ивана Нечуй-Левицкого, стал для Поэта источником его вдохновения, формирования его гражданской позиции, наполненной историей, образностью, чистотой народного языка" [19, с. 80]. В народной речи слились, по мнению поэта, воедино "шёпот зачарованной пшеницы и призывный клич с врагом на бой". Именно она даёт поэту "чудо-крылья, что возносят правду в вышину", потому что в родной речи — "великого народа трепетная, нежная душа" (стихотворение "Моя речь"). Украинская мелодия, "стон бандуры печальной рекою вдаль уносит к седой старине". И видит поэт, "возле шляха, на побитой конями траве, жирный ворон, как будто папаха, на казацкой сидит голове" (стихотворение "Украинская мелодия").

Украине посвящены самые проникновенные строки:

*Когда предгрозые, наплывая с краю,
Охватит даль объятием тугим,
Я именем твоим благословляю
И проклиная именем твоим.*

*Когда кинжалы молний, рассекая
На клочья небо, землю жгут огнём,
То с именем твоим я умираю
И воскресаю в имени твоём.*

"Украине"

Публикация в "Ниве" переводов стихотворений В. Симоненко "Украина, ты моя молитва...", выполненных мастерски В. Гундаревым, призвана познакомить и ещё больше сблизить наши народы. А. Чабан в переводах В. Гундарева подчёркивает "проникновение в сущность творчества поэта, точность образов, метафор, аутентичное оригиналу чувство размеренности, бережное отношение

к слову. А ещё — умение выбрать особо значимые, действительно характеризующие сущность творчества поэта стихи” [19, с. 80].

Завершает поэтическую подборку стихотворение В. Симоненко “Лебеди материнства”. Эта колыбельная песня, в которой “сказка сизыми очами — с материнской доброй лаской” смотрит в окна; к колыбели приплывают лебеди и танцуют на стене; зори опускаются тихо, “сыну под ресницы”. Мать напутствует подрастающего сына: можно выбрать подругу жизни, друга, брата духом, но не Отчизну и не “другую мать”, потому что материны очи будут следовать за сыном повсюду.

*Если упадёшь ты в поле на чужбине,
вербы с тополями выйдут с Украины,*

*встанут над тобою, зашумят листвою
и печалью светлой душу успокоют.*

*Выбирай что хочешь, — говорю я сыну, —
Невозможно выбрать только Батьковщину.*

В Казахстане помнят, ценят и изучают наследие великого Кобзаря. Памятники Т. Г. Шевченко возведены в Астане, Алматы и Форт Шевченко. Город на полуострове Мангышлак носит его имя — Форт Шевченко. Его поэтическими произведениями восторгались и переводили на казахский язык Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Абдильда Тажибаев. Шевченко посвятили свои произведения Джамбул и многие современные поэты. Уникальный, единственный в Азии музейный комплекс Тараса Шевченко функционирует в городе Форт Шевченко. В музее экспонируются его художественные и поэтические произведения, предметы украинского быта. Рядом с музеем — землянка, построенная самим поэтом. Вот как поэтично описывает землю Мангистау в статье “Слово об акыне Тарази” Ш. Р. Елеуkenов: “Один вид посреди суровой и выжженной земли городищ-усыпальниц, купола которых напоминают островерхие сакские шапки, подземными мечетями, лабиринтами переходов, украшенных уникальными орнаментами, батальными и охотничьими сценами, ввергает путника в атмосферу сказочности и мечтательности. В душе рождается какая-то светлая ностальгия по старине, пусть и не так уж далёкой от нас во времени. Такой, как Форт Шевченко. Архаичное слово “форт” напоминает, что некогда этот посёлок был укреплением в системе российских крепостных сооружений. В те времена он носил название Новопетровск” [21, с. 97].

Интерес Ш. Р. Елеуkenова к творчеству великого Кобзаря не случаен. Под научным руководством Ш. Р. Елеуkenова защитила кандидатскую диссертацию “Проблемы романа о современности (на материале казахских и украинских романов 70-80-х гг.)” в 1990 году Нила Зборовская, научный сотрудник Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Статья “Слово об акыне Тарази” выходит за рамки газетной публикации. Это скорее очерк, с элементами художественного описания. Учёный-литературовед пытается разобраться в том, как в адских условиях солдатчины, которая была не лучше тюрьмы, “ему удавалось оставаться самим собою — поэтом и художником. Откуда черпал силы и вдохновение этот человек с трагически опущенными книзу усами и большой головой?”. Поэтому и хочется всё узнать, до деталей, “будто иссохшая под ногами земля, по которой в вечернюю прохладу в раздумьях отмеривал шаги поэт, — старое дерево со скудными мелкоколючатыми листьями, покрытыми сизым налётом, тебе что-то нашепчут на ухо, ответят на твой немой вопрос” [21, с. 97].

17 октября 1850 года прибыл в Казахстан Тарас Шевченко. Согласно древнему восточному поверью, Шевченко посадил дерево и вырыл колодец в Мангистау. Одинокое дерево из стихотворения “Топор за дверью у Господа Бога”

*И топором нетронуто,
И божьим пожаром.
И шепчется с долиною
О времени старом*

дорого поэту “как символ героя, устоявшего перед превратностями времени. Оно напоминало ему собственную судьбу, которая не казалась ему роковой, несмотря на тяжкие испытания”, — пишет Ш. Р. Елеуменов. Не стоит забывать, что из 450 картин, созданных Т. Г. Шевченко, “славянским Рембрандтом”, 250 посвящены жизни и труду казахского народа. Символом целой эпохи называет полотно Т. Г. Шевченко “Байгуши перед окном” Ш. Р. Елеуменов, отмечая, что “Шевченко сотворил чудо и в том смысле, что в его лице казахи обрели своего художника, народного глашатая и заступника, который перед лицом всего мира рассказывал правду о жизни, быте и природе малоизвестного колониального края, о мытарствах угнетаемых и гонимых. Пожалуй, ни один художник ещё не смог выразить столь гениально национальный гнёт в сплетении с социальным, как это сделал Тарас Шевченко в полотне “Байгуши перед окном”. Мощный кулак, грозящий из окна чиновничьего дома, двуглавый орёл на крепостной стене, казахские мальчики-оборванцы, просящие подаяния, — этот эпизод настолько объёмен и содержателен, что читается как символ целой эпохи” [21, с. 99].

И неслучайно, красочный альбом полотен Т. Г. Шевченко, ставшего кобзарём, акыном Тарази и русским Рембрандтом, изданный в Казахстане в 1982 году, был назван “Щедрость души”, потому что “лишь щедрая душа Шевченко дала нам возможность лицезреть XIX век Казахстана на портретах живых людей”. По мятежному духу Шевченко в Казахстане сравнивают с поэтом-воином Махамбетом, по богатству лирической палитры — с Абаем.

В следующей статье “Певец национальной свободы” Ш. Р. Елеуменов главное кредо творчества Т. Г. Шевченко определяет как “героическая нравственность”, а самого кобзаря считает пионером национальной тематики в литературе народов России. За десять лет пребывания в Казахстане, “в течение с 1847 по 1857 поэт создал больше произведений, чем за весь период до ареста. Тем самым он опроверг молву, будто “в клетке соловей умолкает” [22, с. 105].

Этот тезис Ш. Р. Елеуменов развивает и подкрепляет примерами в статье “Молодая поросль шевченковедения”, подчёркивая, что у истоков казахстанского шевченковедения стоят выдающиеся казахские художники слова М. Ауэзов, Г. Мусрепов, А. Тажибаев. “Я утверждаю, — взволнованно звучит голос исследователя, — что на необъятных просторах казахских степей Тарас Шевченко сам завоевал себе право свободно и уверенно жить в искусстве. Живописное наследие Шевченко этого периода насчитывает около 450 работ. Из них 350 полотен, т. е. подавляющее большинство из всего, созданного им, посвящено Казахстану, природе его, жизни и быту казахов. Если бы Казахстан был для Шевченко только тюрьмой, местом тяжелейших лишений, смог ли бы он создать столько шедевров? Ответ однозначен: отвесной скалой для водопада вдохновений служила казахская действительность. Она стала предметом его дум, страданий и творчества. Судьба казахов, отданная в чужие, безжалостные руки, была во многом схожа с судьбами его далёкой Родины, а может быть, ещё печальней и горше” [23, с. 109].

Самое интересное, что Ш. Р. Елеуменову вторит генеральный директор киностудии им. Довженко Игорь Ставчанский, посетивший летом 2007 года киностудию “Казахфильм”. Речь идёт о совместной работе наших и украинских кинематографистов над кинокартиной о Тарасе Шевченко, съёмки которой будут проходить в Казахстане. Размышляя о том, что люди, “которые умеют что-то делать, работают во все времена”, Игорь Ставчанский приводит в пример

Т. Шевченко: “Тот же Тарас Шевченко в ссылке написал больше картин и стихов, нежели на свободе” [24, с. 7].

Поразительное открытие делает далее в статье Ш.Р.Елеукунов: своей картиной “Казашка”, созданной в 1856 году, за год до отъезда в Петербург, Т. Шевченко опережает Огюста Родена и его образ “Мыслителя”. Обратим внимание, как подробно и сочувственно воссоздаёт образ молодой женщины на полотне Т. Г. Шевченко учёный из Казахстана: “Склонив голову на руки, опирающиеся в свою очередь на келсап (пест) деревянной ступы, она стоит, о чём-то глубоко задумавшись. Голова её повязана платком, напоминающим чалму. Видимо, она хотела уберечься от безжалостных лучей палящего солнца. Зато ноги её, с сильными, полными икрами, — босые. Женщина одета в свободного покроя платье, с широкими рукавами. Но и это платье не смогло скрыть женственного стана (округлости и мягкости тела). Круглые, полные губы, густые, вразлёт брови, большие глаза с чуть заметным азиатским разрезом завершают портрет обаятельной степной красавицы. Она слегка наклонила голову, но, видимо, не от усталости, нет. Она раздумывает о чём-то важном, серьёзном” [23, с. 109-110].

Реалистичностью, жизненностью образа, кричащим национальным колоритом, смелостью художника-демократа, увидевшего в степной женщине человека с духовным зрением, человека, отягощённого своими внутренними драмами, — вот чем Шевченко предвосхитил известного скульптора. Шевченко определил Родена “и смелостью замысла, и стремлением к глубинной философской концептуальности”.

О феномене Тараса Шевченко, о его всеобъемлющем поэтическом таланте размышляет А. Чабан в юбилейный для поэта год. Прозаик, драматург, скульптор (по свидетельству его друзей), гравёр-офортист с почётным званием академика-гравёра. Кобзарь “великолепно ориентировался в древнегреческой и древнеримской литературе, Библии, знал произведения немецких, французских, русских писателей, изучал историю разных народов мира, превосходно зная историю своего народа. Проявлял профессиональное понимание археологии, глубоко изучал этнографию, этнологию. А ещё, — пишет далее А. Чабан, — он был изумительным чтецом, обладал прекрасными актёрскими данными, был тонким ценителем народно-песенного и профессионального музыкального искусства, а также имел неплохие вокальные данные” [24, с. 164].

Год Казахстана на Украине, залогом успешного проведения которого было личное внимание президентов двух стран, стал, по мнению тогдашнего министра культуры и информации Республики Казахстан Е. Ертисбаева, “платформой в развитии казахстанско-украинских отношений принципиально нового качества” [25, с. 4]. Открылись новые возможности для дальнейшего развития “духовных отношений, углубления исторического и культурного обмена между двумя государствами”, которые будут расширены и получат дальнейшую динамику в наступившем 2008 году, объявленном Годом Украины в Казахстане. Народы наших стран, подчеркнул далее Е. Ертисбаев, “всегда будут привержены чувствам дружбы, партнёрства и союзничества, ориентированным в XXI столетие” [25, с. 4].

У сотрудников нашего Института — профессиональный интерес к украинской литературе и искусству. Р. К. Кайшибаева, автор монографии “Казахско-украинские литературные связи”, написала ряд статей для готовящейся к изданию Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины энциклопедии “Тарас Шевченко”. Проявила интерес к данному проекту заведующая отделом изобразительного искусства доктор искусствоведения Р. А. Ергалиева.

Хорошие творческие контакты установились у наших учёных с посольством Украины в Республике Казахстан. Завершилось пребывание в Астане

первого секретаря посольства доктора исторических наук, профессора Анатолия Чабана. Анатолий Юзифович прилагал немало усилий для того, чтобы народы Украины и Казахстана лучше узнали друг друга. Мы не раз беседовали с ним о возвращении национальным культурам творчества репрессированных писателей, о современной литературной ситуации, подготовке преподавательских кадров и послевузовской системе образования в наших республиках, о Черкащине, родине великого Кобзаря, о работе писательских организаций и многом другом. При личном и непосредственном участии А. Чабана на страницах “Казахстанской правды” и “Нивы” появилась серия материалов, пропагандирующих украинскую культуру и литературу, которые внесли определённый вклад в укрепление казахстанско-украинских связей. На память остались подаренные книги и альбом “Украинцы Казахстана”.

В старинном особняке Астаны на улице М. Ауэзова, в зале приёмов посольства Украины в Республике Казахстан по личному приглашению первого секретаря посольства Вячеслава Яренко и в присутствии советника посольства Валерия Джигуна 20 апреля 2007 года состоялась интересная встреча автора этих строк и ведущего научного сотрудника нашего института Алмы Тусуповой с известным поэтом и прозаиком, Чрезвычайным и Полномочным Послом Украины Романом Лубкивским — председателем Комитета национальной премии имени Тараса Шевченко. Он является автором ряда крупных произведений, в том числе книги “Дороги Шевченко в Беларуси”. Визит украинского деятеля культуры в Казахстан был приурочен к 150-летию окончания ссылки Тараса Шевченко. Вячеслав Георгиевич Яренко заинтересован судьбой музея своего великого земляка в г. Форт Шевченко, который в ходе своего визита в Казахстан навестил и Роман Лубкивский.

Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова в 2006–2007 годах посетили научные сотрудники академических институтов Украины. С благодарностью восприняла кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник отдела ирано-тюркских языков Института востоковедения Академии наук Украины И. Н. Дрига предложение С. А. Каскабасова о публикациях статей украинских учёных в новом журнале “Керуен”, два номера которого были подарены госте из Киева. Ирина Николаевна прибыла в Казахстан, чтобы собрать в архивах материал о репрессированных тюркологах Украины. Она нашла интересные факты о жизни и судьбе А. Крымского и Б. Даневича, преподавателя Верненской гимназии. К сожалению, архив известного учёного А. Крымского до сих пор не опубликован. Среди его неизданных работ — статья “Литература тюрков Казахстана” (на турецком языке) и несколько страниц по казахской литературе.

И. Дрига поделилась своими впечатлениями о международном научном симпозиуме по литературе путешествий (Турция), пригласила к участию в “Крымских востоковедческих чтениях” (сентябрь 2006 г., Киев), рассказала о фольклорных экспедициях по азовским тюркам. Ассоциация алтаистов и Сеульский университет проявляют интерес к кипчакским текстам и фольклору караимов, гагаузов, крымчаков и др. Речь на встрече в кабинете директора института шла о собирании фольклорных текстов, о проведении научных экспедиций, о подготовке научных кадров, о научном руководстве докторантами с Украины и т. д.

Ирина Николаевна проявила интерес к музыкальному искусству, посетила отдел музыкального искусства нашего института, побеседовала с его заведующей — кандидатом искусствоведения, профессором С. А. Кузембаевой и научными сотрудниками, пригласив молодых учёных к дальнейшему развитию научных связей, к публикациям статей на страницах украинских изданий.

И. В. Арендаренко, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела компаративистики Института литературы имени Т. Г. Шевченко НАН

Украины, выступившая с содержательным научным докладом “Романтический ориентализм и сравнительное литературоведение” на второй международной научно-теоретической конференции “Теоретические и методологические проблемы современного литературоведения и фольклористики”, организованной кафедрой теории литературы и фольклористики КазНУ им. аль-Фараби, в сопровождении заведующего кафедрой теории литературы и фольклористики КазНУ им. аль-Фараби доктора филологических наук, профессора Б. К. Майтанова и кандидата филологических наук, доцента кафедры А. Б. Темирболат 22 мая 2007 года посетила Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК. Состоялась встреча Ирины Владимировны с директором Института академиком НАН РК С. А. Каскабасовым, академиком НАН РК С. С. Кирабаевым, доктором филологических наук, профессором, заведующим отделом абаеведения Ж. Исмагуловым, во время которой гостя из Киева передала в дар дирекции института великолепно изданную историю своего научного учреждения и письмо о сотрудничестве от имени директора Института литературы им. Т. Г. Шевченко академика НАН Украины Н. Жулинского, выражающего “готовность инициировать и поддерживать совместные научные проекты” и надежду на плодотворное сотрудничество между нашими институтами”.

И. В. Арендаренко присутствовала на заседании отдела мировой литературы и международных связей под руководством профессора Ш. Р. Елеукенова, под научным руководством которого защитила кандидатскую диссертацию “Проблемы романа о современности (на материале казахских и украинских романов 70-80-х гг.)” в 1990 году Нила Зборовская. Это ещё один факт наших научных контактов с учёными Украины.

24 мая 2007 года И. Арендаренко выступила с интересным сообщением о научной деятельности Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины на заседании Совета молодых учёных ИЛИ им. М. О. Ауэзова. В структуру Института литературы им. Т. Г. Шевченко входят отдел древней украинской литературы; отдел рукописей и текстологии, фонд которого постоянно пополняется рукописным наследием И. Франка из Львовского отделения ИЛИ; классической украинской литературы (XVIII-XIX вв.); отдел шевченковедения, раз в два года совместно с Черкасским национальным университетом им. Б. Хмельницкого проводящий Шевченковские чтения; отдел новой украинской литературы; зарубежной литературы и отдел компаративистики.

Особый интерес у учёных нашего института вызвали “История украинской литературы” (в 12 т.), научный журнал “Окно в мир”, издаваемый немецко-австрийским обществом, номера которого посвящаются австрийской, швейцарской литературами. Кроме этого, ведущий литературоведческий журнал “Слово и время”, сборник научных трудов, издаваемый Международным обществом американистов, функционирующая “школа американской литературы”, научные семинары, конференции молодых учёных. От имени оргкомитета как его учёный секретарь Ирина Арендаренко пригласила наших литературоведов принять участие в работе III международной научной конференции по литературной компаративистике “Парадигматика современной компаративистики и межнациональные контексты украинской литературы”. Сотрудники отдела мировой литературы и международных связей любезно приняли приглашение.

Состоялся заинтересованный разговор, в котором активно участвовали заведующий отделом древней литературы кандидат филологических наук, доцент С. С. Корабай, учёный секретарь ИЛИ им. М. О. Ауэзова кандидат филологических наук А. Зекенова, председатель Совета молодых учёных кандидат филологических наук А. Алибекулы, младший научный сотрудник отдела теории литературы и методологии литературоведения У. Еркинбаев, кандидат филологических

наук, ведущий научный сотрудник А. К. Тусупова, научный сотрудник А. К. Машакова и другие. С. С. Корабай познакомил гостя из Киева с научной деятельностью нашего института, его структурой, основными направлениями и научными изданиями, передал в дар учёным Украины наши журналы "Известия НАН РК. Серия филологическая", "Керуен", сборник статей учёных стран мира "Слово об Абае", составителем которого он является, и т. д. Обсуждался широкий круг вопросов: от развития современной филологической мысли на Украине до системы высшего образования в наших республиках.

От отдела компаративистики в дар отделу мировой литературы и международных связей Ирина Арендаренко передала свою монографию "Англійська та українська романтичні поезії (Порівняльна типологія і поетика)", первый и второй выпуски научного издания "Літературна компаративістика" (Киев, 2005). Редакционная коллегия "Літературної компаративістики" под руководством члена-корреспондента НАН Украины, доктора филологических наук Д. С. Наливайко объединяет известных учёных, докторов филологических наук: Л. В. Грицик, Р. Т. Громяк, Т. Н. Денисова, В. Д. Наривська, Г. М. Сиваченко, Е. С. Соловей, Т. М. Рязанцева. Секретарём является И. В. Арендаренко.

"Літературна компаративістика" (Выпуск I) состоит из следующих разделов: "Современные течения и концепции сравнительного литературоведения", "Теория литературы и компаративистика", "Сравнительная типология", "Интертекстуальность", "Украинская литература в европейском и мировом контексте". Впечатляют успехи сравнительного литературоведения, о которых во вступительной статье к первому выпуску сборника пишет член-корреспондент НАН Украины, доктор филологических наук Д. С. Наливайко. По решению президиума ВАК Украины в 1990 году, по сравнительному литературоведению защищаются докторские и кандидатские диссертации. Впервые курс компаративистики был прочитан в 1993-1994 учебном году во вновь открытом университете Киево-Могилянской академии. В 1994 году здесь же была открыта одноимённая кафедра. В Институте литературы им. Т. Г. Шевченко с 2002 года функционирует отдел компаративистики. Кафедра теории литературы и компаративистики открыта в Тернопольском государственном университете, кафедра компаративистики есть при Национальном университете им. Т. Г. Шевченко. С 2005 года курс по литературной компаративистике читается в Киевском, Черниговском, Тернопольском, Днепропетровском и других университетах. Своеобразным научным координирующим изданием в данной области филологии и выступает сборник "Літературна компаративістика".

Основу второго выпуска сборника "Літературна компаративістика" составили материалы II Всеукраинской научной конференции по сравнительному литературоведению 2005 года, проведённой Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко, с участием литературоведов Киева, Львова, Одессы, Николаева, Тернополя, Запорожья, Чернигова. Вступительная статья члена-корреспондента НАН Украины Д. С. Наливайко акцентирует внимание на важнейших аспектах сравнительного литературоведения Украины.

Представленные на страницах сборников научные статьи посвящены разнообразной тематике, привлекает сопоставительный аспект, сюжетно-образные параллели почти всех напечатанных статей и исследований, схожие мотивы, проблемы художественного перевода в контексте чешско-украинских литературных связей, чужие мифы в европейско-арабских взаимосвязях, болгарского символизма в славянском контексте, немецко-украинских и немецко-русских литературных связей и многое другое. Интересны современные трактовки компаративистики и зарисовки об американской компаративистике в статьях Т. Н. Денисовой, рассмотрение имагологии в публикациях Д. С. Наливайко и В. В. Орехова, проблем интертекстуальности и многое другое.

Второй выпуск дополнен новыми рубриками: “Литература в системе искусств и гуманитарных наук”, “Художественный перевод в аспекте литературной компаративистики”, “Обзоры”, “Рецензии”, “Научные конференции по компаративистике”. Представляет определённый научный интерес “Библиографический список статей и книг по литературной компаративистике за 1998 г.” и список диссертационных работ, защищённых по специальности — сравнительное литературоведение в 2001-2004 годах. Оба выпуска рецензируемого сборника представляют несомненный научный интерес не только для исследователей Украины, но и для учёных ближнего и дальнего зарубежья.

В адрес директора Института литературы им. Т. Г. Шевченко академика НАН Украины Н. Г. Жулинского было передано через И. В. Арендаренко письмо о предполагаемых формах научного сотрудничества, среди которых предложение украинским коллегам подготовить обзорную статью по современному литературному процессу Украины для коллективной монографии “Международные литературные связи суверенного Казахстана” и рассмотреть двусторонний проект по изданию произведений Шевченко на казахском языке, сборника статей по его творчеству в Казахстане и антологии казахской поэзии. Предложено издать на Украине произведения Абая.

В 2007 году на украинском языке увидело свет научное исследование Олжаса Сулейменова “Язык письма” — “Мова письма”. На встрече О. Сулейменова с творческой интеллигенцией и молодёжью Киева был продемонстрирован фильм о поэте и известном общественном деятеле Казахстана, первый сборник которого вышел на украинском языке в издательстве “Молодь” ещё в 60-е годы XX века. Позже его творчество было представлено в антологии казахстанской поэзии “Струні домбрі”.

Основные события года Казахстана на Украине освещали на страницах “Казахстанской правды” Е. Кузнецова и Н. Курпякова, в памяти которых остались Киев и Черкассы, Киево-Печерская лавра и Дом-музей М. Булгакова. Это самый счастливый, “богоспасаемый” (М. Булгаков) дом писателя. “Здесь сохранилась, — пишет Елена Кузнецова, — фамильная икона Казанской Божьей Матери, перед которой младшая сестра Елена вымолила жизнь умирающему Михаилу (как потом её тёзка — героиня — Алексею Турбину). Здесь поселил Булгаков героев своего первого романа “Белая гвардия”, его так и называют “дом Турбиных”. И поэтому в 1989 году устроители музея экспозицию сделали двухплановой: документальной и ассоциативно-образной одновременно. Мемориальные вещи и предметы здесь соседствуют с реконструкцией интерьера на основе фотографий и описаний, и поэтому “литературная часть” — белого цвета. Таким образом, ирреальный мир, спаянный без зазоров с миром реальным, создаёт объёмное поле ассоциаций. Здесь до сих пор отбивают время настенные часы и играют медленный вальс (в книге — гавот) маленькие настольные. На стене — коллекция бабочек и насекомых, которые собственноручно “формалинил” Михаил Афанасьевич, и лампа с зелёным абажуром на столе в его писательском кабинете” [26, с. 4].

Журнал “Нива” в восьмом номере за этот год в рубрике “Год Украины в Казахстане” представляет один из старейших литературных журналов СНГ — “Радуга”, которому в 2007 году исполнилось 80 лет. “Радуга” издаётся на русском языке. Главный редактор журнала Юрий Ковальский в статье “Многоцветье русского слова”, открывающей новую рубрику “Нивы”, размышляет об особом отношении к поэтам и прозаикам, пишущим на Украине на русском языке: “С одной стороны, их считают не совсем украинскими на своей родине, а с другой — применительно к русской литературе — очень периферийными, так сказать, оторванными от языковых корней” [27, с. 77]. Такое мнение главный редактор киевского журнала считает крайне ошибочным и вредным, называя талантливые имена — Станислав Славич, Андрей Недельский, Инна Мельницкая, Этери

Басария, Валентина Ермолаева, Владимир Бушняк, Алексей Никитин, Андрей Курков, Ирина Лесовая, поэты Светлана Заготовая, Андрей Поляков, Елена Лаврентьева, Александр Кабанов, Леонард Тишинский, Сергей Шелковой, Ирина Евса, Александр Твердохлеб. Фантасты Марина и Сергей Дяченко, автор детективов Пётр Катериничев. На русском и украинском успешно пишет Ирэн Раздобудько.

Главный редактор журнала "Радуга" Ю. Ковальский, выступая на семинаре главных редакторов ведущих литературных журналов СНГ и республик РФ, организованном редакцией журнала "Дружба народов" в Переделкине, выдвинул инициативу учреждения в России премии для толстых журналов, выходящих на русском языке.

В "Ниве" представлены рассказы Анатолия Крыма "Последнее слово убийцы" и Сергея Лукьяненко "Поезд в Тёплый край", подборки стихотворений Клавдии Билыч, Льва Смирнова и детские рассказы Елены Комовой "Одна собачья жизнь", "Почему носки полосатые".

Анатолий Крым принадлежит, по мнению Анатолия Димарова, "к плеяде талантливых мастеров изящной словесности Украины. Образный язык, умение кратко, точно и зримо представлять своих многочисленных героев, железная логика поступков, абсолютно жизненные сюжеты, пронизывающие его рассказы, повести, пьесы, — всё это захватывает читателя в плен с первой же страницы и до последней".

"Последнее слово убийцы" — рассказ-исповедь главного героя, лишившего жизни своего бывшего однокурсника и друга Романова, разорившего его и разрушившего семью. Писатель избирает форму монолога, начинающего обращением: "Уважаемые граждане судьи!". Только в тюрьме он стал абсолютно свободным от всего: "от обязательств, от необходимости работать, содержать семью, угождать начальству и исполнять сотни других дурацких законов — писанных и неписанных".

Жизнь ничему не научила главного героя, бывшего инженера-конструктора. Когда рухнула вся страна, его жена ушла к другу, уведя с собой единственную дочь, его Принцессу. Затем прекратил существование завод, на котором он работал. Ларёк на рынке позволил встать ему на ноги. Но бывший друг увлёк несбыточными перспективами, ограбив и подставив товарища по учёбе. Когда осуждённый понял, что потерял всё, утром он был в столице. "Слепая ненависть рассыпалась ледяными кубиками по кровеносным сосудам. Наконец я успокоился. У меня больше не было желаний, — признаётся он в своём последнем слове. — Кроме одного... А если честно — это был мой день. Ведь я его нашёл намного быстрее, чем в прошлые разы, и на пороге ресторана меня никто не остановил, и в самом зале никто на нас не обратил внимания. А главное — посуда в этом ресторане была отличная. Ножи и вилки от "Золлингера". Хорошая сталь. Прочная, острая. Он даже не трепыхнулся..." [28, с. 103].

В поэтической подборке киевской поэтессы Клавдии Билыч, рано ушедшей из жизни, обращает на себя особое внимание стихотворение о Родине:

*О Родина, в страшном прищуре
Твоих навидавшихся глаз
Навряд ли хоть что-то прочту я,
Ты выдохлась, ты извелась...*

Стихотворение проникнуто трагическим ощущением потерь. Это развал страны: "Ты так многодетна, что дети / Уже не твои и ничьи...". Рефреном проходит строка: "Никто ни за что не в ответе...".

Следующее поэтическое имя — Лев Смирнов. Но он не только поэт, но и переводчик с украинского. Любимая тема — история и современность Киева. С любовью обращается поэт к Софии Киевской:

*Сколько веры истлело могучей,
Сколько кривды зола намела, —
Но твоя красота и под тучей
Золотилась, играла, плыла.*

История Киева — в поэтических строках Л. Смирнова: “Усыпальницы и саркофаги / Из-за каждого брезжут куста”. Киев — то белый град, то красный:

*— Что это древние боги притихли,
Замерла Лавра над мутным Днепром?
— Это по Киеву мечутся вихри —
Крест и трезубец, и молот с серпом.*

Мария — героиня гражданской войны, “святая в тельняшке, вакханка в кожанке, / Богиня в сполохах гражданской войны”, “в кожанке, беспутная, в лентах крест-накрест, / Любовь и погибель гражданской войны”.

*Откуда ты в эти края залетела
С наганом в руках, из былых Афродит?*

*Славянка с неистовым нравом гречанки,
Кто острых твоих не пугался стремян?
Сам батька Махно за тобой на тачанке
Гонялся по призрачным скифским степям.*

В одиннадцатом номере журнала “Простор” за этот год в рубрике “Год Украины в Казахстане” представлено творчество харьковских поэтов. Председатель Харьковского отделения Союза писателей России Александр Романовский в предисловии к публикациям “Харьковская лира” пишет о том, что поэты и прозаики центра русской культуры на Украине, каким является Харьков, “активно восстанавливают и укрепляют добрососедские, дружеские отношения между Украиной и Россией” [29, с. 53]. Три года подряд в Харькове проводятся на базе двух крупнейших вузов города — Национального технического университета и Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина конференции “Переяславская Рада и гармонизация украино-российских отношений: история и культура, наука и образование” и “Пространство литературы — путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами”.

Лауреат международного конкурса “Мир книги 2003” в номинации “Бриллиантовая строфа” А. Романовский награждён Почётным Крестом Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Один из его поэтических сборников “Любовь и Вера” издан на польском языке в Гданьске. В стихотворении “На срезе души” поэт уверен, что всё же “главное в судьбе, / На два столетия разнесённой, — / Все силы отдавать мольбе, / Надежде, вслух произнесённой”.

Далее представлены произведения Анатолия Мирошниченко (“Дышу добытою свободой”), поэта, переводчика, эссеиста, Ирины Поляковой (“Дальние зарницы”), Василия Воргуля (“Тропинка на двоих”), Алексея Бинкевича (“Летнее эхо”), Павла Гулакова (“Коростель за рекой”) и Владимира Глебова (“И скоро птенцы закричат”).

А. Мирошниченко, наблюдая, как старуха кормит сизых голубей перловой кашей, семечками, хлебом, вспоминает, “как напоминали мы / В сорок седьмом голодных голубей!..”.

*И чувствую, как ком горячих слёз
Из глубины пяти десятилетий
Подкатывает к сдавленному горлу.*

Перед поэтической подборкой стихов каждого из поэтов даны их биографические данные. Так, мы узнаём, что Ирина Полякова, поэт, прозаик, публицист, в 1975 году была участницей Шестого Всесоюзного совещания молодых писателей и поэтов в Москве, где её творчество было отмечено поэтами Вадимом Шефнером и Олжасом Сулейменовым. Поэтесса уверена, что конец и начало судьбы — “в небесных заоблачных далях”. Поэт обладает особым слухом, только ему дано слышать, как “вихрь времени книгу печали листает” и замечать прекрасно-беззащитный лик Земли, слышать тихий перезвон колоколов над куполами, видеть лунный свет.

*Выпь тоскливо заплачет,
Тьма сойдёт на алтарь,
Но засветится ярче
Медный лунный фонарь.*

*Для того чтобы поздний
Путник видел тропу,
Видел дальние звёзды,
Жизнь свою и судьбу.*

Лауреат премии “Имперская культура” имени профессора Эдуарда Володина, автор 13 поэтических сборников Василий Воргуль провозглашает:

*“Не русский я” — хохол русскоязычный,
Влюблённый в поле, в птичий хоровод,
В апрельский дождь, в июльский сон криничный,
В вишнёвый цвет, в малиновый восход.*

Но если кто брюзжит, Россию хая, “тогда я — русский. Больше, чем хохол”. В поэтические строки органично включены украинские слова — нэнька — мать (в стихотворении Украина), лаёт — ругает.

*Не русский я. И взгляд куда не кину,
Зажата нэнька нищенской межой.
Когда же недруг лаёт Украину,
Я — украинец всей своей душой.*

*Не русский я. Ночами оглупело
Не рвусь в терзаннях: “Чьих же я кровей?..
Меня сумская ласточка напела,
Помог ей в этом курский соловей.*

Алексей Бинкевич родился в Джамбуле, приютившем беженцев из Украины. Поэт, переводчик, лауреат премии им. Слуцкого, автор нескольких книг.

*Не торопите слова и дела.
Соизмеряя всё сердцем,
Поверьте —
Белые кони ночной круговерти
Неутомимо грызут удила.*

В его стихах “солёные брызги прощаются с летом, / растерянность душ призывая к родству”, идёт тихий-тихий снег, “и музыка небесная играет, и снег идёт, и птица воздух пьёт”. Природа у А. Бинкевича словно живая:

*Уедем на дачу! Зима — не помеха.
Накормим поленьями, хворостом печь,
И снег по стеклу станет празднично течь,
И ветер в трубу закричит, угрожая,
И чайник засвищет, сверчку подражая,
И будет метель, будто ёлка колоться,
И будет колоться вода из колодца.*

Павел Гулаков размышляет об усталой родной стороне, над которой злые ветра дуют беспрестанно и вороньё раскричалось гортанно, разрушая покой вековой. Кто же мы в этой стране: приживальцы? Иль гости-пришельцы?

*Что тряслось на озябшей земле?
Что случилось с землёю славянской?
Что случилось со мной, в том числе,
Обделённым судьбою крестьянской?*

Лирический герой — один, как путник в степи, одержимый дорогой, ведомый мечтой “встретить счастье своё под заветной звездой, вместе с ним раствориться в заре золотой”.

Так в Год Украины в Казахстане зазвучали поэтические имена украинских поэтов со страниц журналов “Нива” и “Простор”.

Сотрудники отдела мировой литературы и международных отношений нашего института активно публикуются в научных изданиях Украины: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції “Наука та інновації — 2005”. 17-31 жовтня 2005 року. Том 18. Філологічні науки. — Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2005; Materials of International scientific-practical conference “The science: theory and practice”. July, 20th — August, 5th 2005. Volume 30. Philological sciences. Publishing House “Education and Science”, Praha, Nauka i osvita, Dnepropetrovsk, Ukraine — Rusnauchkniga, Belgorod 2005; Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції “Сучасні наукові дослідження — 2006” 20-28 лютого 2006, т.40. Філологічні науки (Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006); “Ключевые аспекты научной деятельности — 2007”, 16-31 января 2007 года, т.7. Естественные науки, Днепропетровск: Наука и образование, 2007; “Efektivni n?stroje modernich ved — 2008”. Materi?ly IV Mezin?rodni vedesko-praktick? conference. 03-15 kvetna 2008 roku. Dil 11. Filologicke vedy Hudba a hivot. — Praha: Publishing House “Education and Science” s.r.o, 2008 и др.

В сборники опубликованных статей вкладывается информация о предстоящих международных симпозиумах, по отдельным секциям которых проводятся видеоконференции. Участники могут пообщаться в режиме реального времени с помощью Интернет-видеосвязи со своими зарубежными коллегами, доклады размещаются на Web-страницах. Активными организаторами подобных конференций выступает ООО “Руснаучкнига” (Белгород, Россия) совместно с издательством “Наука и образование” (Днепропетровск, Украина. Директор издательства — С.В.Екимов), Publishing House “Education and Science” s.r.o. (Чехия, Прага), ТОО “Урал-научкнига” (Уральск, Казахстан), ООО “Научный вестник” (Гомель, Беларусь), Sp.z.o.o. “Nauka i studia” (Przemysl, Польша). Рабочими языками конференций избраны русский, украинский и английский.

Культурные и литературные контакты между Казахстаном, Украиной и Беларусью укрепляются и наполняются новым содержанием. Открывая Год Украины в Казахстане, Президент Украины Виктор Ющенко предложил усилить “наше взаимодействие в качестве моста между Европой и Центральной Азией” [30, с. 1]. Он считает необходимым постоянный диалог политиков, предпринимателей, деятелей науки и культуры, сообщив о предстоящем открытии памятников Тарасу Шевченко в Астане и акыну Джамбулу в Киеве. Высшим проявлением взаимного интереса наших государств и народов друг к другу следует считать, как уверен Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Казахстан Николай Селивон, “успешное проведение Года Казахстана в Украине и нынешнего Года Украины в Казахстане” [31, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Назарбаев Н. Читателям книги "Украинцы Казахстана" // Украинцы Казахстана. — Киев: Мистецтво, 2004. — С.7.
2. Моргун Ф. Бессмертная душа Украины. — Киев: Сільські вісті, 1994.
3. Бельгер Г. Книга-исповедь // Бельгер Г. Постфактум. — Алматы: Искандер, 2007. — С.5-10.
4. Маричева В. Пусть это будет нашим секретом... // Казахстанская правда. 20 июля 2001 г. — С.3.
5. Канапьянов Б. Аист над Припятью. — Киев, 1988.
6. Горlach Л. Н. Зона человеческого достоинства // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.133-134.
7. Мирошниченко В. Н. Рифмы, рождённые сердцем // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.135-136.
8. Сердюк Ю. А. Книга о Чернобыле // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.137-138.
9. Чумак И.В. Стихи о братстве // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.139-140.
10. Гаитов Т. Поступок поэта // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.141-143.
11. Жанайдаров О. К. Кочевая звезда // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.66-75.
12. Бернадский В. А. "Аист над Припятью" // На стыке веков. Литературные материалы о творчестве Б. Канапьянова. — Алматы: Ғылым, 2001. — С.47-50.
13. Славикова Н. Ликвидаторы // Простор. — 2008. — № 9. — С.171-175.
14. Канапьянов Б. Звали её Алтыншаш // Пока бьётся сердце. Сборник очерков. — Алматы: Жибек жолы, 2005. — С.178-182.
15. Чернова Н. Звезда Марии (фантазии о Пушкине) // Чернова Н. Небесный дом. — Алматы, 2006. — С.238-318.
16. Кан Г. Лето с любимым. — Алматы: Сенім, 2005.
17. Гундарев В. Окрылённая Украина // Нива. — 2005. — № 4. — С.149-168.
18. Симоненко В. "Украина, ты моя молитва..." // Нива. — 2005. — № 6. — С.81-92.
19. Чабан А. Ю. Витязь молодой украинской поэзии // Нива. — 2005. — № 6. — С.78-80.
20. Симашко М. Писание по Бондарю // Симашко М. Избранное в 3-х т. — Т.3. — А.: Жазушы, 2006.
21. Елеукенов Ш. Р. Слово об акыне Тарази // Елеукенов Ш. Р. Казахская литература: новое прочтение. — А.: Алатау, 2007. — С.97-101.
22. Елеукенов Ш. Р. Певец национальной свободы // Елеукенов Ш.Р. Казахская литература: новое прочтение. — А.: Алатау, 2007. — С.102-107.
23. Елеукенов Ш. Р. Молодая поросль шевченковедения // Елеукенов Ш. Р. Казахская литература: новое прочтение. — А.: Алатау, 2007. — С.107-110.
24. Шимырбаева Г. Кобзарь творил среди номадов // Казахстанская правда. 28 июня 2007 года. — С.7.
25. Ертисбаев Е. Киев — Астана: на втором этапе эстафеты // Казахстанская правда. 5 марта 2008 года. — С.4.
26. Кузнецова Е. На родине Булгакова — в столице Украины // Казахстанская правда. 5 марта 2008 года. — С.4.
27. Ковальский Ю. Многоцветье русского слова // Нива. — 2008. — № 8. — С.77-78.
28. Крым А. Последнее слово убийцы // Нива. — 2008. — № 8. — С.79-103.
29. Романовский А. Харьковская лира // Простор. — 2008. — № 11. — С.53.
30. Курытов В. Год Украины стартовал // Казахстанская правда. 5 марта 2008 года. — С.1.
31. Селивон Н. Во благо двух народов // Казахстанская правда. 6 сентября 2008 года. — С.3.

Наталья КУРПЯКОВА

Живущий музыкой души

Фотовыставку “Состояние-4” Генриха Куприянова, отметившего недавно 70-летний юбилей, в Астане ждали. Как всегда.

Как здорово, что все мы здесь

Чтобы попасть на вернисаж, кто-то отпрашивался с работы, кто-то просил бабушку посидеть с внуком, кто-то ловил такси и, не торгуясь, называл адрес — музей современного искусства. Я тоже торопилась, ведомая желанием увидеть экспозицию в те несколько минут, когда зал ещё пуст, а напряжённая тишина становится просто звенящей. Представлены только новые работы. Отсюда и заметное волнение мастера: всё ли удалось?

Как всегда, на фотоснимках знакомые улицы столицы предстали чуть-чуть загадочными, скромные полевые цветы лучезарно засветились, и даже самые обычные лужи на асфальте, словно готовые выплеснуться из рамки, полны очарования. Постоянство, пожалуй, одна из характерных черт Генриха Тимофеевича, который даже внешне не меняется с годами: строен, энергичен, улыбчив и немногословен. Тем ценнее его комментарии.

В Екатерининский дворец в Царицыно он попал в символический день — 07.07.07 и запечатлел встречу двух веков — XVIII и XXI: молодожёны уединились на площадке у дворца и обсуждают свои первые проблемы. Побывал с фотокамерой на Волге, в Москве, на своей родине — в Чувашии. И не поймёшь сразу, к какой эпохе принадлежит снимок “Деревенские ребяташки”. То ли сделан он в годы босоногого детства автора, то ли прошлым летом, когда городская детвора, приехав к бабушкам-дедушкам в деревню, забросила джинсы и “сотки” и, что называется, слилась с природой. От внучки-егозы, наверное, перепала модная сумочка для бабушки с фотографии “Важная новость”: сидя на лавочке, две местные модницы — платки розовые, платья зелёные, фартуки голубые — оживлённо беседуют.

Генрих Куприянов внимателен к деталям и малейшим изменениям в состояниях окружающего мира. В серии “Прогулки по городу” у двух фотографий освещение видится каким-то инопланетным. А они, пояснил фото-

граф, и сделаны в день солнечного затмения. “Не только мир вокруг, но состояние твоей души постоянно перерождается. Приходя на одно и то же место или снимая одну группу предметов, нельзя сделать одинаковые кадры”, — говорит он. Фотографии на озере Щучьем выполнены им утром и вечером с одной точки. Получились те же и абсолютно другие камни, вода, деревья, горы на горизонте. На другом снимке отражение деревьев

в воде столь идеально, что кажется смоделированным фотографом. “Нет-нет, — успокаивает тот. — Отражения настоящие. А вот мусор из-под деревьев пришлось “убрать”...

Особенно дорог Генриху Тимофеевичу фотонатюрморт “Подснежники от Лерочки”:

“Я снимал дважды. Сначала утром, когда внучка только принесла цветы. А вечером, уже уходя, я посмотрел на них и снова достал фотоаппарат. Подснежники “выпили” воду, потяжелели, распустились, а стакан запотел и покрылся капельками воды”.

Слова “как всегда” — это рефрен выставки. Кстати, с однажды и навсегда выбранным названием “Состояние”. Небольшой зал заполнен людьми, многие из которых давно знают друг друга и автора произведений. Директор музея Нелли Шиврина

признаётся, что каждая выставка Генриха Куприянова (а эта — четвёртая) — событие для всех сотрудников. Как всегда, пришли друзья — скульптор Валерий Пирожков и Владимир Гундарев, главный редактор литературно-художественного журнала “Нива”, где была опубликована проза юбиляра. На вернисаже неизменно много врачей, потому что 45 лет Генрих Тимофеевич отдал медицине. Он самый известный в Астане стоматолог, и шутки по поводу сочетания таланта дантиста и фотохудожника — константа творческих встреч с Куприяновым.

Ты тоже из когорты стихотворной

... Уже светло, но фонари ещё горят, и в рассветном тумане исчезает белый автомобиль (“Утро”). В городе дождь, и люди не торопятся покидать тёплое и сухое жильё, и только у здания цирка фигурка одинокого клоуна на шаре под малюсеньким зонтиком отважно сопротивляется непогоде

(“В городе дождь”). Первые подснежники поражают яркостью цвета — жёлтого, фиолетового, синего (“Пробуждение”), а машины, припорошенные снегом, удивительно гармонируют с деревьями, покрытыми инеем (“Городской двор”). Снимки “Начинается дождь” и “Стихия” сделаны перед грозой. Всё живое корёжится, сжимается, трава гнётся от ветра, тучи несутся, и чутко-тревожно прислушиваются к происходящему кони. Все фотографии элегически прекрасны и композиционно безупречны.

Генрих Куприянов — фотохудожник с тонким чувством стиля, фотограф-реалист и романтик, не чуждый модернистских экспериментов с формой и цветом (“Красное яблоко”, “Реминисценция”). Он любит и уважает своего зрителя, делая даже программку-приглашение произведением искусства.

А ещё Куприянов поэт. Я не знаю, пишет ли Генрих Тимофеевич стихи, но зритель, рассматривая его работы, невольно переходит на язык высоких рифм. “Здесь лапы у ели дрожат на весу...” — почти пропевает мужчина у фотоснимка “Снегопад”. Хрестоматийное “Шалун уж отморозил пальчик, ему и больно и смешно...” девушка вспоминает у фотографии “Февраль”, где снег высотой с забор, дым валит из трубы, застывая облаком над крышей, а мальчишка, разумеется, вовсю резвится. Слышала я строчки из “Утра туманного, утра седого”, пушкинские стихи об осени, блоковское “Ночь. Улица. Фонарь...”. И совершенно покорила знакомая филологиня, при виде вазы с можжевельником процитировавшая Заболоцкого: “Аметистовых ягод услышал я звон, / И во сне, в тишине, мне понравился он...”.

Для меня творчество Генриха Куприянова связано с песнями Булата Окуджавы. Он дворянин целиноградских дворишков и преданный бард своего родного города, меняющего облик и названия. В шуме новостроек и в суете нашей жизни Генрих Куприянов слышит негромкую музыку любви, музыку печали, музыку души. И делает эту музыку зримой для нас.

Впервые пришедшая на выставку двухлетняя внучка Генриха Тимофеевича Лерочка с детским восторгом и непосредственностью осматривалась вокруг. Устав от официальных речей, она подбежала к деду, и он поднял её высоко-высоко. И как счастлива была девочка на руках родного человека! О том, как любят Генриха Тимофеевича поклонники его творчества, Лерочка узнает чуть-чуть позже.

Не оставляйте стараний, маэстро!..

г. Астана.

Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор

Конец и вновь начало

Вместо предисловия

Для названия своих путевых очерков я воспользовался титульным листом книги Льва Николаевича Гумилёва, основу содержания которой составили лекции “О народах и народоведении”, прочитанные им перед различной аудиторией интеллектуалов, почитателей его многогранного таланта в конце прошлого тысячелетия. Совершенно новой и актуальной темы для тогдашней страны под названием СССР.

Будь начало 90-х годов в стране чуть более мирным, идеи книги были бы восприняты современниками, и концепция Л. Н. Гумилёва могла бы стать отправной точкой в исследованиях, размышлениях и выступлениях гуманитариев, историков, политиков, ораторов.

Однако занятые своими счётами с СССР, Евразией, Азией, с историей, да и друг с другом, большинство лидеров национальных революций прошли мимо книги. Как всегда, не был услышан живой голос современника.

Тунис, Египет, Израиль, Турция... Во всех этих странах я побывал за последние несколько лет. В течение нескольких веков они, исключая Израиль, который как государство возник в 1948 году (в данном случае имелись в виду его территория и город Иерусалим), находились в составе Османской империи, а затем и халифата, ядром которой была Турция.

Освободившись, эти страны после развала империи оказались в колониальной зависимости от европейских государств. Лишь после Второй мировой войны к середине XX века приобрели окончательную независимость, к которой пришли различными путями.

Поразительно! Все эти страны имеют древнюю историю цивилизации, культуру! Потому они чрезвычайно привлекательны для многочисленных любознательных туристов всего мира.

Османская империя за многовековую историю своего существования вела бесконечные войны с переменным успехом на Западе с католической Европой и Российской империей, на Востоке с Персией, в результате распада превратилась в туристическую Мекку...

Конференция в Тунисе

Прошло несколько лет, когда я был участником научной конференции ЮНЕСКО в Тунисе. Одноимённом городе и государстве. Конференция посвящалась актуальному вопросу — аридизации сельскохозяйственных зон. Одним словом, последствиям глобального потепления планеты.

Участники форума — представители развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Конференция длилась четыре дня по четырём секциям. Наш земляк академик М. Сулейменов был председателем одной секции и заместителем руководителя другой. Кроме официального протокола ему приходилось много времени проводить у стендовых докладов в качестве переводчика.

Среди участников конференции было два представителя СНГ. Кроме меня, профессор Украинской аграрной академии В.М. Стародубцев. Его доклад был посвящён проблемам Арала и озера Балхаш. Ранее он работал в институте почвоведения АН РК, ныне живёт в Киеве. Таким образом, оба доклада были из Казахстана.

**Г. Кудайбергенов, М. Сулейменов
и профессор В. Стародубцев.**

Казалось, все проблемы лежат на поверхности и видны невооружённым глазом.

В первую очередь — это рациональное землепользование, разумная распашка территорий, стравливание пастбищ скотом, экономное использование воды, опора на местную флору и фауну при равномерном расселении людей по территории. Легко говорить — трудно решать.

Вырубка лесов, интенсивная распашка низко продуктивных земель, стремительный рост насе-

ления, урбанизация — вот далеко не полный перечень причин продовольственного кризиса, охватившего развивающиеся страны. Всё это усугубляется политической нестабильностью, а кое-где даже гражданской войной.

Учёные вносили довольно оригинальные предложения выхода из кризиса. Хотя все они хорошо понимали — это обобщение рекомендаций, одним словом, полумеры. Нужна политическая воля лидеров государств, мудрость. Ставка в первую очередь на культурный уровень и образованность населения стран.

Многие докладчики возлагали надежды на глобализацию.

Ритм работы конференции спокойный, без идеологических наскоков, нравочений, эмоций. Раннее утро. Учёные бродят босиком по песчаному берегу Средиземного моря. Завтрак с восьми. С девяти работа. Через каждый час перерыв. Кофе-брейк. Так положено.

Конференция проходила в специализированном для этих целей пятизвёздочном отеле “Коринтия” на берегу Средиземного моря. Мировому уровню — мировой сервис. Не надо ходить, торопиться, ждать. Гостиничные номера на верхних этажах, ресторан, конференц-зал на первом.

Каждый вечер в холле живая музыка. За роялем дама европейской внешности. Изредка заглядывая краем глаза в записную книжку, восстанавливала в памяти мелодии, которые состояли из популярной классики и мировых шлягеров.

В последний вечер, по всей вероятности, просматривая список участников и сделав для себя вывод, что здесь находятся и представители бывшего СССР, она сыграла “Подмосковные вечера”.

Иногда за рояль садился кто-то из учёных. Многие участники конференции знали друг друга. Такое впечатление сложилось потому, что многие приветствовали Мехлиса Касымовича Сулейменова как старого знакомого. Замечу, что Мехлис Касымович, работая в международной организации, довольно часто приезжает в Казахстан. При этом всегда привозит с собой учёных-земледельцев из разных стран: Канады, США, Австралии, Турции. Показывает наши поля, знакомит с достижениями, проблемами, бытом, культурой нашего народа. Это здорово!

В последний вечер состоялось что-то наподобие гала-концерта участников конференции. За роялем профессор Каирского университета госпожа А. Насер. Под свой аккомпанемент спела “Арабское танго”.

До этого на утренней пробежке я затронул музыкальную тему:

— Тунис — арабская страна, интересно услышать “Арабское танго” — прекрасную мелодию, которая в годы нашей молодости звучала в исполнении великолепного Батыра Закирова из Узбекистана.

— Во-первых, — поправил меня Мехлис Касымович, — автор музыки ливанец. Во-вторых, это танго классно поёт профессор А. Насер, я слышал её однажды в Алеппо... Думаю, она сегодня исполнит это танго.

Учёные — народ серьёзный в работе, а в буднях — простые, обычные, раскрепощённые, без комплексов люди.

Теперь за роялем доктор Кваме из Ганы. После конференции он летит в Афганистан. В ходе беседы у стендового доклада, узнав, что кроме науки занимаюсь производством зерна, Кваме признался:

— Я из многодетной семьи, есть ферма площадью 40 гектаров. Отец настоял, чтобы я учился. Теперь вот разъезжаю по всему миру.

На мой вопрос: “Кто же работает на ферме?” — Кваме ответил:

— Года через два вернусь домой.

“Вряд ли”, — подумал я. По ходу беседы он признался:

— Никогда не был в Казахстане. Даже не слышал про такую страну. А когда лучше приехать в Казахстан?

На его вопрос ответил шуткой:

— Летом у нас тепло, как у вас в Африке — так что не интересно. Приезжай лучше в январе. Экзотика! У нас снег и минус 30 градусов.

Кваме съёжился, стал ниже ростом:

— Нет! Нет! Не зимой! Лучше летом!

Теперь, взяв гитару, в круг вышел Мехлис Касымович. Конечно, он не певец, но поёт сердцем и душой. Как он пел “Сагындым сені!” Африка. Сумерки. Ближе к экватору обычно быстро темнеет. Тишина — и казахская мелодия. Удивительная гармония.

В ходе конференции было два интересных случая.

В начале второго дня заседания Мехлис Касымович, как руководитель секции, объявил:

— Здесь находится представитель Казахстана. Фирма, где он работает, экспортировала в Тунис четыре тысячи тонн зерна продовольственной пшеницы.

Во время перерыва посыпались вопросы, на которые еле успевал отвечать земляк-академик. Оказывается, Тунис ежегодно импортирует до 200 тысяч тонн продовольственной пшеницы! Испытывает большие потребности в твёрдых сортах.

В ходе обширной дискуссии с учёным-растениеводом из Ирана, профессором А. Кавсаром мы обсуждали многие вопросы. Начиная от Дария, который, по его словам, первым выдвинул идею Суэцкого канала, воплощённую спустя тысячелетия.

— Персия — страна ариев с древней и высокой культурой! — без устали и гордо повторял Кавсар.

Из области истории и политики мы перешли к будням. Оказывается, уважаемый профессор был мало осведомлён, что его страна закупает в Казахстане как продовольственное, так и фуражное зерно. И если бы не ряд проблем, экспорт был бы значительно больше.

По ходу беседы я задал профессору вопрос:

— Как обстоят дела со знаменитой “персидской пшеницей”?

Оказывается, господин Кавсар о ней ничего не знал. А это довольно интересная и поучительная история!

Первым “персидскую пшеницу” открыл, описал и изучил будущий академик, первый директор основанного им ВИР Н. И. Вавилов в 1916 году во время первой своей экспедиции в Иран (в те годы Персия). Официальное переименование страны в Иран произошло в 1936 году. Сам академик Н.И. Вавилов трагически погиб в саратовской тюрьме в 1943 году.

Шла первая мировая война. Ведя наступление на Турцию, русские войска вошли в Персию, заняв значительную территорию на северо-востоке страны, и были остановлены турецкими войсками под командованием 35-летнего генерала Мустафы — будущего первого президента Турецкой республики Мустафы Кемали Ататюрка.

Питание русских солдат местным хлебом вызвало тяжёлое заболевание. Для установления причин была направлена научная экспедиция.

Исследование посевов обнаружило их высокую засорённость ядовитым опьяняющим плевелом и болезнью — фузариоз.

Горячий хлеб, приготовленный из этой смеси, вызывал известное явление опьянения — “Пьяный хлеб”. Были сделаны соответствующие выводы. Одновременно была найдена новая форма пшеницы, которой дали название “персидская” по одной только причине — она обладала абсолютным иммунитетом к болезни “мучнистая роса”.

В годы работы на Тургайской опытной станции мы высевали в коллекционном питомнике почти 15 видов пшеницы из 22 существующих. Среди них была и “персидская”. Читая лекции на курсах апробации, я демонстрировал агрономам виды пшеницы для лучшего усвоения материала, акцентируя при этом внимание на выдающийся иммунитет персикума. В российском учебнике “Растениеводство”, изданном в новом тысячелетии, о 22 видах пшеницы нет ни слова, говорится только о двух видах: мягкая и твёрдая, которые имеют практическое применение во всём мире. Вот как всё быстро меняется.

В последний день пребывания Мехлис Касымович организовал экскурсию по городу Тунису.

Вернувшись домой и делясь впечатлениями, к своему изумлению узнал, что директор нашего хлебоприёмного предприятия “Бетеге-У” С. Н. Коломоец, которое находится в Астраханском районе, побывал в этой стране в конце прошлого тысячелетия.

— Аж целых три недели. Накупался в Средиземном море на всю оставшуюся жизнь. Никогда не забуду! — восторгался Сергей Николаевич.

Когда говорят о развивающихся странах, язык не поворачивается причислить к ним Тунис. Колыбель человеческой цивилизации. В самом прямом смысле этого слова.

Уже в XV веке до нашей эры здесь появились эллины, затем финикийцы, которые создали могучее Пуническое государство, столицей которого был Карфаген.

Страна, живущая “лицом” к морю, славилась обработкой её даров, добычей пурпураносных раковин, изготовлением пурпурной краски. Способ её приготовления был государственной тайной и держался в строжайшем секрете.

Финикийцы изобрели керамику. Совершенствовали способы изготовления стекла. Им принадлежит идея создания городов-государств, а также строительство многоэтажных домов и храмов.

Главное их изобретение — линейный алфавит, буквенно-звуковое письмо, которое стало предшественником всех мировых алфавитов.

Финикийцы — торговцы-мореплаватели — положили начало великим географическим открытиям. Затем наступил длительный “Период конфликта цивилизаций”. Противостояние с быстрорастущей и набирающей силу Римской империей. Пунические войны с перерывами продолжались более века!

Полководец Ганнибал, битву которого на Каннах современные историки называют прообразом Сталинградской битвы. Многолетняя борьба Рима с Карфагеном известна пламенным призывом и бессмертной фразой сенатора Порция Катона: “Карфаген должен быть разрушен!”. Он был заново построен римлянами из руин и стал “украшением земли”.

Африканская земля стала главной житницей Рима. Отсюда отправлялись зерно, шерсть, вина, оливковое масло, всякие пряности, дикие звери для боевых зрелищ в амфитеатрах.

Здесь добывали знаменитый “нумейский мрамор”, который до сих пор украшает уникальные памятники Вечного города.

Римляне наряду с культурой распространили свой язык — латынь. Не ведая того, что именно латынь станет одной из причин гибели империи. В развитии христианства средиземноморской Африке принадлежит первая скрипка, благодаря которой оно сделалось мировой религией.

Первые тексты священных книг были переведены с арамейского языка на латынь — язык империи, получили быстрое распространение по всей её территории, где появились первые христианские общины.

Новое мировоззрение захватило умы, совершив переворот в мышлении людей.

С развалом Римской империи страну захватили берберы. Это слово происходит от искажённого слова “варвар”, которым древние греки, а затем римляне называли все негреческие народы. Берберов сменили византийцы. Карфаген вновь превратился в римскую провинцию.

В середине VII века Карфаген не устоял под натиском арабов, которые с быстротой молнии распространили ислам и свой язык. Разрушив город, превратили его в каменоломни.

Довершили разгром города европейцы. От берегов Африки отплывали генуэзские и пизанские корабли, вывозя колонны, фризy и ценные фрагменты античных зданий. Город, слывший когда-то украшением земли и могучей державой, погрузился в вековой сон.

В период арабской экспансии благодаря её великой средневековой культуре город возродился. Выдающаяся роль здесь принадлежала бежавшим из Испании маврам. Так называли там арабов.

В 711 году воины Арабского халифата под предводительством Тарика ибн Зинда вторглись на Пиренейский полуостров через пролив, названный позднее в честь него Гибралтар или горы Тарика. Сам же полуостров арабы называли Ал-Андалус, который они удерживали в течение восьми веков. За этот период Испания превратилась в самую богатую и самую благополучную страну Европы. Испанцы обязаны арабам своей знаменитой корридой. Это при арабах вместо гладиаторов и хищных зверей на арене стали выступать мусульманские рыцари, которые, сидя верхом на коне, вступали в бой с быками и зверями.

“Всё дошедшее до своего предела начинает убывать” — гласит арабская поговорка. 2 января 1492 года пал последний оплот мавров в Испании город Гранада. Арабы сдали его без боя, сохранив для потомков уникальный памятник средневековой архитектуры — Альгамбру, которым ежегодно любуются миллионы туристов со всего мира. Таким образом, закончился длительный период реконкисты — освободительной борьбы Испании против арабов.

Наступил мрачный период инквизиции, когда её глава Торквемада сжёг заживо на костре более 10 тысяч человек.

Мавры, предки которых почти восемь веков назад обосновались в Испании и она стала их родиной, вынуждены были бежать в арабские страны, с которыми их уже ничего не связывало!

В начале XVI века в Тунисе процветали пиратство и работорговля.

Пользуясь непримиримой враждой ислама в лице Османской империи — с одной стороны, и христианской Европы — с другой, корсары “Без родины — без флага” бороздили Средиземное море, выполняя их заказы, не забывая свои интересы, наводя всюду страх и ужас, — для искоренения пиратства понадобилось более трёх веков.

Во все времена пираты прямо или косвенно влияли на политику и ход мировой истории. В 1533 году османский султан Сулейман II (Великолепный) назначает Великим адмиралом Османского флота Хайраддина Барбароссу — лидера берберских корсаров.

Последствия этого назначения не заставили себя долго ждать. В 1570 году мусульманский Тунис вошёл в состав Османского халифата. Господство турок в Тунисе продолжалось три века. Де-юре — ставленников халифата признавали в качестве религиозных глав местных мусульман. Де-факто — ни во что другое они не вмешивались. Миротлюбивая страна жила своей жизнью.

Неслучайно Тунис — первая страна в арабско-мусульманском мире — принял конституцию в 1861 году.

В конце XIX века Тунис захватили французы, и он был превращён в протекторат. Как всегда бывает в таких случаях, в страну хлынули искатели приключений — романтики, число которых только в 1921 году составило 160 тысяч человек. Среди них было очень много русских эмигрантов. В 1953 году на средства русской колонии в центре столицы был построен православный храм Воскресения Христова, который выполнен по подобию памятника русской архитектуры XII века церкви “Покрова на Нерли”.

На память приходят слова из популярной песни 50-х годов прошлого тысячелетия: “Не нужен мне берег турецкий. И Африка мне не нужна!”.

В те годы мы пели, не задумываясь над смыслом текста. А он о многом говорил...

Конец ноября 1920 года. Вооружённые силы юга России буквально за несколько часов до вступления в Севастополь красных частей покинули город. “Мы идём в полную неизвестность, и никто не хочет нас принимать!” — говорилось в воззвании барона Л. Н. Врангеля.

Корабли Черноморского флота, вспомогательные суда и транспорт общим числом до 150 единиц покинули Крым. В полную и навсегда неизвестность уходили сто пятьдесят тысяч человек, из которых около тридцати тысяч гражданские лица. Такова трагическая суть революций и гражданских войн.

Ещё до ухода из Крыма бароном Врангелем были подписаны обязательства. Франция за поддержку белого движения потратила около одного миллиарда франков, поэтому Врангель был вынужден сдать этой стране армию и флот.

Уже в декабре 1920 года русская эскадра покинула турецкие воды и направилась в Тунис.

Не считая около 2000 нижних чинов на кораблях было 23 адмирала, 18 генералов, 700 офицеров, в том числе 112 капитанов I ранга, более 2500 женщин и детей. Можно представить себе, какое это было общество и какие были там порядки.

К концу декабря эскадра прибыла в Бизерту — небольшой порт, который был предложен Францией местом стоянки кораблей. Здесь им суждено было встать на многолетнюю, а большинству судов и на последнюю стоянку.

Ещё до начала первой мировой войны Россия вела переговоры с Францией об аренде Бизертского озера. Здесь планировалось создать военно-морскую базу для русских кораблей, предназначенных для боевых действий против Турции. Теперь, отправляясь в свой последний поход, корабли Черноморского флота швартовались к причалам, которые готовились для них почти десять лет назад.

Сход людей на берег был категорически запрещён. Вокруг эскадры французские сторожевые катера несли дозор днём и ночью. Берег охраняли сенегальские стрелки.

В течение последующих нескольких лет французы обеспечили доковый ремонт нескольких кораблей. Однако выходить в море кораблям категорически не разрешалось. Единственным судном, которому позволялось «плавание» по Бизертскому озеру, было парусно-винтовое судно «Ксения Александровна». Позднее его переименовали в «Марию». Оно являлось единственным средством, обеспечивающим морскую практику кадетов и гардемарин, которую окончили до закрытия курсов в 1925 году около 400 младших офицеров. Они разбрелись по всему миру, плавали на судах различных государств.

В 1921 году часть наивных эмигрантов возвратилась в Советский Союз, в основном все они погибли, как предатели, в лагерях и тюрьмах.

В судьбе кораблей была поставлена окончательная точка. Некоторые были проданы Италии, Греции, Мальте. Остальные частным французским судоразделочным компаниям. С 1930 года их начали разбирать на металл. На этом по существу закончилась история некогда могущественной боевой группировки Черноморского флота, брошенной в Бизерте за тысячу миль от родной земли. Незавидной была и судьба русской колонии.

По иронии судьбы именно в Бизерте была поставлена окончательная точка в колониальной политике Франции, когда в октябре 1963 года Франция вывела свои войска из Туниса.

С 20 марта 1956 года Тунис — независимое государство, в котором проживало более полумиллиона французов.

С 1963 года начались болезненные процессы реформирования экономики, социальной стороны жизни населения, национализация земель у французских колонистов.

Государство форсировало создание кооперативных и государственных хозяйств.

Однако к 70-м годам обрабатываемые земли сократились почти в два раза. Государство было вынуждено вернуть земли частным владельцам. Авторы ускоренного развития страны во главе с министром экономики были выведены из состава правительства, осуждены на длительные сроки. Запрещена коммунистическая партия.

М. Сулейменов и Г. Кудайбергенов с супругами.

Ныне Тунис аграрная страна с развитой горнодобывающей, лёгкой и пищевой промышленностью. В стране большое внимание уделяется туризму. Об этом можно судить по нескончаемому потоку людей. В основном это французы, изредка немцы, встречаются русскоговорящие.

Государственный язык — арабский. Общий тираж газет около 300 тысяч экземпляров. Половина из них

издаётся на французском. Молодые тунисцы предпочитают получить образование во Франции.

— Но туда попасть очень трудно, а в последние годы невозможно, — сокрушался один из студентов.

С периода получения независимости, в течение 30 лет страной руководил президент, с 1974 года пожизненный — Хабиб Бургиба.

Его имя носит главный проспект столицы государства.

В Тунисе меня поразила архитектура минаретов. Традиционно они круглой формы, а здесь квадратные.

Уже позже, задумываясь над этим, я пришёл к выводу: североафриканское Средиземноморье многократно переходило от мусульман к христианам и обратно. Для увековечения своих успехов и идеологии каждая из них возводила грандиозные сооружения в виде мечетей, церквей, выбирая для строительства лобные места.

При перемене завоевателей постоянно возникал вопрос: “Что делать? Разрушать старые и сооружать новые? Или всё-таки приспособить архитектуру, видоизменив её в духе новой идеологии”.

Например, османы, завоевав Константинополь, православный собор Святой Софии превратили в мечеть Айя-София, а её архитектурный ансамбль органически дополнили вознесёнными к небу минаретами.

В странах африканского Средиземноморья колокольни католических соборов превратили в минареты. Своеобразная “квадратура круга” в застывшей музыке мусульманско-христианской архитектуры.

В знаменитом национальном музее Бардо экскурсовод поведал нам прекрасную и грустную историю Туниса, которая напрямую связана с Карфагеном.

Затем мы двинулись в другие красивые исторические места и предместья: Сиди Бу Саид, Ля Марса. Завершили её в Карфагене, добравшись по искусственно насыпанной дамбе. Каждый сантиметр этой земли — история, а если копнёшь её, вновь столкнёшься с ней.

Как вспоминал С. Н. Коломоец, побывавший здесь более двадцати лет назад, даже в те времена невозможно было взять с собой в качестве сувенира ни камушка. Так строго здесь следили за своей историей!

С 1974 года Карфаген является мировым историческим достоянием и охраняется ЮНЕСКО. Раскопки ведутся здесь с конца XIX века. Сейчас это обширный археологический парк, где послойно фундамент на фундаменте располагалась цивилизация.

В этой части Средиземного моря у берегов Карфагена нет пляжей! Огромные глыбы-песчаники бывших крепостных стен, оборонявших город, оказались в воде. Теперь они более двух тысяч лет охраняют город от назойливых пляжников.

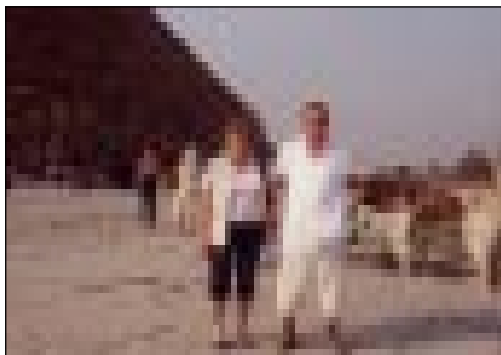
На площади ЮНЕСКО возвышается кафедральный собор Святого Людовика, который был построен в конце XIX века французскими монахами в память о событиях последнего, Восьмого крестового похода.

Здесь, в Тунисе, в 1270 году погиб французский король Людовик IX вместе со своим войском во время эпидемии чумы. До обретения независимости собор был действующим. Сейчас это музей. Во время нашего посещения здесь шла репетиция оригинального современного или очень древнего танца. Танцующие — молодые люди. Явно приезжие.

Покидая Карфаген, невольно размышляешь о превратностях судьбы, которая не щадит ни человека, ни его самых выдающихся творений, и вместе сводят в могилу империи, города... и людей.

Встреча с “чудом света”

Чарующие и манящие семь чудес света. Число их определялось магией цифры 7 в пределах античного мира. Надо же, это семицветие стало эталоном чудес. Два чуда — самые древние сохранившиеся пирамиды, разрушенный землетрясением Александрийский маяк приходятся на долю Египта. Это, конечно, много для одной страны, но и ничто по сравнению с его древней историей — семь тысяч лет, из которых пять приходятся до новой эры. Фантастика!

На фоне пирамид.

Историю Древнего Египта принято делить на три эпохи и тридцать династий.

Тысячелетия, окутанные туманом времени, сохранились в виде застывшей музыки в грандиозных каменных изваяниях, олицетворяющих эпоху и Властителя.

Не заглядывая в далёкое прошлое, как мне представляется, повествование о Египте следует начать с периода правления страной фараоном Рамзесом II. Он расширил границы, при нём наблюдалась эконо-

мическая стабильность, завершена грандиозная стройка Абу Симбел. Это вполне объяснимо и понятно. Он правил страной 67 лет, прожив почти век!

Как гласят легенды, в годы его правления произошло событие, которое до сих пор не утихая, будоражит умы и страсти всей земли. Моисей (Моше) — ключевая фигура Торы, главного документа иудаизма, обращается к фараону: “Отпусти мой народ!”. Выводит евреев из египетского плена, в котором они находились несколько веков. Возглавляет их в течение сорока лет, пока они скитались по пустыне. Приносит им законы, продиктованные Богом на горе Синай.

Моисей родился в годы, когда фараон приказал утопить всех еврейских младенцев мужского пола. Чтобы сохранить жизнь сыну, мать Моисея Йохевед пускает его в корзине по Нилу.

Плач ребёнка слышит дочь фараона, усыновляет и воспитывает его как царевича. Если бы он рос в рабстве со своими соплеменниками, у него никогда не развились бы гордость, мудрость и смелость, чтобы возглавить восстание.

Исход превратил язычников в силу, которая навсегда изменила жизнь на земле. Законы, данные Богом, или Синайский завет, известны как законы Моисея:

“Я, Господь Бог твой, который вывел тебя из страны Египетской из дома рабства.

Да не будет у тебя других Богов сверх меня.

Не произноси имени Господа Бога твоего попусту.

Помяни день субботний, чтобы святить его.

Чти отца своего и мать свою.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не отзывайся о ближнем твоём свидетельством ложным.

Не домогайся дома ближнего твоего, не домогайся жены ближнего твоего, ничего, что у ближнего твоего”.

Эти заповеди подразделяются на две части, первые четыре регулируют отношения людей к Богу. Оставшиеся шесть — отношения между людьми.

Отметим, что Нагорная проповедь Иисуса обогащает Божий завет, данный им Моисею.

Моисей был человеком со свойственными людям недостатками и не каким-то второстепенным божеством в отличие от фараонов и римских императоров.

Моисея чтят и христиане, и мусульмане, хотя и не совсем одинаково.

Например, юность Иисуса сравнима с молодыми годами Моисея. Когда царь Израиля Ирод, узнав от волхвов о рождении Иисуса, приказал истребить всех младенцев, предупреждённый об этом во сне ангелом, Иосиф со своим святым семейством бежит по иронии судьбы, как ни странно... в Египет, откуда их давние предки бежали из рабства!

Таким образом, можно предположить, даже после драматических событий по Исходу историческая связь между Египтом и Иудеей не прерывалась никогда...

Старый плотник шёл впереди, ведя ослика под уздцы, на котором сидела молодая мать с новорождённым. В Египте Святое семейство пробыло три года, а по новейшим исследованиям — около четырёх лет. Все места их пребывания в Египте канонизированы, а ныне объект поклонения христиан всего мира.

Христиане называют Иисуса сыном Божиим, Моисей в глазах евреев остаётся человеком — вестником Закона Божьего.

В исламе Мухаммед подобно Моисею получил откровение Божье через книгу.

От иудаизма и христианства ислам отличает вера, что Мухаммед — конечное слово всех библейских пророчеств, поскольку он обнародовал его в чистейшем виде.

Иудаизм и порождённые им религии — христианство и ислам — призывают своих последователей взаимодействовать с Богом через повседневное поведение, подчиняющегося законам Божиим в обществе, управляемом этикой и моралью.

Моисей жил в XIII веке до новой эры.

Создателем ислама является Мухаммед (родился 20 апреля 571 года). Он первый воплотил принципы ислама в жизнь. Пророк — автор священного писания — Корана, которое было записано при его жизни и вскоре после его смерти приобрело законченную форму.

Мухаммед в отличие от Иисуса был не только религиозным, но и светским лидером, политическим вождём.

При халифе Омаре была принята единая для мусульман точка отсчёта времени подобно христианской. С периода переселения первых мусульман из Мекки в Медину — Хиджры Мухаммеда 16 июля 622 года.

Данная дата принята ныне за основу летосчисления в некоторых исламских государствах. Наиболее чаще в Коране упоминается имя Муса (Моисей) — 128 раз, Ибрахим (Авраам) — 63, Иса (Иисус) — 49, Мариям (Дева Мария) — 34 раза.

Не вызывает сомнения существование прочных внутренних связей между иудаизмом, христианством и исламом. Все они зародились совершенно рядом, на расстоянии “протянутой руки” в радиусе несколько сот километров, но в течение почти двух тысяч лет.

Вот так в те времена продвигалась информация, породив в современном мире непримиримые идеологии, лидерами которых были Моисей, Иисус, Мухаммед...

В 332 году до новой эры Александр Македонский, изгнав персов, объявил себя фараоном Мемфиса. Египтяне встречают его как освободителя. После его смерти страной правит один из его полководцев Птолемей — родоначальник династии, которая превращает Александрию в центр эллинской культуры, а Египет становится мировой державой.

Последняя из Птолемеев, легендарная Клеопатра, проиграв морское сражение римскому императору Августу, заканчивает эру греческого правления в Египте.

С 30 года до н. э. наступает римский период, с началом новой эры в Египет проникает христианство.

В 641 году при правлении халифа Омара египтяне приветствуют арабов. Арабы принесли новую религию — ислам, переняли их язык, грамоту, которыми пользуются до сих пор. Несколько веков различные мусульманские династии в бескомпромиссной борьбе за власть сменяли друг друга.

После смерти Салах-Аддина к власти приходят мамлюки. “Мамлюк” в переводе с арабского означает “тот, кем владеют”, т.е. раб. Их приводили в Египет в качестве пленников правители страны из военных походов. Мамлюки были чужаками в Египте, из них правители составляли свою гвардию, даруя за примерную службу свободу, землю, имущество. Постепенно мамлюки захватили власть.

В 1260 году внук Чингисхана Хулагу, захватив и разрушив Багдад, казнит халифа из династии Аббасидов. Затем посылает своих послов в Каир, требуя покорности Египта. Мамлюкский султан Кутуз приговаривает послов к смерти и наносит сокрушительное поражение монголам в Галилее.

Кутуз, объявленный спасителем ислама от монгольской угрозы, с триумфом возвращается в Каир, но гибнет от руки убийцы. Султаном становится Бейбарс, выходец из Западного Казахстана, который правил Египтом с 1260 по 1277 годы. Бейбарс принимает беглеца из дома свергнутого халифа Аббасидов и провозглашает его халифом Египта. Все эти халифы были марионетками в руках мамлюков до их свержения турками.

Наряду с военными успехами Бейбарс построил на окраине Каира большую мечеть, которую не успел завершить при жизни. Со временем она пришла в упадок и запустение, начала разрушаться.

Ныне Казахстан выделил на её восстановление 4 млн. долларов США. Значительную сумму выделил и Египет. Реставрируют мечеть сами египтяне.

Так Казахстан воздал должное своему сыну, который все свои силы и талант отдал на благо и процветание далёкой африканской страны Миср. “Блистательная” — по-арабски.

При мамлюках Египет превратился в крупнейшее государство Восточного Средиземноморья.

Внутри мамлюкской верхушки происходила постоянная борьба между представителями различных народностей. Сначала Египтом правили тюркские мамлюки, затем верх взяли черкесы — представители малых народов Кавказа. Султан не передавал власть по наследству, он избирался, считаясь “первым среди равных”. Мамлюки не церемонились с египтянами и нещадно эксплуатировали страну и её жителей. Восстания следовали одно за другим.

Египетская и арабская знать ненавидела мамлюков, чем непременно воспользовалась набирающая могущество Османская империя. В 1517 году турецкие войска захватили Каир, янычары выследили и уничтожили десять тысяч мамлюков, повесив последнего мамлюкского султана Туман-Бея в мечети Эль Муаед у южных ворот города.

Вторжение Наполеона в Египет (1799 г.), прерванное вмешательством англичан, стало предвестником будущих грандиозных событий.

На протяжении XIX века мусульмане страдали от европейских держав, чьи собственные политические и религиозные институты переживали период кризиса и упадка. Мусульманские лидеры нередко сокрушались о несчастьях, постигших ислам, и искали выход. Однако этому противилась консервативная

идеологическая верхушка, которая всячески противодействовала проведению реформ. Существующая жизнь их вполне устраивала, а другое их не волновало.

Тем не менее, отдельные представители светской власти видели необходимость модернизации своих государств на европейский лад. Чаше подобные действия достигались наиболее простым путём привлечения кредитов от чужих стран, а не за счёт повышения интеллектуального и профессионального уровня своего народа. Как правило, такое государство попадает в долговую яму и в конце концов теряет свою независимость.

Наиболее красноречивый пример того периода — Египет и слабеющая Османская империя.

К 1875 году Египет оказался на грани банкротства, которого можно было избежать только одним способом — став британским протекторатом.

Османская империя к этому периоду как бы растворилась в финансовых рынках мира, а после первой мировой войны рухнула. То, что произошло в Турции и Египте, стало отражением глубокого пессимизма, охватившего исламский мир в XIX веке, которого до сих пор не могут им простить в арабских странах.

После капитуляции французов перед союзниками (Англия, Турция) Египет стал частью Османской империи (1802 г.).

В Каире мамлюкская элита отказывается признать присланного из Константинополя нового османского губернатора. Начинается кровавая борьба за власть, для наведения порядка высылается армия.

После гибели командующего, армией руководит малоизвестный молодой тридцатитрёхлетний офицер Мухаммед Али, выходец из Македонии, родители которого были албанцами. Ныне он считается создателем современного Египта. Первым шагом Мухаммеда Али при поддержке улемы — мусульманского духовенства, был захват власти в Каире. Оттеснив тем самым на второй план всех своих соперников, он стал законным пашой и турецким наместником, совершенно не владея арабским языком. Спустя несколько лет он организует пир в Цитадели, крепости-дворце, сооружённой во времена знаменитого Салах-Аддина, а впоследствии она служила резиденцией всех султанов-мамлюков. Новый лидер приглашает верхушку мамлюков в количестве 450-500 человек и... убивает всех, кроме одного Мурат-Бека, который сбросился с крепостной стены.

Через неделю со всеми мамлюками было покончено. Всё их имущество перешло в собственность Али-паши.

Ныне в Цитадели находится мечеть Мухаммеда Али с самыми красивыми и высокими минаретами в Египте и его могила.

Это далеко не новый приём в борьбе за власть. К нему многократно прибегали сами османские султаны. Так, в 1731 году султан Махмуд I, пригласив к себе во дворец всех вождей янычар, отдал приказ об их удушении и обезглавливании. Так что Али-паша всего лишь повторил действия султана.

Янычар турецкие султаны, как и арабская верхушка мамлюков, набирали в других странах, преимущественно в славянских. Отнимая детей у родителей, увозили в пашалык, обучали в османских военных учебных заведениях как истинных мусульман.

Об одном из них, Мехмед-паше Соколовиче, написан знаменитый роман "Мост на Дрине" лауреатом Нобелевской премии Иво Андричем.

...Впервые туманное видение моста мелькнуло в воображении десятилетнего мальчика, которого вместе с другими сербскими детьми янычары насильственно увозили из Боснии для службы в османской армии.

Визирь многое забыл с годами, и только чёрная черта мутной тёмной воды Дрины, которая рассекла его жизнь, до и после постоянно напоминала ему.

Избавлением от этой боли представлялся ему мост над рекой, который соединит её берега и навсегда свяжет край, откуда он родом, с краем, в котором прошла его жизнь, где он получил другое имя, другую веру, стал великим визирем...

Янычары составляли отборную гвардию. Их бросали на наиболее ответственные участки. Организованные, дисциплинированные и жестокие, они навели ужас, где им приходилось воевать. После захвата города султан отдавал его в полное распоряжение янычарам на три дня. Что там тогда творилось, невозможно представить даже в самом страшном сне.

В мирное время из-за вынужденного безделья, привилегированного положения, почувствовав свободу, они стали принимать активное участие в дворцовых интригах, тем самым подтверждая простую истину: военные, в том числе элитные, должны воевать — это их прямое назначение, а так одни проблемы.

Янычары игнорировали военные реформы, которые проводились в Европе. Как результат — османская армия стала проигрывать сражения. Например, янычары категорически отрицали винтовочный штык, предпочитая шашку.

Итак, Мухаммед Али, он же Али-паша, глава династии, которая правила Египтом почти полтора века. Пока её не свергли “свободные офицеры” во главе с формальным лидером, генералом Мухаммедом Нагибом — первым президентом свободного Египта, которого через два года сменил Насер — фактический лидер. Сам генерал не сопротивлялся, был отправлен в почётную ссылку, где и умер.

В условиях хаоса и неразберихи в стране в начале XIX века Мухаммед Али начал готовить почву для крупномасштабной модернизации страны по европейским стандартам на задворках загнивающей Османской империи. Стал притягивать в страну иностранные инвестиции для строительства и оборудования новых фабрик по производству хлопчатобумажных тканей, сахара из сахарного тростника. Волевым образом отправлял граждан на общественные работы по типу субботников, воскресников. Строил новые школы, колледжи по европейским образцам. Его усилиями Каир и Александрия стали привлекательными городами для иностранцев. Подготовил базу для строительства Суэцкого канала, которое было начато через десять лет после его смерти.

Самое удивительное — грамотой он овладел после 40 лет, когда стал уже Али-пашой. Он до сих пор остался загадкой для египтян и для всех мусульман. Как светский диктатор, он послужил образцом для многих позднейших правителей, но за свои успехи он заплатил тем, что принёс в жертву многие исламские ценности.

Идея соединения Средиземного и Красного морей родилась ещё при фараонах. Был прорыт первый канал, впоследствии заброшенный и занесённый песком.

К середине XIX века сокращение морского пути из Европы в Азию вследствие колониальных экспансий европейских держав превращается в необходимость. За это дело взялся бывший консул Франции в Египте, крупный бизнесмен Фердинанд де Лопес. Правительство Египта дало “добро” на строительство, которое было начато в апреле 1859 года.

На стройке участвовало от 25 до 40 тысяч человек, причём почти всех рабочих поставлял Египет. Строительство было завершено через десять лет. Торжественное открытие канала прошло с исключительным размахом.

В центре Каира одновременно воздвигли оперный театр — уменьшённую копию Гранд-опера в Париже. Заказывается опера итальянскому композитору Джузеппе Верди на древнеегипетскую тему, однако незавершённую ко времени открытия канала. Вместо неё поставили “Риголетто”. Премьера оперы “Аида” состоялась два года спустя.

За период сооружения Суэцкого канала Египет окончательно приходит к банкротству. Положение усугубляется тем, что страна от эксплуатации канала

мало что выиграла. Вся прибыль оставалась в руках англо-французской “Суэцкой компании”.

Канал был национализирован в 1956 году президентом Египта Г. Насером, хотя до истечения срока концессии оставалось ещё 12 лет, что вызвало крайнее недовольство и даже военную агрессию со стороны Англии и Франции.

Ныне Суэцкий канал, соединяющий Средиземное и Красное моря, имеет протяжённость 163 километра, ширина его 350, глубина — 20 метров.

За время эксплуатации канала его многократно расширяли и углубляли. Ныне по нему могут проходить гружёные суда водоизмещением до 180 тысяч тонн, а пустыми — любые супертанкеры.

Каждые сутки канал пропускает 45-50 судов, на что уходит 14-16 часов. Каждое судно, проходящее по каналу, платит пошлину — 10 тысяч долларов США, что приносит государственной казне около трёх миллиардов долларов в год.

Власть иностранцев была вечным проклятием Египта. За тысячелетия их правления страна, имеющая богатейшую историю и культуру, потеряла свой язык — язык фараонов, и теперь уже его не восстановить — в отличие от израильтян, сумевших возродить иврит.

Однако в какой-то мере египтянам повезло. Летом 1799 года во время экспедиции Наполеона французы решили отремонтировать старую крепость в Решеде (Розетте).

Разбирая рухнувший бастион крепости, они обнаружили плиту из чёрного базальта, на которой были выбиты три текста: один из них древнеегипетскими иероглифами, другой, похожий на иероглифы скорописью, третий по-гречески — текст оказался посвящённым царю Птолемею V, из которого следовало, что содержание всех трёх текстов идентично.

Находка (Розетский камень) взбудоражила учёных. К тому времени древнеегипетские иероглифы были давно и прочно забыты. Начертанные на стенах храмов и гробниц, на папирусе они скорбно молчали. Знания о древнеегипетской цивилизации оставались скудными. Между тем интерес к древнему Египту в Европе был очень велик.

“Розетский камень” давал новые надежды на расшифровку древних знаков. Многие видные учёные тщательно изучали и сравнивали тексты. Напрасно! Никто не мог подобрать ключ к расшифровке. Это удалось сделать французу из Гренобля Жану Франсуа Шампольону, которого по праву называют “отцом египтологии”. Он был так потрясён своим открытием, когда после прочтения последнего знака, придя к своему брату, воскликнул: “Я нашёл! У меня получилось!” — и упал без сознания. В бреду он не переставал перечислять расшифрованные им имена фараонов.

Спустя две недели, 27 сентября 1822 года, Шампольон дал официальную пресс-конференцию в Парижской академии и объявил о дешифровке “Розетского камня”. Сам “Розетский камень” хранится в Британском музее.

Умер Шампольон совсем молодым в 42 года от инфаркта, как говорят, от “проклятья фараонов”.

Молчаливым свидетелем многотысячной истории Египта является Нил, которому обязана его древняя цивилизация. Нил для Египта больше чем река, скорее всего, как утверждал Геродот: “Нил дал Египет”.

Нил — самая длинная река в мире протяжённостью около 6,7 тысяч километров, из которых 1,5 тысячи километров он течёт по Египту, где в него не впадает ни один приток.

Беря своё начало у озера Виктория, Нил протекает по территории девяти африканских стран, впадая в Средиземное море, река питается только за счёт муссонных дождей, выпадающих на плоскогорье Восточной Африки.

В былые времена разливы реки приносили больше несчастья, а потому ежегодно в день половодья (19 июня) приносили жертву — самую красивую девушку страны.

Ныне бурный нрав Нила обуздан человеком, он зарегулирован в верхнем течении, теперь его пойма не затопляется, как прежде в течение четырёх месяцев в году.

Впервые это было предпринято в 1898 году английскими инженерами, соорудившими большую плотину, которую потом дважды перестраивали. Высота старой плотины составляла 51 метр. Длина чуть более двух километров.

Новая Ассуанская плотина построена в семи километрах от старой. Работы над проектом были начаты в 1955 году. Первоначально финансирование строительства взяли на себя США и Англия. После того как Египет национализировал Суэцкий канал, Запад отказался от своего проекта. Тогда на помощь пришёл Советский Союз.

Строительство было начато в 1960 году, завершено через десять лет. В нём участвовало 35 тысяч египетских рабочих под руководством 1500 советских инженеров и техников. Плотина строилась на советские кредиты, которые были погашены в 70-е годы прошлого тысячелетия.

Грандиозное сооружение имеет пирамидальную форму. Абсолютно устойчиво к землетрясению. Длина 3,6 км, высота 111 метров, ширина в высокой части 40 метров и 980 метров у основания. Плотину иногда называют пирамидой Насера. Благодаря гидротехническому комплексу мощностью 2,1 млн. кВт, страна практически полностью обеспечила себя электричеством.

Плотина способна принять и сдерживать весь прилив Нила в водохранилище им. Насера. Это самое большое искусственное озеро в мире длиной 500 км, шириной 25 км, глубиной 180 метров.

Главная нерешённая проблема — это заиливание водохранилища. Учёные прогнозируют, что ил полностью вытеснит воду не раньше чем через 500 лет, однако уже сейчас разрабатываются технологии очистки водохранилища.

Положительные факторы водохранилища и плотины:

Положен конец нильским паводкам.

Поддерживается постоянный уровень воды в реке.

Посевные площади увеличились на 20-35 %.

Обеспечение страны электрической энергией.

Улучшилось водное сообщение между Египтом и Суданом.

Озеро насыщает как внутренний, так и внешний рынок рыбой.

Стали возможными сборы трёх урожаев в год вместо одного.

Недостатки:

Затоплена Нубия.

Затоплены нубийские храмы, а их спасение слишком дорого обошлось стране.

Посягательство на природу.

Плотина удерживает плодородный ил.

Повысилась влажность воздуха.

Наряду с древней историей Египет имеет древнюю культуру земледелия. Достаточно вспомнить знаменитый египетский треугольник, при помощи которого земледельцы делили пашню.

Площадь пашни в стране составляет 420 тысяч гектаров. Из технических культур ведущее место принадлежит сахарному тростнику, из продовольственных — рису, кукурузе. Много возделывается различных овощных культур, цитрусовых, виноградников.

Вскоре к существующей пашне планируется добавить ещё 250 тысяч гектаров на севере Синая — это своеобразная египетская целина. Стержень программы — строительство канала, по которому нильская вода оросит огромный массив плодородной земли в районе Эль-Ариша.

В связи с этим предполагается плотное заселение этого малолюдного региона, строительство скоростной железной дороги. Уже сооружены разводной железнодорожный мост через Суэцкий канал, подвесной автомобильный мост.

Кроме экономики здесь большая роль принадлежит политике — близость границы Израиля.

Шарм-аль-Шейх — довольно часто упоминаемый из всех египетских регионов по телевизионным новостям. Будь то встреча мировых лидеров, террористическая акция или авария туристического автобуса. Теперь вот моя встреча с ним.

Конец ноября. Прямой чартерный рейс Астана — Шарм-аль-Шейх. Семь часов лёту. Утомительно с непривычки.

Предсказуем наш народ. Подвыпив в ожидании рейса, который задержался на три часа, несколько семейных пар продолжили свои разборки, начатые в аэровокзале, в салоне самолёта. Пришлось вмешаться командиру корабля, который пригрозил, что сдаст их по прибытию в египетскую полицию. Подействовало. Хотя наши стали угрожать, мол, не полетят, выйдут из самолёта. Типичные амбиции бескультурья. Вот с таким настроением начался наш кратковременный отдых на лазурном берегу Красного моря.

Итак, Шарм-аль-Шейх, самый бурно развивающийся туристический город Синайского полуострова. Начало его развития связано с оккупацией данного региона Израилем в 1967 году. Израильтяне проложили современные дороги. Построили несколько отелей и большое количество кемпингов. Так была заложена основа современного туристического бизнеса.

В районе курорта нет ни одной исторической достопримечательности, если не считать Рас Кеннеди — скалу, напоминающую лицо Джона Ф. Кеннеди — 35-го президента США.

Как курорт международного класса, Шарм-аль-Шейх славится своими песчаными пляжами, чистой водой и чистым воздухом, коралловыми рифами, самыми красивыми в Северном полушарии, изобилующими морской флорой и фауной. Коралловые острова достигают до 1 км глубины — красота неопишемая. Для туристов предлагается сорок различных туров: “По следам истории”, “Море... Мангровые рощи... Озеро желаний”, “Море — солнце... яхта” и другие. Выбирай, договаривайся! К услугам — такси, автобусы, самолёты, паромы, яхты. Сервис на высоком уровне. Абсолютное большинство русскоговорящих гидов окончили двух-трёхгодичные курсы при посольстве СССР, а ныне России, в Египте. У многих из них это вторая специальность. Гиды — престижная и высокооплачиваемая работа по сравнению со многими профессиями.

Туризм — молодая, бурно развивающаяся отрасль экономики, ежегодно приносящая в бюджет страны до 40 % доходов. Если в 1998 году Египет посетило 3,5 миллиона человек, то в 2006-м — более 9 миллионов, из которых один миллион из стран СНГ. К 2014 году ожидается 16 миллионов туристов. Туристы из России и других стран СНГ занимают первое место среди многочисленных гостей Шарм-аль-Шейха. На втором месте Германия.

Свободное посещение любой страны возможно только при гарантии мира и безопасности жизни. Напомню, что арабские государства, ведомые Египтом, трижды принимались уничтожить Израиль (1948 г., 1967 г., 1973 г.). Однако итогом всех этих войн становилось расширение подконтрольной Израилю территории.

В 1977 году президент Анвар Садат неожиданно для всех в арабском мире посетил Иерусалим. Поводом для принятия подобного решения, как говорят некоторые источники, послужило то, что правительство Израиля спасло жизнь президенту Египта.

Израильская разведка “Моссад” раскрыла план существования покушения на А. Садата и через короля Марокко Хасана поставила об этом в известность службу безопасности президента, снабдив детальной информацией об именах заговорщиков, конспиративных квартирах в Каире, которые были подтверждены при их задержании и обыске.

В итоге длительных переговоров в 1978 году подписано мирное соглашение в Кемп-Дэвиде (США). Синайский договор был неоднозначно воспринят в арабском мире, что привело к разрыву дипломатических отношений с Египтом. А. Садат был убит 6 ноября 1981 года исламским экстремистом во время военного парада в Каире.

...В сфере туризма занято около семи млн. человек трудоспособного населения страны. Поэтому вполне понятна кровная заинтересованность египтян в дальнейшем развитии этой прибыльной отрасли экономики, к тому же туризм играет немаловажную роль в выборе мирной политики в отношении со своим тысячелетним соседом Израилем вопреки всем другим течениям.

Наше посещение Египта совпало по времени с началом мирового экономического кризиса, который аукнулся и в сфере туризма. Как сокрушались гиды: “В прошлые годы в эту пору не было даже продыха, а теперь мы заняты значительно меньше. Боимся сокращения. Что делать?”.

Туристы — народ непредсказуемый, со своими вкусами и пристрастиями. Каждый отдыхает по-своему. Одни не расстаются с лежаками и все дни проводят по единому маршруту “море — песок — море”. Другие совмещают отдых с активными экскурсиями.

Синай — лунный ландшафт, хорошо видный с самолёта и с Красного моря, особенно когда совершаешь экскурсию на яхте в заповедник Рас Мухаммед. Купание в коралловых рифах. Загорай на палубе в окружении величавого пейзажа Синая — калейдоскопа расцветок от серого, розового, синего гранита через зелёный, коричневый и охристый к светло-бежевому — аж до маленького городка Таба, который известен ещё с библейских времён как стоянка торговых караванов между Азией и Африкой, а ныне перевалочный пункт для туристов, пересекающих здесь границы.

Таба и современный отель “Хилтон Таба” были возвращены Египту Израилем в 1989 году после длительных переговоров по решению арбитражного суда.

После морской прогулки самый раз совершить экскурсию в православный монастырь Святой Екатерины “Врата Мира”. Совершить восхождение на гору Моисея, у подножия которой расположен и сам монастырь.

Он был возведён в VI веке. В центре растёт священный терновый куст, в пламени которого Бог впервые явился Моисею.

До основания монастыря в этом уникальном и труднодоступном месте в течение нескольких веков жили первые христиане-отшельники.

За стенами монастыря хранятся бесценные исторические сокровища, сотни икон, тысячи связок с манускриптами. По своему религиозному значению библиотека монастыря уступает только библиотеке Ватикана.

Монастырь — единственная христианская церковь, в которой есть мечеть. В начале XI века один из исламских халифов решил уничтожить “неверных” и направил сюда войско. Однако своевременно бедуины предупредили монахов, и те быстро одно из помещений монастыря превратили в мечеть. Узнав об этом, халиф отступил. Ибо место вокруг мечети священно для мусульман. Минарет пристроили позже. Так вполне миролюбиво был разрешён извечный вопрос: “Кто не с нами, тот против нас!”.

Каждую ночь толпы паломников из разных стран планеты поднимаются на гору Моисея по лестнице, высеченной монахами, и насчитывающей 3750 ступенек. Подъём на гору начинается с девяти часов вечера до двенадцати ночи с заднего фасада монастыря. По преданию, на вершине горы Бог вручил Моисею каменные скрижали — 10 своих заповедей.

Паломники надеются, что встреча восхода солнца на святой горе поможет им очиститься от грехов. Красота пейзажа, который открывается с вершины горы, заставляет затаить дыхание, вознаграждая за трудное восхождение, занимающее до трёх часов.

После серьёзных продолжительных и трудоёмких экскурсий можно развлечься и отдохнуть. Театрализованное представление “1001 ночь”, “Танец живота” в исполнении грациозной девушки, одиночный восточный танец мужчины. Воссоздаётся история египетских фараонов на фоне построенных ими грандиозных сооружений. Десятки лихих всадников на арабских скакунах, верблюдах и ослике. В завершение — сцена любви Лейлы и Меджнуна.

Живой спектакль под названием “торговля” на восточном базаре. Восточная кухня. Ужин в марокканском ресторане под чёрным, как тушь, звёздным небом.

Достопримечательности Шарм-аль-Шейха исчерпаны. Впереди Луксор, Абу Симбел, Каир, Александрия.

Лавиной обрушившееся на Европу увлечение после египетского похода Наполеона не угасает до сих пор.

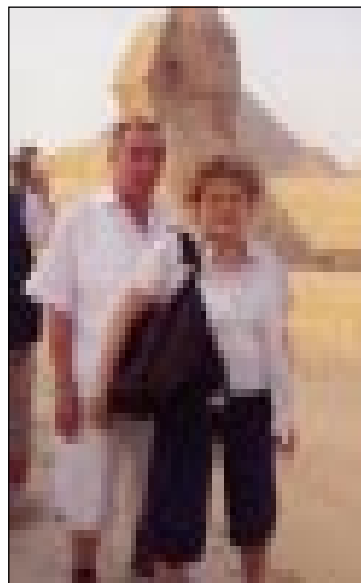
Разгромив у стен пирамид мамлюков, вдохновив войско пламенными словами: “Солдаты, сорок веков с высоты этих пирамид мир смотрит на вас!”, корсиканец бросил вслед за ними дивизию генерала Дессека. Утомлённые бесконечным путём вдоль Нила солдаты, к своему удивлению, увидели поднимающиеся из песка гигантские колонны и отсалютовали им... Так впервые европейцам открылся Луксор. Начались раскопки, реставрационные работы, которым не видно конца по сей день.

Город расположен на берегу Нила, который делит его на две части: “город живых” и “город мёртвых”. Нигде кроме Луксора в Египте не сосредоточено так много памятников эпохи фараонов, включая их гробницы.

Захватывает дух от величия Луксорского и Корнакского храмов, одновременно поражаешься творениям рук великих мастеров древности. Галерея сфинксов с головами баранов, лес колонн, огромные памятники, священное озеро, на берегу которого высится большой каменный жук — скарабей — символ счастья и исполнения желаний. Поэтому толпы туристов по несколько кругов обходят это каменное сооружение.

Если на восточном берегу Нила люди жили, строили, то на западном их хоронили. Фараоны, разочарованные неспособностью пирамид предохранить своих божественных хозяев от грабежей и осквернений, решили перейти на более безопасный, по их мнению, метод захоронения. Вместо традиционного места погребения близ Мемфиса они предпочли отдалённость и безопасность Луксора.

Известность и доступность традиционно божественного Некрополя была принесена в жертву уединению в пустыне в надежде, что сюда

У Сфинкса.

никто не сумеет проникнуть, а если и проникнет, не сможет долго оставаться, чтобы успеть нанести вред гробницам.

Однако это была наивная вера! Грабители оказались хитрее и находчивее. Большинство гробниц были осквернены ещё в древности, кроме одной.

Неоднократно ошибочно утверждалось, что “Долина царей” — место захоронения фараонов — раскопана полностью. Однако недавние находки доказывают обратное и в будущем могут обернуться новыми потрясающими открытиями.

К настоящему времени открыты 63 гробницы, нумерация которых начата с 1827 года английским египтологом Джоном Вилкинсоном.

К выбору места будущего захоронения приступали с момента коронации нового фараона. Комиссия в составе главного визиря, главного каменщика и главного архитектора согласовывала свой выбор с хозяином гробницы, которая строилась в течение жизни фараона.

Длина раскопанных ныне гробниц колеблется от 25 до 125 метров. Не все гробницы “Долины фараонов” открыты для посещения в силу различных причин. Но даже если бы все они вдруг распахнули свои металлические двери, осматривать их все подряд не имеет никакого смысла. Все они похожи друг на друга!

Наиболее знаменита и посещаемая за отдельную плату гробница фараона Тутанхамона, длина которой 40 метров. Её популярность связана с тем, что она сохранилась в первоначальном виде. Не подверглась ограблению, как все остальные. Она была открыта английским археологом Говардом Картером в ноябре 1922 года, занесена в картотеку гробниц за № 62. Гробница сохранилась лишь по одной простой и случайной причине: её дверь была завалена горами щебня при сооружении гробницы другому фараону.

Так она была забыта, простояла нетронутой более трёх тысяч лет и ныне является предметом величия и гордости Египта.

В течение шести лет Картер шёл к своей цели. Археолог, тщательно изучив все предыдущие до него материалы, был убеждён в её существовании. Открытие гробницы стало самой громкой археологической сенсацией XX века.

Было найдено более 5 тысяч предметов. На их описание и перевозку в Каирский музей понадобилось почти семь лет. Мумию фараона оставили в гробнице. В погребальной камере хранились четыре идеально входящих друг в друга (как матрёшка) позолоченных сундука. В последнем была найдена портретная золотая маска весом 11 кг и мумия из литого золота весом 114 кг.

Между тем в период с 1922 по 1929 годы все из 13 присутствовавших при вскрытии погребальной камеры гробницы неожиданно умерли, заложив тем самым основу легенде о болезни “Проклятия фараонов”.

Сам Говард Картер умер в 65 лет от естественной смерти. Усталый, всеми забытый, в нищете. Одним словом, тоже от “Проклятия фараонов”.

Как показали последние исследования, причиной смерти могли быть микротоксины, а также слабая радиация, которую излучали консерванты, содержавшие радиоактивные вещества. За многие тысячелетия в наглухо замурованной гробнице они достигали высокой концентрации.

Ныне во всех новых гробницах, которые находят в “Долине царей”, перед вскрытием проводят активную длительную вентиляцию.

В нескольких километрах к югу от “Долины фараонов” в начале XX века итальянский археолог Эрнесто Чиакарелли открыл “Долину цариц”. Здесь хоронили жён, рано умерших детей фараонов. Найдено более шестидесяти захоронений. Все они разграблены ещё в древности, даже сильнее чем гробницы фараонов. Наибольшую известность получила гробница царицы Нефертари — любимой жены Рамзеса II. Открытая в 1904 году, после долгих реставрационных работ в 1995 году она стала доступной для посещения. С 2004 года вновь закрыта на ремонт.

Грандиозное зрелище представляет заупокойный храм царицы Хатшепсут, которая была единственной в истории Египта женщиной-фараоном.

Она правила страной от имени приёмного сына более двадцати лет. Как гласят легенды, храм был сооружён архитектором — фаворитом царицы. После смерти царицы, став фараоном, приёмный сын приказал уничтожить все её статуи и изображения, а прекрасный храм до сих пор привлекает к себе огромное количество людей со всего света.

С 1993 по 1997 год территория храма ежегодно использовалась в качестве натуральной декорации при постановке оперы Д. Верди “Аида”, в либретто оперы отражены события, изображённые на стенах храма.

Храмы Абу Симбел поражают всех. Они были вырублены в скалах Нубии по приказу фараона Рамзеса II. Их фасад украшают четыре каменные статуи фараона высотой 20 метров. Они как бы олицетворяют стражников, предупреждая всех, чтобы никто даже не помышлял вторгнуться в эти пределы. За всем этим следит сам Рамзес II.

Абу Симбел был открыт швейцарцем Иоганном Букхардом в 1813 году. До этого он под именем правоверного мусульманина Хаджи Ибрагима-ибн Абдуллаха открыл сказочно красивый, спрятавшийся в горах “город мёртвых” Пётру. Он первым из европейцев посетил и описал Мекку, умер от лихорадки в 1817 году, в возрасте 33 лет. В том же году итальянский египтолог Джованни Бельцони, прославившийся тем, что уже раскопал шесть гробниц фараонов, отправился на поиски новых приключений.

Бельцони знал о предварительных данных исследований своего предшественника. Более того, он имел официальный документ на поиск древностей для Британского музея, подписанный английским генеральным консулом и подтверждённый турецкими властями в лице известного нам Мухаммеда Али-паша. Наняв людей, он раскопал статуи, предположив, что они охраняют сокровище. Через несколько дней был найден вход в храм, состоявший из нескольких огромных залов с десятиметровыми статуями. Как писал сам Бельцони: “Это был один из самых великолепных храмов мира, богатый замечательными рельефами, картинами и гигантскими фигурами”. Он спустился внутрь с блокнотом, надеясь зарисовать всё то, что видел, но жара и духота в храме были такими, что от пота бумага сразу же размокла, и ему пришлось спасаться бегством, чтобы не потерять сознание. Саркофагов, мумий, драгоценностей в храме не было.

В 1820 году Бельцони, собрав материалы, повёз их в Британский музей, чтобы получить средства для новых африканских экспедиций. Попутно он нашёл вход в погребальную камеру пирамиды Хеопса. Не удержался, написал своё имя на древних камнях.

В 1823 году Бельцони с женой выехал из Англии в Танжер (Марокко). Он планировал напрямую через Сахару добраться до Судана.

Однако всему этому не суждено было сбыться. В смутной тревоге на половине пути Бельцони отправляет домой верную жену Сару. В пустыне на него напали разбойники, забрали деньги, вещи. Потом он тяжело заболел. В ожидании близкой смерти он снял франко-масонское кольцо с пальца, отдал его своему чёрнокожему помощнику, попросил передать жене. Он умер в Бенине в 45 лет. Похоронен без всяких почестей в общей яме под деревом.

Третье открытие было сделано почти полвека спустя. В октябре 1870 года туристка из США Амелия Эдвардс вошла в храм утром, когда ещё нежаркое осеннее солнце не поднялось за Нилом. Несмотря на духоту и жару, она шла за проводником, который освещал путь факелом. Когда добралась до последнего зала — святыща, ей показалось, что её настигает огонь. Ослепительный свет ударил в спину, и луч солнца упёрся в каменные фигуры.

Несколько минут статуи купались в солнечном свете. Луч исчез, и святилище вновь погрузилось в темноту.

Оказалось, что храм построен с таким расчётом, что дважды в год утром на восходе солнца пронзает всю анфиладу подземных залов и освещает статуи святилища. Это уникальное явление можно наблюдать 21 октября — в день рождения фараона Рамзеса II и 21 февраля — в день его коронации.

С Абу Симбелом связаны драматические события истории недавних лет при строительстве Асуанской плотины, когда стало ясно, что водохранилище затопит пойму Нила и под неё уйдёт ряд памятников Верхнего Египта, Нубии и храмы Абу Симбела.

В 1960 году Министерство иностранных дел Египта обратилось за помощью в ЮНЕСКО. Перенос храмов начался в 1964 и закончился в 1968 году. Если бы не международная помощь, храм был бы поглощён водохранилищем. Было предложено много различных вариантов спасения. Времени было в обрез. Уже началось заполнение водохранилища. Спасение Абу Симбела стало одним из выдающихся инженерных достижений XX века и примером международного сотрудничества.

Для переноса храм распилили на 1036 гигантских блоков, пронумеровали и заново собрали на новом месте на 65 метров выше и 210 метров западнее берега. Восстановили кольцо гор, окружавших храм. Был сооружён огромный бетонный купол для поддержки искусственных скал. Работы обошлись в 36 млн. американских долларов, которые финансировали в равных долях Египет, ЮНЕСКО, США.

Главная сенсация — перемещение храма — не повлияло на его уникальное освещение. Теперь солнце проникает в него с разницей в один день: 22 октября и 22 февраля.

Знаменитые города мира тем и прославлены, что любой человек может перечислить их достопримечательности, независимо от того, был ли он когда-нибудь там, или не был. А если в них находятся ещё и “Чудеса света”!

Итак, Каир, Александрия, которые по праву включены в список “Сто великих городов мира”.

Каир — столица Египта, в нём проживает четверть населения страны из 80 миллионов. Самый большой город Африки и один из крупнейших в мире. Нет смысла перечислять количество музеев и памятников, все их не обойдёшь и за несколько лет! Каир — стык времён, культур, цивилизаций и религий. Сердце города — Египетский музей, официальное открытие которого состоялось в 1901 году.

В IV веке новой эры в Египет проникло христианство. Начиная с VI века, после исламизации страны, христиан Египта стали называть коптами, коих ныне насчитывается в стране более 7 млн. человек, 90 процентов египтян — мусульмане-сунниты. Этим религиозным вероисповеданиям посвящены церкви и мечети столицы с прекрасной архитектурой.

В Каире насчитывается 14 синагог, наиболее древняя Бен Эзра, где в 1890 году найден тайник, в котором была спрятана “Книга Бытия”, впоследствии перевезённая в библиотеку Кембриджского университета.

Стоит упомянуть о мечети Эль-Рифан, одной из самых больших в Египте, где похоронены известные люди, в том числе последний король страны Фарух, шах Ирана Мухаммед Реза Пехлеви, который был вынужден бежать из своей страны.

Главное чудо — это пирамиды, которые стоят вот уже более 5 тысяч лет, как бы надсмехаясь над человеческим бытием. Три грандиозные пирамиды с древнейших времён считаются символом загадки и вызова.

Сооружение “Вечного дома” для фараона было не просто строительством. Это было деяние, объединяющее различные племена и народы, разбросанные по всей территории Древнего Египта с одной целью: соединить человеческое и божественное начало, который из иного мира станет заботиться о своём народе, гарантируя мир и согласие в стране.

Рядом с пирамидами, словно охраняя их, лежит “Большой сфинкс” с телом льва и головой человека, который высечен из цельного камня. Фанатичные мамлюки, приняв голову сфинкса за мишень, отбили ему нос, когда упражнялись в стрельбе по цели...

В Египте нас удивляло отсутствие светофоров при насыщенности дорог автомобилями. Как шутил гид: “У нас вы не увидите светофоров. Если они и есть, то не работают, а если они вдруг заработают, им всё равно никто не подчиняется. У нас хорошие гаишники!”. Скорость движения автомобилей не более семи километров в час — скорость пешехода.

Египетские водители уступают друг другу без светофора. На скоростных авто-трассах в местах возможных встреч — “лежачие полицейские” в два ряда. Хочешь — не хочешь, скорость не разовьёшь! Так что вряд ли скоро на дорогах Египта появятся светофоры, хотя указателей полно. Впрочем, не будем загадывать.

Александрия — город Александра Македонского. При нём был составлен генеральный план застройки архитектором Дейнократом, вначале отвергнутый, а затем принятый великим полководцем.

Разложив на земле свой военный плащ, покрыв его тонким слоем песка, он провёл пальцем поперечные и продольные линии и посыпал их мукой. Так образовались улицы. Когда Дейнократ показывал свой план Македонскому, прилетели голуби и начали клевать муку — все сочли это счастливым предзнаменованием... Это был типичный античный город длиной пять и шириной один километр. Ныне эти размеры увеличены в десятки раз, а в городе проживают более шести миллионов человек.

За свою более чем 2500-летнюю историю Александрия пережила всё — расцвет, падение, нашествие, разорение и возрождение.

Уже через полвека после основания города в нём было свыше трёхсот тысяч жителей, а к началу новой эры его население возросло до миллиона человек! Это свидетельство экономического могущества Александрии — благодаря его гавани, где сходились многие торговые пути из Европы, Азии, Африки.

Всё это в конце концов вызвало необходимость постройки “Чуда света” — маяка высотой 150 метров для безопасности судов и самого порта от нападений вражеских кораблей. Его свет, усиленный зеркалами, был виден за 90 километров...

Город превратился не только в политический, экономический, но и культурный центр античного мира. Этому в немалой степени способствовала знаменитая библиотека, насчитывавшая более 700 000 рукописей по всем отраслям знаний.

Маяк впоследствии был разрушен землетрясением, а на его месте был построен форт Кейт-Бей для защиты от османских нападений с моря в 1480 году.

Библиотека сгорела, когда римляне осадили город. Довершили разгром рукописей христианские фанатики, считавшие, что в них заключена языческая ересь. Так было утрачено сокровище человеческой мудрости.

В 70-е годы прошлого тысячелетия этот район был закрытым военным объектом, на котором располагалась советская ракетная база, прикрывавшая подступы к порту. С приходом к власти А. Садата в 1970 году и последовавшего за этим завершением советского военного присутствия в Египте это место стало доступно для туристов.

Александрия — город, где правила и умерла Клеопатра, а Египет четыре века был провинцией Римской империи. Его значение, как портового города, упало. Окончательный его упадок наступил после открытия морского пути на Восток, в Азию вокруг мыса Доброй Надежды.

Мёртвую пристань постепенно занесло песком, древние здания превратились в руины. Когда здесь появилась армия Наполеона, в Александрии насчитывалось всего от пяти до шести тысяч жителей. Одним словом, “большая деревня” на элитном фундаменте древней культуры.

Возрождение города пришлось на период правления Мухаммеда Али-паши, когда Александрия превратилась в “египетское окно” в Европу. Центр застроили в европейском стиле, до середины XX века половину населения города составляли выходцы из Италии, Греции, Франции, Англии. Редко встречались и русские эмигранты.

В 1828 году по приказу Али-паши был прорыт канал, соединивший город со страной. Он же приказал очистить морское дно. Александрия стала одним из мировых центров по торговле хлопком и производству хлопчатобумажной ткани.

Ныне Александрия занимает второе место по грузообороту Средиземноморья, уступая только Марселю.

В отличие от Каира Александрия не может похвастаться шедеврами арабской архитектуры — старыми мечетями, медресе, а также церквями, хотя именно Александрия была центром распространения христианства по Египту.

В Александрии многое напоминает Европу, город привлекает туристов не столько своей архитектурой, сколько историей.

27-метровая колонна Помпея из красного гранита была установлена в благодарность императору Диоклетиану за бесплатную раздачу зерна во время голода, охватившего город в 297 году. Название “Колонна Помпея” было дано крестоносцами, которые считали, что на нём был установлен бронзовый кувшин с головой Помпея, соперника Цезаря.

Рядом с центром города находится римский амфитеатр Ком Эль-Дика, построенный из мрамора, он имеет 13 рядов и 800 сидячих мест. Катакомбы Ком Эль Шукафа были случайно открыты в 1990 году, когда осёл с повозкой провалился в глубокую яму. Доступ к катакомбам осуществляется через винтовую лестницу. В древности покойников опускали туда с помощью верёвок. Внизу стоят каменные скамьи для посетителей, на которых происходили поминальные трапезы.

Грандиозная мечеть Эль-Мурса Абул-Аббас названа в честь андалузского святого XIII века. Андалузия — юг нынешней Испании — в течение семи веков находилась под властью арабов, в период их правления этот регион был наиболее процветающей частью Европы.

Белоснежное здание занимает площадь три тысячи квадратных метров. В 1928 году мечеть была отреставрирована итальянским архитектором Марио Россином, перед смертью принявшим ислам.

Единственное, что было спасено, когда сгорела Александрийская библиотека, это манускрипт, содержащий список всех книг, который ныне хранится в Венском музее.

Новая библиотека была построена в 2002 году на месте древней. Строительство обошлось в 220 млн. долларов США. Издали здание сияет как солнечный диск. Именно в этом состоит символика, заложенная архитекторами Норвегии, победившими на конкурсе. Огромный зал выполнен в виде полукруга диаметром 160 метров. Это современное чудо состоит из 3-х музеев, 4-х галерей искусств, планетария, зала для конференций, 6-ти библиотечных залов, включая зал для слепых, выставочный и читальные залы. В библиотеке хранятся 100 манускриптов Корана, Евангелия, Торы и множество других ценных документов на пяти европейских и арабском языках, кроме русского. Она рассчитана на 8 млн. единиц хранения.

Усталые, утомлённые, добираемся до своего отеля. Приняв душ, — бух в постель. Подниматься каждый день в четыре утра и возвращаться в полночь, спать в пути сидя в кресле автобуса или самолёта — удовольствие не особенное. Однако усталость компенсируется восторгом чувств от всего увиденного в древней и в то же время современной стране, коей является Египет.

Улетели из Шарм-аль-Шейха — летом перед рассветом. Прилетели в Астану в полдень — зимой. Теперь всё увиденное надо занести на бумагу. Забудется. Память не вечна. “Написанное пером не вырубишь топором”.

Подтверждение тому древняя история Египта.

Окончание в следующем номере.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 12.03.2009 г.

Подписано к печати 10.04.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 1632.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.